

Н.А.Смирнов

ПОЛИТИКА
РОССИИ
на
КАВКАЗЕ

в III-IX

секундах

Н.А.Смирнов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
социально-экономической литературы
МОСКВА
1958

Автор книги — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета. Ему принадлежат печатные труды: «Россия и Турция в XVI—XVII вв.» (М. 1946), «Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв.» (Нальчик 1948), «Очерки изучения ислама в СССР» (М. 1954), а также ряд брошюр и статей по вопросам ислама и связанных с ним движений горцев Кавказа в XVIII—XIX вв.

Предлагаемая вниманию читателей работа представляет собой исторический очерк, рассказывающий о том, как политика России на Кавказе, вызванная задачами развития восточной торговли России и обороны ее южных границ, привела к установлению дружественных связей России с населением Северного Кавказа, уже в XVI в. выразившихся в добровольном присоединении Кабарды к России, как росли и укреплялись эти связи в процессе совместной борьбы русского и горских народов против их общего врага — турецких и крымских захватчиков.

Используя обширный круг источников, главным образом материалы дипломатической истории, автор основное место в работе отводит внешнеполитическому положению Кавказа.

Вместе с тем в ней большое внимание уделено социально-экономическим условиям жизни горских народов: показан гнет местных феодалов и царской колониальной политики, объяснены причины и сущность народных движений в XVIII и XIX вв. в Кабарде, Чечне и Дагестане (восстание шейха Мансура, движение Шамиля и др.), раскрыт реакционный характер идеологии мюризма. На конкретных примерах автор показывает стремление трудающихся горцев к сближению с русским народом и подчеркивает объективно прогрессивное значение добровольного присоединения народов Кавказа к России.

Таким образом, вопрос о Северном Кавказе приобрел тогда международное значение. Это обстоятельство обусловливает необходимость рассматривать историю взаимоотношений России с народами Северного Кавказа на широком фоне международной политики ряда держав на Востоке. Известно, что Англия, Франция, Иран и Турция, соперничая друг с другом, старались подчинить себе кавказские народы и совместно противодействовали политике России на Кавказе.

Присоединение к России наиболее многочисленного на Северном Кавказе кабардинского народа существенным образом нарушило захватнические планы этих держав и прежде всего султанской Турции. Именно в этом причина того ожесточения, с которым турецкие султаны и крымские ханы вели борьбу за Кабарду. Но с тех пор как в середине XVI в. Россия овладела Астраханским ханством, оборона Кабарды и всего Северного Кавказа стала частью задачи защиты границ Русского государства. В этой совместной борьбе, направленной на защиту общих границ, росло и крепло боевое содружество русского народа с кабардинцами, черкесами и другими народами Северного Кавказа, не ослабевавшее и в последующие века. Не раз отряды кавказских горцев приходили на помощь России. Так, кабардинская конница участвовала в войне против турецких агрессоров, вторгшихся на Украину в 1677—1678 гг., а также в войнах против Швеции и Турции, происходивших в XVIII в. Горские отряды принимали участие в Отечественной войне 1812 г. Нельзя забывать и ту помощь, которую окказал России кабардинский народ, оставаясь верным ей во время войн на Кавказе в XIX в.

Мужественно отстаивая свою землю от посягательств внешних врагов, активно участвуя в защите Кавказа и русских границ, народы Северного Кавказа вписали не одну славную страницу в историю своей Родины, в историю народов России.

Тяжелые условия жизни трудящихся горцев, жестоко угнетавшихся собственными князьями и другими местными феодалами, порождали в них протест против средневекового феодального гнета. Не раз вспыхивал протест и против царского колониального режима. Последним обстоятельством пользовались местные феодалы: они пытались, возглавив освободительное движение народных масс, усилить свое влияние на них, чтобы на вечные

времена сохранить свои феодальные права и привилегии и удержать в повиновении простых горцев. Некоторые из этих феодалов и особенно духовенство видели идеал политического и религиозного устройства в деспотическом строе султанской Турции. Они придерживались турецкой ориентации и пытались повести за собой подвластные им горские массы. Это значительно облегчало султанской Турции вмешательство во внутренние дела Кавказа.

Носившее самые разнообразные формы турецкое вмешательство способствовало разжиганию на Кавказе национальной розни, фанатизма и религиозной вражды, главным образом между мусульманскими народами, с одной стороны, и русскими, армянами и грузинами — с другой. Оно вызывало раздробление сил народных масс Кавказа и отвлекало их внимание от решения важнейших экономических и политических задач, стоявших перед ними. Явно реакционный характер имел получивший широкое распространение на Кавказе мюридизм — религиозно-политическая идеология воинствующей феодальной и clerикальной знати. Протурецкая ориентация некоторых носителей идей мюридизма таила угрозу отрыва Кавказа от России; мюридизм на долгие годы превратил Кавказ в арену кровавой борьбы.

Но народные массы в конечном итоге не пошли за феодалами. Трудящиеся горские массы стремились к сближению с Россией. История показала, что только в тесном содружестве с русским народом, в совместной с ним борьбе против иноземных завоевателей и царского самодержавия, против местных феодалов и русских помещиков и капиталистов народы Кавказа сумели отстоять свое национальное существование. Русский рабочий класс, вставший во главе общенародного революционного движения, привел все угнетенные народы России к их социальному и национальному освобождению.

«В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в судьбах народов Кабардино-Балкарии, как и других угнетенных народов царской России, произошли коренные изменения. Ленинская национальная политика, последовательно осуществляемая Коммунистической партией и Советским правительством, вывела эти народы на широкий путь политического, экономического

и культурного развития, позволила им свободно и счастливо строить свою жизнь»¹.

Большой исторический путь прошли народы Северного Кавказа, прежде чем Великая Октябрьская социалистическая революция привела их к национальному возрождению, к счастливой жизни в братской семье социалистических республик. У истоков этого пути лежит начавшееся 400 лет назад их сближение с великим русским народом. Вопросу о том, в какой мере политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. способствовала этому сближению, и посвящена настоящая работа.

¹ Из приветствия Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ЦК КПСС трудящимся Кабардино-Балкарской АССР (*«Правда»*, 6 июля 1957 г.).

ГЛАВА I

КАВКАЗ В XVI в. И ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАБАРДЫ К РОССИИ

Конец XV — начало XVI в. ознаменовались большими историческими событиями. Развитие производительных сил в недрах феодального общества, рост товарно-денежных отношений, расширение рыночных связей, поиски кратчайших путей в страны Востока — все это послужило толчком для великих географических открытий. Стремление овладеть богатствами восточных стран, захватить их территории и поработить их население толкало феодалов Западной Европы на новые завоевания и служило причиной сначала экономического, а потом и политического проникновения западноевропейских государств в страны Востока.

Для Русского государства это был период его мощного национального подъема. Сбросив с себя татаро-монгольское иго, надолго задержавшее социально-экономическое развитие страны, окончательно преодолев сепаратизм своих внутренних частей, Россия предстала перед Западной Европой как могучее централизованное государство, растущее в своих естественных границах, расширяющее экономические и политические связи с соседними странами.

Распад Золотой орды, ликвидация Казанского и Астраханского ханств вновь открыли русским людям путь на Восток. Интерес Русского государства к странам Востока значительно возрос уже во второй половине XV в. в связи со стремлением России установить постоянные торговые связи со своими восточными соседями.

Не случайно в это время большое значение приобретает старинный торговый волжский путь, на котором выросли такие торговые города, как Нижний Новгород, Казань, Астрахань. По словам итальянского путешественника Амбродио Контариини, астраханский хан ежегодно отправлял посла в Россию не столько для дел, сколько для получения какого-либо подарка. Посла обыкновенно сопровождал целый купеческий караван с шелком и другими товарами, которые купцы променивали на меха, седла, мечи и иные вещи. Русские летописи сообщают, что в 1476 г. в Москве пришел из Большой орды от царя Ахмата посол Бочук. С ним прибыло около 550 гостей с конями и со всяким товаром¹.

Несмотря на то что в XV в. русская торговля с Ираном, с государствами Закавказья и Средней Азии была сильно стеснена феодальной раздробленностью этих стран и постоянными междоусобицами их многочисленных правителей, все же тяготение русской торговли к Востоку и соответствующий интерес восточных народов к России были совершенно очевидными. Так, еще в 1404 г. русских людей с товарами — кожей, мехами и льняными тканями — видели в Самарканде вместе с торговцами из Китая и Индии. «И не должно казаться странным появление русских торговцев в Самарканде, — пишет русский исследователь И. И. Срезневский, — когда за полвека перед тем льняные одёжды из земли русской вместе с тканями из Александрии были в ходу и в почете почти за полторы тысячи верст за Самарканом на юг, на полдороге из него в Калькутту, в Дели, что в северной Индии. Заходя так далеко на юго-восток, русские товары и торговцы гораздо легче могли заходить в Шамаху, Тавриз, Султанию, Токат, Багдад»².

Особенно следует выделить торговые и политические связи России с Ширванским государством, в котором в XV в. уже было развито шелководство и ремесло (изготовление шелковых тканей, ковров и пр.). В столице этого государства — Шемахе и в морском порту Баку были большие караван-сараи, базары, процветала торговля, в том числе и морская. Итальянские путешественники

¹ «История Москвы», т. I, М. 1952, стр. 95.

² Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. «Чтения И. И. Срезневского», СПБ 1857, стр. 2.

Барбаро, Контарини и др. свидетельствуют, что Ширван в XV в. являлся поставщиком шелка, риса, нефти и других предметов торговли. Ширванский шелк сыграл большую роль в развитии международной торговли Азербайджана с Россией и через Турцию с Западной Европой. Созданная им торговая слава Ширвана послужила одной из важнейших причин превращения Азербайджана в объект завоевательной политики Тимура в конце XIV в., турецких султанов и иранских шахов в XVI в.

В 1466 г. в Москву прибыл из Ширвана от ширваншаха посол Хасан-Бек. Это вызвало ответное посольство. С московским послом Василием Паниным в Ширван отправились русские купцы во главе с Афанасием Никитиным. Афанасий Никитин побывал в ряде городов Закавказья, Ирана и Индии и обессмертил свое имя исключительным по научному значению описанием Индии, известным под названием: «Хожение за три моря».

Уже в 1475 г. русского посла видели при дворе Узун-Хасана, знаменитого повелителя государства Ак-Коюнлу, образовавшегося на территории Азербайджана и Северного Ирана. Об этом свидетельствует, в частности, путешественник Контарини, посланный Венецианской республикой к Узун-Хасану. Описывая свое прибытие в 1475 г. в Шемаху и путешествие в Дербент, во время которого ему удалось собрать некоторые сведения о Кавказе и Астраханском ханстве, Контарини неизменно отмечает, что переводчиком и руководителем его в этом путешествии был русский посол по имени Марко, видимо хорошо ориентировавшийся в кавказских делах.

В 1494 г. в Москву прибыло новое посольство от ширваншаха с предложением дружбы и торговли.

Почти одновременно с Ширваном установились, точнее, возобновились связи России с Грузией, или, как ее тогда называли, с Иверской землей. Под 1492 г. русские летописи сообщают о прибытии из Иверской земли, из Кахетии, от царя Александра посла по имени Мурат¹.

Привезенная им грамота от царя Александра, датированная 1491 г., является наиболее древним документом.

¹ С. А. Белокуров, Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым, вып. I, 1578—1613, М. 1889, стр. XVIII.

относящимся к истории дипломатических сношений Московского государства с народами Кавказа.

Официальным поводом для отправки посольства из Кахетии в Москву было желание Александра уведомить Ивана III о своем вступлении на престол. Не исключено, однако, что одной из причин, толкавших грузинских царей на сближение с Москвой, было уже тогда их стремление приобрести заступничество Русского государства на случай вражеских нападений со стороны их ближайших соседей.

Наибольшую угрозу для народов Кавказа представляли Османское (Турецкое) государство и вновь образованное в Азербайджане и Иране государство Сефевидов.

Социально-политическая жизнь этих государств в XVI в. характеризовалась усилением феодальной эксплуатации основной массы производителей-крестьян и их закрепощением. Неспособные преодолеть феодальную раздробленность, образовать сильную централизованную власть и подавить народное недовольство, вызываемое классовым, национальным и религиозным гнетом, эти государства стали на путь широких завоеваний, которые должны были обеспечить паразитическое существование феодалов за счет ограбления новых земель и эксплуатации покоренных народов.

Турецкие феодалы, стремясь захватить богатые земли с трудолюбивым населением, занятым сельским хозяйством, а также торговые центры, расположенные на важнейших сухопутных, речных и морских путях, повели наступление как на Центральную Европу, так и на страны, расположенные в бассейне Средиземного моря.

В XV в. турки захватили почти весь Балканский полуостров и перешли через Дунай. Овладев в 1453 г. Константинополем, уничтожив Трапезундскую империю (1461 г.), сломив сопротивление государства Ак-Коюнлу на востоке, они подчиняют себе Крым и владения Венеции и Генуи на черноморском побережье (1475 г.) и становятся хозяевами Черного моря. Крымское ханство, бывшее союзником Русского государства в его борьбе с Золотой ордой, турецкие султаны превращают в его злейшего недруга и одновременно в важнейшую опору для своего дальнейшего продвижения на Кавказ.

С установлением безраздельного господства турок на Черном море торговое мореходство на нем прекращается.

Для турок торговля была дополнительным источником обогащения; роль купца их не прельщала. Турецкие феодалы — «мужи сабли» — предпочитали торговле военные захваты. Функцию торговли они передавали наиболее предприимчивым представителям покоренных народов, облагая их высокими налогами и пошлинами.

Черное море турецкие феодалы использовали главным образом для установления военных коммуникаций, обеспечивающих переброску войск и снаряжения как в их малоазиатские владения, так и на его северное и кавказское побережье.

Такая политика сultанской Турции создала крайне напряженное положение на Кавказе. Народы Кавказа, обеспокоенные за свою судьбу, под угрозой турецкого на-
ществия ищут защиты и помощи у Русского государства, слава о котором росла по мере его национального подъ-
ема и успешной борьбы с чужеземными захватчиками.

Эта политика Турции не могла не затронуть и непо-
средственных интересов самой России. Стремление раз-
вивать восточную торговлю давно уже заставило рус-
ских людей обратить взоры к странам Востока.

В русском языке уже в XV в. появляются такие новые географические понятия, как «Гиндустан» (Индостан), «земля Раҳманов», или «Рахманея» (страна мусульман), «земля Миср» (Египет) и такие термины, как «гурмыж-
ские зерна» (жемчуг из Ормуза), «камка мисюрская» (египетская), «стафта ездинская» (из г. Езда в Иране) и др. К XV в. может быть отнесено появление письмен-
ного произведения о Востоке под названием: «О землях за Аракатом», который стоит «за Кавказскими и Ивер-
скими горами промеж трех морей — Черного, Бакин-
ского и Индийского, на границе трех царств — Ивер-
ского, Турского и Персидского»¹.

Сведения о восточных странах доставляли в Москву в конце XV в. венецианские послы и купцы, особенно направляемые через Россию к Узун-Хасану с целью вовле-
чения его в борьбу против Турции.

Однако, чтобы поддержать и развивать торговые и дип-
ломатические связи со странами Востока и, в частности,
с Кавказом, Россия должна была прочно укрепиться на

¹ Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг.
«Чтения И. И. Срезневского», стр. 5.

Волге и на Дону, служивших удобными водными путями в восточные страны. Крымские ханы, а за ними и турецкие султаны в XVI в. открыто претендовали на господство над ногайскими ордами и ханствами Поволжья.

Хотя султанская Турция и установила в конце XV в. дипломатические связи с Россией и была заинтересована в развитии русско-турецкой торговли через Кафу (Крым) и Азов, однако во всем, что касалось Юго-Восточной Европы, в том числе Поволжья, Дона и Кавказа, она поддерживала интересы крымских ханов и неизменно толкала их против России, стремясь не допустить ее к Черному и Каспийскому морям.

Крымские ханы вступили в конфликт с Россией из-за Казани, которую они поддерживали в ее борьбе против России. В 1505 г. казанский хан Мухаммед-Эмин, поставленный в Казань Иваном III, неожиданно напал на Нижний Новгород; его войско лишь с трудом было отбито. Последовавшая в 1506 г. неудача русских войск под Казанью послужила сигналом к враждебным выступлениям против России ряда ханств и прежде всего Крымского. Пользуясь династическими связями с казанскими ханами, крымские ханы толкали их на активную борьбу против России.

В то же время развернулась борьба за Астраханское ханство, возникшее еще в середине XV в. Это ханство, через которое пролегали важнейшие торговые пути в страны Востока, явилось желанным объектом захвата для крымских ханов, особенно когда за их спиной появилась султанская Турция.

В 1523 г. крымский хан Мухаммед-Гирей сделал попытку овладеть Астраханью, однако его войско встретило решительный отпор со стороны ногайцев и астраханцев и сам хан был убит. Новому крымскому хану Сеадет-Гирею, посаженному Турцией, удалось с большим трудом вытеснить ногайцев и заключить мир с астраханским ханом Хусейном. Крымский хан сумел восстановить Астраханское ханство против ногайцев и России и тем самым сделал его своим союзником.

Если к этому добавить, что в 1524 г. казанский хан Сагиб-Гирей (ставленник Крыма) изъявил готовность признать себя вассалом Турции и объявить Казанское ханство юртом (владением) султана Сuleймана, то можно сделать вывод, что позиции крымского хана, а следовательно,

и турецкого султана в Восточной Европе к 1525 г. оказались чрезвычайно сильными.

Россия в качестве своего военного союзника в противовес антирусской политике крымских ханов чаще всего использовала Ногайскую орду, выделившуюся из состава Золотой орды в конце XIV в. Ногайская орда вначале кочевала на территории между Волгой и Иртышом. Первые сношения Ногайской орды с Русским государством относятся к 80-м годам XV в. Следует отметить, что ногайцы нередко совершали набеги на русские владения, а также вмешивались в крымские, казанские и астраханские дела и совершали нападения на Среднюю Азию (и даже осаждали Бухару).

Турецкие султаны стремились использовать связи подвластного им Крыма с Казанью, Астраханью и ногайцами в целях подчинения их своей власти для противодействия восточной политике России и оттеснения ее от Каспийского и Черного морей. Это не могло не привести к обострению русско-турецких отношений в первой половине XVI в.

В «Хронологических выписках» К. Маркса имеется выразительная характеристика Турции начала XV в.: «Государство османов было единственной подлинной военной державой средневековья»¹.

Подлинно военный характер этой державы определялся прежде всего существованием турецкой военно-ленной системы, превратившей класс феодалов в военачальников, обязанных выступать в поход с определенным количеством вооруженных крестьян. Считая, что доходность военных ленов обеспечивается количеством феодально зависимых крестьян и собираемым с них налогом, турецкие феодалы стремились к захвату стран и территорий, имевших плодородные земли и густонаселенные: Венгрии, Египта, Месопотамии, Закавказья, Северного Кавказа, Поволжья. Войны, которые вела для этого Турция, несли разорение не только покоренным народам, но и турецким народным массам. Низкая производительность труда, высокая норма ренты, выколачиваемой феодалами, — все это неизбежно влекло за собой массовое обнищание крестьянства, упадок городской жизни и, следовательно, общую хозяйственную деградацию под-

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. VI, Госполитиздат, 1939, стр. 189.

властных стран. Вместе с тем в завоеванных странах обострялась как междоусобная борьба феодалов, так и борьба трудового народа против своих угнетателей.

Пользуясь феодальной раздробленностью государств Закавказья, турецкие завоеватели захватывали богатейшие, плодородные армянские, грузинские и азербайджанские земли, прибирая к рукам ширванский шелк, шерсть и природные богатства Азербайджана.

Закавказье имело для турецких султанов также большое стратегическое значение как плацдарм для борьбы против Ирана, для проникновения на южные окраины России и в Среднюю Азию.

Первое столкновение Турции с государством Сефевидов, распространившим в первом десятилетии XVI в. свою власть из Азербайджана на Карабах, Армению, Курдистан и др., закончилось знаменитой битвой, произошедшей на Чалдыранской равнине, близ города Маку, в августе 1514 г. В этой битве турки одержали полную победу. Они заняли город Тебриз — богатый торгово-ремесленный центр с развитой кустарной промышленностью: шелкоткацкой, шерстобитной, хлопчатобумажной, красильной, кожевенной и оружейной. Вскоре турки вынуждены были покинуть Тебриз, но после того, как достаточно поживились за его счет. Уходя, они удалились с собой для расселения в Константинополе несколько сот семей лучших мастеров. По договору, заключенному в 1515 г.; к Турции отошли Западная Армения с г. Эрзрумом и часть Северной Месопотамии.

В 1517 г., воспользовавшись войной, которую вели Турция с целью захвата Египта, шах сефевидов Исмаил подчинил себе Восточную Грузию (Кахетию и Картлию), а в 1519 г. — Ширван.

Острая борьба за Закавказье между двумя соперниками происходила и в 1533—1538 гг., и в 1547—1555 гг. По миру в г. Амасии (1555 г.) к Турции отошла южная часть Армении (бассейн озера Ван) и Западная Грузия.

По мере борьбы за Закавказье росли и ширились захватнические аппетиты султанской Турции, которые теперь простирались на весь Кавказ. Турция опасалась сближения Сефевидского государства с Россией, заинтересованной в развитии торговли с кавказскими народами. Под влиянием захватнической борьбы за Закавказье в султанской Турции вынашивались еще более

граиндиозные планы утверждения ее господства на Северном Кавказе, в Астрахани и ногайских степях.

К осуществлению этих планов были привлечены крымские ханы, обязанные действовать в качестве якобы законных преемников и наследников Золотой орды. Предполагалось, что Астрахань, Северный Кавказ и Ногайская орда или добровольно признают власть турецких султанов и крымских ханов или же будут подчинены им путем завоевания.

Однако осуществление турецких планов натолкнулось на серьезное противодействие прежде всего со стороны народов, живших на Северном Кавказе.

Одним из наиболее многочисленных народов Северного Кавказа были кабардинцы, составлявшие в XVI в. несколько феодальных владений (княжеств).

Кабардинцы ведут свое происхождение от племен адыгов, расселявшихся в I тысячелетии н. э. в западной части Северного Кавказа, по левому берегу р. Кубани.

В конце VIII — начале IX в. за Кубанью возник союз племен, получивших в русских источниках общее наименование косогов. В этот союз входили родственные друг другу племена зихов, адыгов, убыхов и др. Косогам пришлось вступить в длительную борьбу с алантами, появившимися на Северном Кавказе еще в I в. н. э. и со временем создавшими мощный племенной союз, подчинивший себе кавкасское население. Другими противниками косогов были государственные образования, возникшие к востоку и к северу от Кубани — Хазарский каганат (VII—X вв.) и русское Тмутараканское княжество, расположенные на Тамани (X—XI вв.).

В XIII в. господство алан над населением Северного Кавказа сменилось господством монголов. Однако монголам не удалось окончательно подчинить местное население. Итальянский путешественник Рубрук, проезжавший через Кавказ в 50-х годах XIII в., отмечал, что против монголов продолжали вести борьбу некоторые племена адыгов (черкесов) и алап, хотя официально они считались находившимися под властью золотоордынских ханов.

По-видимому, значительная часть алап в процессе упорной борьбы с монголами была истреблена, а оставшиеся вынуждены были уйти с равнины и степных пространств Северного Кавказа в горные районы, где они и закрепились; некоторые ученые считают, что эти

аланы в дальнейшем стали называться ясами или осами (осетинами).

Еще задолго до монгольского нашествия начался процесс распространения адыгских племен на территории степных пространств Северного Кавказа. Но этот процесс проходил очень медленно, встречая серьезное сопротивление со стороны аланс. Важнейшей причиной, толкавшей адыгские племена на захват новой территории, была потребность феодализирующейся верхушки в пастбищах и удобных пахотных землях, особенно в связи с возросшим занятием коневодством. Ликвидация власти аланс, а также неспособность монголов освоить громадные степные пространства Северного Кавказа значительно облегчили доступ адыгским племенам на эти территории.

В предгорьях Кавказа, особенно в горных ущельях рек (Кубани, Баксана, Чегема и др.), адыги столкнулись с карачаевцами и балкарцами. Следует отметить, что эти кочевые племена, по-видимому, прошли далекий путь, прежде чем обосновались на Северном Кавказе. Не исключена возможность, что балкарцы ведут свое происхождение от средневековых булгар. На Кавказе они оказались в результате нашествия половцев или монголов. В процессе борьбы против аланс, а затем монголов адыги установили связи с карачаевцами и балкарцами. Эти связи в последующем превратились в добрососедские отношения, нарушаемые лишь междуособной борьбой феодальной знати¹. Уже в XIV—XV вв. часть адыгских племен, широко расселившихся на территории от Пятигорья до Терека и Сунжи, ассимилировала остатки древнего местного населения, в результате чего создался особый этнический тип с некоторыми, хотя и не очень значительными, языковыми отличиями от остальных адыгов. Этот этнический тип лег в основу образования новой народности, получившей, по-видимому, уже в XV в. название «къэбердэй» (кабарда), происходящее, как полагают некоторые исследователи, от имени одного из феодальных владетелей Қабарда Тамбиева. Уже в первой половине XV в. кабардинцы как самостоятельный народ упоминаются под именем «кевертейцы» (*cheverthei*) в описании

¹ Наиболее полные сведения о балкарцах содержатся в книге В. Н. Кудашева «Исторические сведения о кабардинском народе», Киев 1913, стр. 233—283.

путешествия венецианца И. Барбаро, который, перечисляя народы, населявшие указанную выше территорию, помещает их перед асами (осами)¹. В следующем веке кабардинцы уже встречаются в русских летописях, в которых они иногда именуются «пятигорскими черкасами». Надо сказать, что название «черкес», или «черкас», в применении к адыгам и кабардинцам широко распространялось при господстве монголов. Некоторые исследователи сближают Черкесов с керкетами, населявшими в I тысячелетии до н. э. вместе с другими племенами (меоты, синды) самую западную часть Северного Кавказа. Другие считают, что слово «черкесы» происходит от племенного названия «зихи».

После ликвидации золотоордынского ханства на всем Северном Кавказе начали интенсивно складываться раннефеодальные политические образования (у адыгейцев, западных черкесов, кабардинцев и др.). У кабардинцев в XVI в. появилось два основных княжества, известных под названием Большая и Малая Кабарда. Границей между ними была река Терек, по левую сторону от которой находилась Большая Кабарда, а по правую — Малая. Эти два княжества в свою очередь распадались на более мелкие владения. В этих кабардинских княжествах преобладали патриархально-феодальные отношения. Размеры феодального землевладения здесь определялись прежде всего количеством скота (овец и лошадей). Хозяйство как феодалов, так и крестьян было натуральным и замкнутым. В хозяйстве главную роль играло скотоводство, однако известное место занимали земледелие (просо) и домашнее ремесло (прядение, ткачество, изготовление оружия, хозяйственного инвентаря, обуви, одежды и др.). Многие предметы, необходимые в быту (соль, изделия из железа, огнестрельное оружие), а также предметы роскоши чаще всего доставлялись караванами странствующих купцов. Крестьяне жили селениями («кабаками») и находились в зависимости от феодальной знати. Формы зависимости были различны. Часть населения была обязана выполнять определенные повинности, регулируемые

¹ См. «Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина». Перевод с итальянского В. С. («Библиотека иностранных писателей о России», отделение первое, т. I, СПб 1836). стр. 45.

обычным правом (адатами), другие облагались натуральным оброком или выполняли установленную барщину. Помимо крестьян, феодалы в своем хозяйстве эксплуатировали рабов, в состав которых попадали прежде всего пленные. Рабы служили также предметом торговли. Нередко зависимое положение трудового населения прикрывалось различными патриархальными обычаями, среди которых особое значение имели обычаи гостеприимства, побратимства, кровной мести и др. Феодалы, особенно князья (пши), вышли из родовых старшин и воспинах преследователей. Князья опирались на военную дружины, набиравшуюся из узденей, составлявших привилегированное сословие. Крупные князья имели по тысяче и больше узделей и владели десятками крестьянских селений. Наряду с ними были и мелкие владельцы, обладавшие всего несколькими узденями и 5—7 селениями.

К господствующему классу Кабарды примыкало мусульманское духовенство. Религия (ислам) играла заметную роль в жизни кабардинского феодального общества начиная с XVII в. Однако мусульманское духовенство не пользовалось большим авторитетом у местного населения. Муллы и кадии были чаще всего выходцами из Крыма или Турции; насаждая в Кабарде чуждые горцам нормы мусульманского законодательства, они служили одновременно проводниками политики этих стран. При этом им приходилось преодолевать сопротивление населения, приверженность которого к местным народным обычаям (адатам) была чрезвычайно сильна. В иных случаях духовенство было вынуждено приспособливать свою деятельность к местным адатам.

У адыго-черкесских племен, отличавшихся друг от друга языковыми особенностями и диалектами, процесс складывания феодальных отношений происходил гораздо медленнее, чем у кабардинцев. У некоторых из этих племен (бесленеевцев, бжедухов, темиргойцев и др.) уже выделилась феодальная верхушка — «князья» — и наметилось сословное деление. Наряду со свободными крестьянами (фокотлями) здесь существовало зависимое, закрепощенное население; большую роль в хозяйственной жизни играли также рабы (унауты). У других племен (абадзелов, натухайцев, шапсугов и др.) общинный строй оказался более устойчивым. Здесь феодально-сословная иерархия к этому времени еще не сложилась, ^{в основу} ~~в основу~~ масла

крестьян была свободной и вместо князей выступали старшины.

Основным занятием населения были земледелие и скотоводство, а в приморской полосе — рыболовство. Земля в большинстве случаев находилась в общинном владении. Уровень хозяйственной жизни был невысок; техника земледелия оставалась примитивной, хотя в степных районах существовало пахотное земледелие с применением сохи. При уборке урожая употреблялись серп и коса. Большое распространение имели различные ремесла, особенно гончарное и ювелирное, а также выделка кож, металлообработка и пр. Среди племен была развита торговля, носившая преимущественно меновой характер. Продукты сельского хозяйства и скотоводства обменивались на соль, ткани, оружие, изделия из железа и др. Развитию меновой торговли способствовало существование в приморской полосе городов, частью основанных еще греческими и генуэзскими поселенцами. Такими городами были Темрюк, Тамань, Мана (Анапа), Аббаза (Сочи) и др., служившие также портами для морской торговли. В XVI в. они были захвачены турками, обложившими их большой данью и высокой торговой пошлиной. Турецкое хозяйничанье, при котором вся внешняя торговля приморских городов свелась почти исключительно к торговле невольниками, сильно тормозило развитие нормальных экономических связей Кавказа с внешним миром.

В религии адыго-черкесских племен в XVI в. преобладали местные древние верования и обряды. В некоторых местах сохранились элементы христианства, занесенного сюда в предшествующие века. Распространение ислама среди адыго-черкесов относится к XVII—XVIII векам¹.

Положение народных масс на Северном Кавказе было тяжелым. Трудовое население страдало от постоянных раздоров феодальных группировок, нередко приводивших к кровавым столкновениям и разорению хозяйства. В этих условиях дело защиты родной земли от посягательств со стороны крымских ханов и турецких султанов ложилось всецело на плечи трудового народа.

¹ См. Е. П. Алексеева, Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. [Черкесск] 1957, стр. 115.

Вопрос о том, как и когда началось проникновение султанской Турции на Кавказ, до сих пор еще не получил всестороннего освещения. Известно, что Турция продвигалась на Кавказ двумя путями: северным — через Крым, Азов и Тамань, с тем чтобы выйти к Каспийскому морю и устью Волги, и южным — через Курдистан, Армению, Аджарию, Абхазию, Мегрелию, Картлию, Шемаху и дальше, вплоть до Каспийского моря, что обеспечивало успешную борьбу с Ираном за Азербайджан и вообще за Закавказье.

Обладание Кавказом дало бы в руки Турции огромное преимущество перед Ираном и облегчило бы туркам проникновение в Среднюю Азию. Кроме того, это ставило в крайне невыгодное положение Русское государство. Обосновавшись на Кавказе, турки оказывали бы давление на Казанское и Астраханское ханства и на ногайцев; их господство здесь нанесло бы ущерб торговым связям России с закавказскими областями, Ираном и Средней Азией.

Однако только тогда, когда Турция овладела в 1514—1515 г. Курдистаном и подошла вплотную к преддверию Закавказья, можно датировать начало турецкого проникновения на Кавказ. Хотя в руках турок были к этому времени Крым и устье Дона и даже отдельные пункты побережья, все же турецкое продвижение на Кавказ началось не с севера, а с юга, со стороны Трапезунда — морским путем и со стороны Курдистана и Армении — сухопутным. Постепенно и не без труда турки создали на черноморском побережье Кавказа свои опорные пункты, которые затем, уже во второй половине XVI в., превращаются в небольшие крепости: Сухум, Гагры, Суджук, Темрюк и др.; таким путем туркам удалось установить нечто вроде протектората над узкой прибрежной полосой Кавказа.

Эти турецкие опорные пункты содействовали развитию здесь работторговли, которая не только обогащала купцов-предпринимателей, но и служила источником государственного дохода Турции, взимавшей таможенную пошлину за провоз рабов. Начиная с XVI в. турки и крымский хан ежегодно вывозили с кавказского побережья более 12 тыс. рабов. Производство здесь не развивалось. Турция и торговавшие под ее флагом купцы

предъявляли спрос на крайне ограниченное число товаров, поэтому не было стимула для развития производства и оно держалось на самом низком уровне. Зато благодаря этому обеспечивалась большая прибыль купцам от морской посреднической торговли.

Ни в XVI в., ни в последующее время Турция не сумела обеспечить себе полного господства на черноморском побережье; она так и не добилась аккуратной выплаты дани местным населением. Народы Закавказья не хотели мириться с господством турок и оказывали им упорное сопротивление. Нередко турецкие гарнизоны терпели длительную осаду и даже вынуждены были покидать свои крепости, например Сухумскую и Гагринскую, в результате нападений со стороны местного населения. Турский протекторат над черноморским побережьем фактически заключался во владении одиими крепостями и во временной оккупации небольших районов. Так обстояло дело с продвижением турок на Кавказ с юга.

Представить себе детально путь турецкой экспансии на Кавказ через Крым и Азов труднее, поскольку здесь одновременно действовали турецкие и крымские силы.

Попытки покорить Северный Кавказ и подчинить населяющие его народы и племена как со стороны Турции, так и со стороны Крыма принимают систематический характер только в XVI в., когда Русское государство установило дружественные взаимоотношения с Кабардой и Грузией.

Наиболее ранние сведения о турецких захватнических действиях на Северном Кавказе относятся к первой четверти XVI в. Тогда в переговорах с прибывшим в Москву турецким послом Камалом был затронут вопрос о набегах турецких людей из Азова на русскую землю. Одновременно русские дипломаты высказали жалобу на аналогичные действия со стороны крымского хана, наследника Мухаммед-Гирея. Бояре потребовали, чтобы султан в доказательство своей дружбы запретил крымскому хану нападать на русские земли.

Примерно к тому же времени относятся и большие набеги крымских татар на Астрахань и на Северный Кавказ.

В июле 1519 г. русский посол Голохвастов, отправленный в Турцию, прислал из Азова сведения о том, что

турки готовятся к завоеванию черкесской земли, для чего хотят соорудить город в устье реки Кубани. Султан уже приказал крымскому хану отправить туда 8 тыс. человек.

В том же 1519 г. турки сделали первую попытку воспрепятствовать утверждению на Дону русских и наложить свою руку на донскую торговлю, вплоть до Переялки и до Боронежа.

В 1523 г. посол Иван Семенович Морозов (Брюхов), направлявшийся через Азов в Турцию, сообщил, что на берегах Дона он видел много убитых людей — ногайцев и крымцев, а также трупы лошадей и верблюдов. Видимо, там произошло сражение ногайцев с войском крымского хана, стремившимся пройти к Астрахани. На этот раз победа осталась за ногайцами. Новый крымский хан Сеадет-Гирей должен был по приказу из Константинополя взыскать с ногайцев «кровь своего брата», т. е. продолжать наступление на юго-восток, для чего султан якобы приспал ему подкрепление в 20 тыс. человек и 500 пищалей.

В течение всей первой половины XVI в. Турция делала попытки сколотить блок Крыма, Казани и Астрахани против России. Однако Россия опередила Турцию. В 50-х годах XVI в. она овладела Казанью и Астраханью и установила дружеские связи с народами Кавказа и Ираном раньше, чем Турция и крымский хан сумели преградить ей путь. Встав твердой ногой в устье Волги, Россия не только обеспечила свой тыл, но и получила возможность развивать торговые связи с Ираном, Средней Азией и Кавказом.

После поражения турок под Веной в 1529 г. еще отчетливее выявляется их стремление усилить свою активность на востоке. В осуществлении этой политики первое место отводилось крымским ханам, которые организуют набеги на Северный Кавказ, стремясь подчинить себе его жителей. Это подчинение иногда выражалось в форме так называемого аталычества. Аталычество заключалось в том, что крымская знать отдавала своих детей на воспитание в богатые кабардинские, черкесские или адыгейские семьи, которые таким образом становились аталыками крымских феодалов — ханов и мурз и попадали в известную зависимость от них. Насколько серьезна была эта зависимость, видно из того, что

феодалы впоследствии открыто претендовали на земли своих аталаиков.

После присоединения к Русскому государству Казанского ханства в 1552 г. Турция вступила в непосредственные сношения с главою Ногайской орды мурзой Юсуфом, а после — со сменившим Юсуфа его братом Измаилом. Турский султан через своего посла пытался убедить Измаила начать борьбу с русскими, обещая за это сделать его царем в Азове. Одновременно султан сообщал, что собирается посадить от себя царя и в Астрахань.

Но Измаил был сторонником сближения с русскими. Он содействовал вторичному взятию ими Астрахани в 1556 г. и дал обязательство выступать «на всех недругов царя» и соблюдать с Россией мирные отношения. За это он пользовался материальной и военной поддержкой Москвы, получая от нее пищи, пушки и даже стрельцов.

Астраханское ханство было много слабее Казанского, но его положение и торговля со странами Востока всегда придавали ему особую важность в международных отношениях того времени. Выше уже отмечалось, что в 1523 г. попытку овладеть Астраханским ханством сделал крымский хан Мухаммед-Гирей; в 1532 г. Астраханью овладели черкесы (по-видимому, кабардинцы), однако уже в 1538 г. ногайцы водворили на место астраханского хана своего ставленника. Что касается России, то она начала укреплять свои связи с Астраханским ханством еще в конце XV в. и, как правило, помогала ему в борьбе против Крыма. В России служили некоторые астраханские царевичи. В 1557 г. астраханский хан Ямгурчей, хотя и просил о подданстве России, но в конце концов сблизился с крымским ханом и ногайским мурзою Юсуфом, что и послужило поводом к первому походу русских на Астрахань в 1554 г. В этом походе участвовал мурза Измаил. Он просил царя Ивана IV, чтобы тот «их оборонил от Ямгурчая, царя астраханского, отпустил бы Дербыша царя, да послал свою рать и посадил бы его в Астрахань»¹.

Иван IV выполнил эту просьбу. Тут русский царь как бы вспомнил о своем праве на Астрахань, о том, что

¹ Г. Перетяткович, Поволжье в XV—XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации), М. 1877, стр. 213.

Астрахань «древнее отечество» его, которым «владели предки царя под именем Тмуторокани»¹.

В 1554 г. Астрахань, покинутая ханом, не оказала сопротивления русскому войску. Однако новый хан Дербыш не оправдал возлагавшихся на него надежд. Правда, бывшему хану Ямгурчею, пришедшему в 1555 г. к Астрахани с крымцами и янычарами и с детьми Юсуфа, не удалось овладеть городом. Но отразили его не Дербыш, а «пятигорские черкесы» (кабардинцы), разгромившие крымцев.

Чтобы обеспечить успешную операцию против Астрахани, крымский хан решил совершить набег на Россию; однако, узнав о проведенных приготовлениях и выступлении царя с войском в Тулу, от набега *отказался*. В следующем, 1556 г. было послано русское войско под Астрахань, а атаману Ляпуну Филимонову с 500 казаками было приказано двинуться полем на Волгу. Астраханский хан Дербыш старался организовать защиту с помощью присланных из Крыма тысячи человек, среди которых было 300 турецких янычар с пищалями и пушками. Но и на этот раз город сдался русским войскам без боя. После небольших сражений сдался и Дербыш, заявив, что «он государю изменил неволею».

Никоновская летопись под 1556—1557 гг. отмечает, что впоследствии явились в Астрахань, к русским воеводам, князья, миры, шейхи и «вся чернь Астраханская земли» и присягнули России. Им раздали острова и пашни «по старине», с обязанностью черным людям платить ясак, как платили прежним царям².

Включение Астраханского ханства в состав Русского государства почти совпало с окончанием ирано-турецкой войны и миром 1555 г.

Попытки Турции и Крымского ханства захватить Астрахань свидетельствуют об их борьбе за устье Волги и Северный Кавказ.

Раздробленный на множество небольших феодальных владений, Северный Кавказ казался Турции наиболее уязвимым местом, захват которого давал ей в руки

¹ Г. Перетяткович, Поволжье в XV—XVI веках, стр. 219. См. «Книга Степенная», ч. II, М. 1775, стр. 271: «...такоже и Астрахань, ибо прежде зовом бяше Тмуторохань».

² См. Г. Перетяткович, Поволжье в XV—XVI веках, стр. 220.

ключ к разрешению не только закавказской, но и иранской проблемы.

Из-за овладения этим ключом ей предстояло вступить в борьбу с Россией, правители которой уже в XVI в. понимали значение для России Кавказа в связи с необходимостью приобрести выход к южному морю.

Поселения вольных русских людей на Дону (донские казаки) и на Тереке (гребенские казаки) были с самого начала XVI в. связующим звеном России с народами Северного Кавказа, в частности с кабардинцами, часто именуемыми в это время «пятигорскими черкесами», или «пятигорскими черкасами».

Кабардинцы со своей стороны были также достаточно хорошо осведомлены о Русском государстве и о его борьбе с Казанским, Астраханским и Крымским ханствами. Одним из первых кабардинских князей, осознавших необходимость сближения с Россией в целях объединения Кабарды и противодействия Турции и Крыму, был старший князь Темрюк Идарович.

Несмотря на сопротивление некоторых феодалов, ориентировавшихся на Крым и Турцию, он твердо и последовательно стремился к сближению с Россией, которая после завоевания Астрахани (1556 г.) приблизила свои границы непосредственно к кабардинской земле. Такую же позицию занимали и некоторые западночеркесские князья, которые в это время уже вступили в переговоры с Россией.

Первое посольство черкесских князей прибыло в Москву в 1552 г.

В 1555 г. в Москву прибыло другое посольство от черкесских князей в составе 150 человек, во главе с князем Сибоком. Оно просило, «чтобы государь пожаловал, дал им помочь на Турьского города и на Азов и на иные города и на крымского царя¹. Прибывшим черкесам были обещаны подданство, защита от крымского хана; в помощь же против турок было отказано, поскольку Россия находилась в мирных отношениях с Турцией. В 1556 г., во время борьбы России против Крыма, союзные России «пятигорские черкасы», среди которых, по-видимому, были и кабардинцы, в результате удачного по-

¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв. Документы и материалы в 2-х томах», М., 1957. Т. I, XVI—XVII вв., стр. 4.

хода захватили города Тамань и Темрюк. «С другую же страну, — говорится в «Степенной книге», — черкасы пятигорские, Тазруд и князь Дасиби, которые были у царя и великого князя на Москве, взяли два града крымских Темрюк да Томан»¹.

Но особенно важной датой в истории сближения Кабарды с Россией нужно считать 1557 г. В этом году в Москву прибыло посольство от старшего, наиболее влиятельного и почитаемого кабардинского князя Темрюка и князя Тазрюта с просьбой, «чтоб их государь пожаловал, велел им себе служити и в холопстве их учинил»². В Москве положительно отнеслись к этой просьбе; она соответствовала планам политики царя на Кавказе и объективно отвечала интересам России.

Кабарда была принята под покровительство России; с этого года русский царь рассматривает кабардинцев, как своих подданных. Это видно хотя бы из того, что уже в следующем, 1558 г. кабардинцы призываются участвовать в походе князя Дмитрия Вишневецкого против крымского хана, а в 1560 г. была предпринята обычная в отношении присоединенных к России народов попытка обратить кабардинцев в христианство, для чего в Кабарду из Москвы были направлены представители духовенства. Эта попытка не увенчалась успехом.

Таким образом, именно 1557 год надо рассматривать как дату добровольного присоединения Кабарды к Русскому государству.

С этого времени начинается тесное сближение России с Кабардой, сказывавшееся как в торговом, так и особенно в военном отношении.

Русские военные отряды из Астрахани по просьбе кабардинских князей оказывают помощь кабардинцам против их недругов; кабардинская конница, отличавшаяся высокими боевыми качествами, привлекается русским правительством к участию почти во всех войнах, которые вели Россия.

Но кабардинское посольство 1557 г. сыграло большую роль не только в истории кабардинского народа. Оно имело значение для установления более тесных

¹ «Книга Степенная», ч. II, стр. 286.

² Полное собрание русских летописей (в дальнейшем ПСРЛ), т. XIII, 1-я половина, СПБ. 1904, стр. 284. См. также «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 5.

связей России с другими народами, населявшими Кавказ и Закавказье, в частности с грузинским народом.

Представитель Кабарды сообщил, что вместе с кабардинцами «в одной правде и в заговоре иверской князь и вся земля Иверская, и государю с ними же бьют целом, чтоб государь царь и великий князь их по тому же ножаловал, как и тех всех»¹.

В этом же самом году, по сообщению астраханского воеводы, в Астрахань пришли многие купцы из Шемахи, Дербента, Кумыкии, Ургенча, Сарайчика и других мест со всякими товарами и им было разрешено торговать.

Принятие Кабарды в подданство России послужило поводом для аналогичных обращений к московскому правительству со стороны правителей соседних с Кабардой областей — тарковского шамхала, тюменского князя² и др. Однако в Москве осторожно относились к этим просьбам, часто диктовавшимся соображениями междуусобной борьбы или стремлением местных правителей получить какие-либо выгоды.

В 1559 г. пришли в Москву посольства от тюменского князя и тарковского шамхала с просьбой защитить их от нападений кабардинцев. Но в Москве хорошо знали, что тарковский шамхал и тюменские ханы держали сторону Крыма, сами нападали на Кабарду с востока, в то время как Малая Ногайская орда, кочующая между Доном и Северным Кавказом, угрожала ей с севера. Поэтому вместо помоши шамхалу против кабардинцев, как отмечает «Степенная книга», государь «в Шевкале же послал воинство свое за неисправление их, обороны Черкасы»³.

Союз русских с кабардинцами был закреплен в 1561 г. браком Ивана IV с дочерью князя Темрюка Идаровича — Кученей, принявшей имя Марии (умерла в 1569 г.). С этого времени помоши кабардинцам со стороны России еще более усилилась. Видимо по совету из Москвы, князь Темрюк заключил в 1562 г. союз с мурзой Измаилом ногайским, чтобы им «обесма заодин быти на недругов и с други дружитися за один же». Можно предполагать, что этот договор был вызван начавшимися раз-

¹ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 284. См. также «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 5.

² Владения этого князя были расположены на р. Тюмени, впадающей в Тerek.

³ «Книга Степенная», ч. II, стр. 295.

дорами между Темрюком и некоторыми князьями пятигорских черкесов, не желавших терять свою самостоятельность. Известно, например, что князья Сибок и Каинук искали помощи у крымского хана Девлет-Гирея (1551—1577) против Темрюка Идаровича. В 1563 г. они сообщили хану о том, что присланные из России воеводы с тысячей стрельцов якобы поставили для Темрюка Идаровича город, в котором он и обосновался, намереваясь оттуда идти на Сибока и Каинука¹.

В этом сообщении правдоподобен лишь факт получения Темрюком военной помощи со стороны России. Действительно, в 1563 г. он для борьбы со своими соперниками получил из Астрахани 500 стрельцов и 500 казаков. Что касается города, то он был поставлен русскими для Темрюка лишь в 1567 г. Как сообщает летопись, 2 февраля 1567 г. царь Иван IV по просьбе князя Темрюка отправил из Москвы «Для городово дела князя Андрея княже Семенова сына Бабичева да Петра Протасьеву со многими людьми, да и наряд, пушки и пищали, с ними в Черкасы послал, а велел на Терке-реке Темгрюку-князю по его челобитью город поставить»².

Так на Тереке при впадении в него реки Сунжи возник укрепленный городок с постоянным гарнизоном и артиллерией.

Сооружение Сунжинского городка было весьма своеобразным. Столкновения между кабардинскими феодалами стали принимать опасный для России оборот в связи с подготовкой Крыма и Турции к войне против России из-за Астрахани и Казани.

Появление на Тереке укрепленного городка было воспринято в Турции и в Крыму как сигнал к открытому военному вмешательству в кавказские дела. Вернувшись из Крыма в 1567 г. московские послы сообщили, что 4 октября хан говорил им: «Ко мне пришла весть... что царь хочет ставить город на Терке... И будет государь хочет со мною быть в дружбе и в братстве, и он бы города на Терке не ставил и дал мне поминки Магмет-Киреевские и я-де с ним помирюся. А будет ему на Терке город ставить, и он мне давай гору золоту и мне с ним

¹ См. С. А. Белокуров, Сношения России с Кавказом, стр. LVIII.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 407. См. также «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 13.

не мироватца, потому что поимал он юрты бусурманские Казань да Асторохань, а ныне на Терке город ставит и несетца к нам в суседи»¹.

Крымский хан будто бы отправил людей проводать, где именно на Тереке поставлен город. По другим сведениям, эти крымские люди напали на кабардинцев, захватили и разорили их землю.

По-видимому, крымский хан пытался силою закрепиться в Кабарде. Не достигнув в этом успеха, он стал дипломатическим путем добиваться ликвидации городка на Тереке. Он писал царю Ивану IV: «И мы слышали, что еси прислал людей тысячи 2—3 да на Терки город поставил, того для промыслил еси, чтоб Шавкалскую землю и Черкасскую изневолить. А Шавкальцы мусульманы, а при отцах и при дедех и при дядех наших от тех мест и по ся места меж нас с ними ссылка живет и люди к нам ходят, а наши люди к ним ходят, в дружбе и в любви ведемся. А черкасы хандыкереву² величеству и нам подручны. И тем городом хочешь ты отлучить черкас от хандыкерева величества и от нас ты похотел черкас отлучить... И похощь дружбы и миру, и ты тот город вели снести, и пришли великие поминки. А не похощь так, и ты бы наших послов отпустил и мы твоих отпустим. Так бы еси ведал, меж нас боле того ссылки не будет. Кому что ни даст бог милосердный — даст; и мы за свой сором учнем стоять»³.

С этого времени к требованиям крымского хана и турецкого султана о возвращении Казани и Астрахани присоединяется еще и требование об уничтожении русского городка на Тереке.

В январе 1568 г. из Москвы к крымскому хану был отпущен его гонец Али чеуш с сообщением, что царь пожаловал князя Темрюка и взял у него дочь за себя, а многие черкасы, недруги его, за это ополчились против него; вот почему царь и приказал для защиты Темрюка поставить на Тереке город. Если черкасы помирятся

¹ См. С. А. Белокуров, Сношения России с Кавказом, стр. LXVI.

² «Хандыкер» — испорченное турецкое именование султана «хункияр», что буквально означает «кровопроливец», т. е. правитель, имеющий право проливать кровь своих подданных.

³ См. С. А. Белокуров, Сношения России с Кавказом, стр. LXVIII.

с ним, то «от того города тем черкасом убытка ни кого-
рого не будет»¹.

Последующие события показали, что оборонительные
меры, принятые русским правительством в Кабарде, были
очень своевременны. Наличие русских отрядов на Тереке
и военный союз с кабардинцами помешали распространить
начатую в 1569 г. Турцией войну за захват устья
Волги и Астрахани на весь Северный Кавказ.

Дипломатические переговоры, происходившие в Константинополе после разгрома турок под Астраханью, по-
казали, что постройка города на Тереке серьезно обеспокоила турецкое правительство. Турецкий паша заявил
царскому послу Ивану Новосильцеву, что земля, на кото-
рой поставлен город, так же как черкесы, кумыки и крым-
шевкаты, принадлежит султану и что вера у этих наро-
дов такая же, как у турок. Новосильцев пытался разъ-
яснить туркам, что от Кабарды до земли черкес-бесленей
(закубанских) верст 500 и кабардинская земля далеко
отошла от черкес-беслений, которые султану служат;
землей же, где поставлен город Терка, никогда никто не
владел, кроме Темрюка.

Таким образом, вопрос о городе на Тереке приобрел
характер серьезного конфликта, поскольку Турция к первому
своему аргументу о том, что «князья кабардинской
земли искони вечные были наши холопы», теперь добавила
и второй, а именно, что благодаря захвату Астра-
хани и постройке города на Тереке на всех дорогах
с Востока в Турцию стоят русские люди, которые не по-
зволяют мусульманам пользоваться этими дорогами. По-
этому султан просил уничтожить этот город и открыть
дорогу для того, чтобы «ездили бы к нашей стороне без
боязни». В действительности под всем этим скрывалось
стремление Турции захватить пути в Закавказье. Верхов-
ный визирь Магомет-паша Соколлу сказал Новосиль-
цеву: «Государю дей нашему Кизылбашской великой
недруг, а посыпал дей государь наш летося своих людей
мимо Асторхань проведывати дороги, куды итти на Ки-
зылбашского»².

¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв.», т. I,
стр. 20.

² Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные спи-
ски, АН СССР, 1954, стр. 91. Кизылбашский государь — шах го-
сударства Сефевидов.

В 1571 г. в грамоте, посланной с Андреем Кузьминским, Иван IV писал турецкому султану Селиму, что до получения его грамоты «слуху не было, что черкасы пягигорские твоему царству прикладны были». В этом же письме дипломатично указывалось: «А которые твои, брата нашего, города, Темрюк и иные города, стоят у моря на берегу в Черкасах, и коли ведомо, что те города твои, брата нашего, ино и тебе, брату нашему, э том ведамо ж, что под теми городами наша рать николи не бывала»¹.

Любопытно, что ни с турецкой, ни с русской стороны не было и речи о каких-либо правах крымского хана на эту территорию.

После ликвидации турецкой угрозы Астрахани, в 1570 г. русское правительство, занятое борьбой за выход к Балтийскому морю, решило, чтобы не усложнять обстановку на Северном Кавказе, вывести гарнизон из города на Тереке в Астрахань. Этим воспользовался крымский хан Девлет-Гирей, выступивший против кабардинцев. Последовало столкновение, в котором был ранен Темрюк, а два его сына попали в плен. Некоторые черкесские князья, не пожелавшие присоединиться к Темрюку, соблюдали нейтралитет: они не вели активной борьбы против Крыма, но и не платили хану дань.

Установив дружеские отношения с кабардинскими и черкасскими князьями, русское правительство не думало их нарушать, даже несмотря на частичные уступки, которые иногда приходилось делать Турции. Нет сомнения, что уже в то время русское правительство отдавало себе отчет в том, какое важное значение имеет Северный Кавказ и особенно Кабарда для поддержания добрососедских отношений России с народами Кавказа и с Ираном.

Уже тогда было совершенно очевидным, что безопасность устья Волги и Астрахани зависит от положения дел в Кабарде. Понимали это и в Турции. Здесь уступчивость Ивана IV объясняли слабостью России, и поэтому султан Селим II предписал крымскому хану усилить нажим на русские пределы и на Кабарду и одновременно направил с возвращающимся в Москву царским послом Андреем Кузьминским вызывающую ноту. В этой ноте

¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 28.

зултан «милостиво» обещал Ивану IV свою дружбу и покровительство, если тот пожелает стать его подручным и откажется от Казани и Астрахани.

Разгром турецкого флота при Лепанто в 1571 г. и поражение в 1572 г. войска крымского хана, вторгшегося в Россию, совпавшее с нанесением донскими казаками удара туркам в Азове, несколько умерили пыл Турции.

Новый султан Мурад III (1574—1595) сосредоточил все свое внимание на борьбе за Закавказье, начав новую кровопролитную войну с Ираном (1578—1590 гг.).

Эта война обострила положение на Северном Кавказе, активизировав военную деятельность крымского хана. Не случайно прибывший в Москву в 1578 г. кабардинский князь Канбулат от имени князя Мамстрюка (преемника умершего Темрюка) и всей черкесской земли просил, чтобы вновь был поставлен город на реке Тереке, на устье Сунжи, для чего Иван IV «...плотников бы пожаловал, дал кому город делати и воеводу бы своего пожаловал, послал с вогненным боем, который бы их оборонял от Крымского царя и от иных недругов их»¹. Просьба эта была выполнена. В том же году на Терек был отправлен воевода Лукьян Новосильцев «со многими людьми и с вогненным боем», а «для городского дела» плотники.

Одновременно царь Иван IV просил князя Мамстрюка Темрюковича прибыть с тремя сотнями кабардинских всадников к Семенову дню в Астрахань, откуда они должны были до заморозков прийти в г. Темников.

Турецкий султан, воспользовавшись феодальными раздорами среди эмиров Кизылбашского государства, сумел в короткий срок овладеть почти всем Закавказьем. Однако положение турецких войск было трудным. Картлийский царь Симон и азербайджанцы энергично сопротивлялись им, ведя партизанскую борьбу. Турецкий полководец Осман-паша был осажден в Шемахе ширванскими войсками. Покинув крепость, Осман-паша бежал в Дербент.

На помощь турецким войскам был вытребован крымский хан Мухаммед-Гирей со своими главными силами и находившиеся в Крыму турецкие янычары во главе

¹ См. С. А. Белокуров, Сношения России с Кавказом, стр. LXXXVII.

с Джадар-пашой. 8 августа 1582 г. войска были доставлены на судах через Керчь к устью Кубани. Отсюда они двинулись в Дагестан. С большими лишениями через 30 дней турецкие войска добрались до Тerekа. В Дербенте войска были только на 80-й день по выступлению из Крыма. 9 мая 1583 г. турецкие войска Осман-паши разгромили иранские войска на р. Самуре. Однако Осман-паша не пришлось продолжать войну в Дагестане. Ему было предписано отправиться с отборными войсками обратно в Крым с тем, чтобы наказать крымского хана Мухаммед-Гирея, самовольно покинувшего на Кавказе турок и возвратившегося в Крым.

В пути через Кабарду турецкие войска подверглись нападениям со стороны как местных сил, так и казаков (гребенских и донских). Лишь с большим трудом Осман-паша ушел от своих преследователей. Сильно потрепанный отряд «грозного победителя персов» добрался до Крыма. В 1584 г. Осман-паша был назначен верховным визирем Турции и главнокомандующим войск, действовавших против Ирана¹.

В 1584 г. в Турцию был послан из Москвы очередной гонец — Борис Благово. По возвращении он сообщил некоторые интересные сведения относительно развертывания турецкой военной экспансии. Оказывается, султан приказал крымскому хану Ислам-Гирею идти на Астрахань и завоевать этот город; ему было сказано, что он получит поддержку от турецких войск. По-видимому, турки собирались распространить военные действия от Астрахани через Северный Кавказ, вплоть до Азербайджана. В 1584 г. ими был занят Баку, а в 1585 г. — г. Тебриз. В то же время Турция начала усиленно готовиться к войне против России. Благово узнал, что в Кастанону (Малая Азия) сосредоточена армия Осман-паши, которая предназначается для действий на Северном Кавказе и против Астрахани. Это подтвердил кафинский Мурад-паша. Да и сам Осман-паша в разговоре с Благово подчеркивал необходимость для Турции быть полным хозяином на Северном Кавказе и иметь туда свободный доступ со стороны Крыма. В этой связи он особенно жаловался на поведение донских казаков, которые занимали

¹ Подробнее об этом см. книгу Н. А. Смирнова «Россия и Турция в XVI—XVII вв.», т. I, М. 1946, стр. 127—128.

на Дону чрезвычайно важную стратегическую позицию и препятствовали свободному проходу турецких войск из Крыма и Азова как на Астрахань, так и на Северный Кавказ.

В 1585 г. иранские войска сумели вытеснить турок из Азербайджана. Однако новому турецкому главнокомандующему Фархад-паше, сменившему умершего Осман-пашу, удалось в 1588 г. одержать несколько побед над персами и занять ряд пунктов в Закавказье. Прибывшее в Москву из Ирана посольство пыталось заключить союз против Турции, обещая совместные действия на Северном Кавказе против турок и крымского хана. При этом шахское правительство даже предлагало территориальную компенсацию за военную помощь в виде Дербента и Баку, которые шах не надеялся отстоять от турок.

Но русское правительство предпочитало выжидать и не вступать непосредственно в борьбу с Турцией, хотя положение на Северном Кавказе было крайне тревожным.

В 1586 г. Афанасий Вантеев, посланный из Астрахани к шамхалу (в Кумыкию), сообщил о движении 40 тысячного турецкого войска к Дербенту; турки намеревались поставить свой город на Тереке. Об этом же писал и астраханский воевода Лобанов: «А у турских де людей та мысль давно была, как де мы в Крыме были, что турским людем на Терке город было ставити и приготовлено де у них было на одной тысяче телегах железа для городового дела».

Если бы русские вовремя не укрепились на Тереке, то в 80-х годах XVI в. там появились бы турецкие крепости. Это повело бы к закреплению всего Кавказа за Турцией и чрезвычайно облегчило бы ей наступление на Кахетию, на южные пределы России, а также борьбу против Ирана.

Война Турции с Ираном продолжалась с переменным успехом. Положение в Кабарде было крайне тревожным. Этим следует объяснить отправку в Москву в 1588 г. посольства князя Мамстрюка и Куденека-мурзы от «всей Черкасской Кабардинской земли». Это посольство просило, чтобы новый русский царь Федор Иванович взял кабардинцев под свою царскую руку и держал в обороне от недругов точно так же, как это делал царь Иван Васильевич. А в ответ на это «они государю учнут служить всякие государевы службы, где государь велит,

а к иному государю к Крымскому и к Турскому и к Шевкальскому не пристанут»¹. 20 января 1588 г. послы были на приеме в Подписной и Золотой палате и просили, чтобы для обороны от турецкого султана и крымского хана царь приказал город на Тереке поставить. В результате переговоров о подданстве кабардинские послы были приведены к присяге. Была составлена от имени послов «Запись шертная, как приведены черкасы Мамстрюк-князь да Худенек-мурза Канбулатов сын Черкаской и черкасы Елбуздук с товарыщи»².

В грамоте «черкасские земли начальнику» кабардинскому князю Канбулату Айдаровичу и другим кабардинским князьям и мурзам царь сообщал, что он хочет держать всю черкесскую землю под своею царскою рукою в службе и обороне, хочет защищать от всяких недругов и на Тереке, на устье Терском велел поставить своим воеводам город.

Ставить город на устье Терека были отправлены Михаил Бурцев и Протасьев, которые и соорудили в 1588 г. Терский городок, или «Терка» (иногда его называли Тюменский острог). Что касается старого города в устье реки Сунжи, то его стали называть «Сунши», или «Суншино городище».

В 1589 г. в Иран были отправлены с посольством князь Семен Звенигородский и дьяк Торх Антонов. Проехав через Кахетию, они должны были уведомить царя Александра, что против тарковского шамхала выслана рать, поскольку шамхал является опасным врагом грузинского народа и препятствует налаживанию связей с Россией.

Во время пребывания в Терском городе и на Сунже послы привели к присяге князей Малой Кабарды: Чапалова Асланбекова, Куденека Казбулатова, Бузурука-мурзу, Азлова и Шумунука — за весь свой род и за всю их землю; Черного князя сына Гелея — за своего отца и за брата Канбулука Нацалова и за весь их род и за Аварскую и за Черную землю. После некоторых колебаний примеру присягнувших князей последовали оставшиеся до сих пор нейтральными князья Алкас и Шолох (Солох).

¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 49.

² Там же, стр. 50.

В 1593 г. в Турцию прибыл Григорий Нашокин с грамотой от Бориса Годунова.

В грамоте говорилось, что из Москвы в «нашу отчину» — в Астрахань и в Терский город — к боярам и воеводам отправлено предписание, чтобы с турецкими людьми, которые находятся в Дербенте, Баку и Шемахе, они жили мирно и не начинали войны. Тут же высказана просьба, чтобы и султан со своей стороны воспрепятствовал азовским, белгородским и крымским людям приходить войною на русские окраины.

Нашокину был дан наказ, как отвечать в случае, если турки заинтересуются сношениями России с Кавказом. Он должен сказать туркам, что иверский царь просил прислать ученых людей для укрепления веры и позволил бы ходить в свое государство для торговли. Что касается черкесов пятигорских и кабардинских, то Нашокин должен сказать, что они «искони являются холопами русских великих князей». После присоединения Казани и Астрахани пятигорские черкесы «со всею кабардинской землею, узнав своих прирожденных государей, били челом отцу государя нашего в службу и в его воле учились, под его царскою рукою».

Верховный визирь Синан-паша жаловался Нашокину на терских (требенских) казаков, которые препятствуют прохождению турецких войск через Северный Кавказ.

Эту жалобу высказывал и прибывший в Москву в 1593 г. турецкий посланник Резван чеуш. Султан недоволен тем, что русские за последнее время выстроили ряд городков в черкесской земле, на Тереке, на Сунже и на берегу около Дербента, а также на Дону и на Маныче. Резван чеуш жаловался также на казаков, которые якобы держат в Астрахани в плену знатных турок, захваченных во время похода Осман-паши через Кабарду.

Он передал угрозу султана: если казаки не возвратят взятых в плен турецких калычевых и вообще всех мусульман, а из вновь построенных городков и острогов по-прежнему будут мешать передвижению турецких людей, то крымскому хану будет дан приказ идти войной на русские земли.

Синан-паша в письме к Борису Годунову также предупреждал о нападении крымского хана в случае, если донские казаки не прекратят своих выступлений против

Азова. Он угрожал полным разрывом, если турок не будут пропускать по дорогам на Северный Кавказ и на Дербент.

В ответ на все эти угрозы и домогательства русское правительство в отправленной с возвращавшимся в Турцию Резваном грамоте указывало, что города на Тerekе поставлены по просьбе самих кабардинских и горских черкесских князей, эти города никакого беспокойства турецким людям, захватившим Дербент, Баку и Шемаху, не причиняют, что турецкие люди могут беспрепятственно ездить через эти города и через кабардинскую землю, но что при этом и султан должен «дорогу нашим торговым людям в свои государства отворити».

Но эти дипломатические условия не могли быть выполнены, поскольку целью Турции было округлить свои владения за счет захвата Северного Кавказа. Города на Тerekе не только препятствовали турецкой агрессии, но и являлись важными пунктами для связи России с Закавказьем и Ираном.

Русские посольства в XVI в. ходили в Кахетию обычно трудным и продолжительным путем через Дарьял.

От Терского города послы шли вверх по Тerekу и Сунже через земли Кабарды до того пункта, где верховья Сунжи подходят к Тerekу. Отсюда начиналась горная часть пути. Миновав Ларс, с большими трудностями проходили Дарьял и попадали в «Сонскую землю» (Сванетию). Перевалив через горы и спускаясь по р. Арагве, после Ананура сворачивали к востоку от нынешней Военно-Грузинской дороги и по сравнительно удобному пути вступали в Кахетию с севера, со стороны верхнего течения р. Алазани. Только в середине XVII в. русское посольство подъячего Елчина прошло другим путем — через Кабарду по р. Баксану и далее через перевал Донгус-Орун и Сванетию на Мегрелию¹.

Итак, к концу XVI в., несмотря на довольно сложные отношения на Кавказе, складывавшиеся далеко не всегда в пользу России, большинство кабардинских князей

¹ См. М. А. Полиевктов, Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе, Тифлис 1932, стр. 38.

были тесно связаны военным союзом с Русским государством. На Тереке в городах-крепостях находились русские гарнизоны, которые совместно с кабардинцами защищали подступы к Северному Кавказу.

Присоединение Кабарды к России, носившее добровольный характер, отвечало интересам кабардинского народа, ограждало его от вражеских покушений со стороны крымских ханов и турецких султанов. Это было событие большого прогрессивного значения, сыгравшее огромную положительную роль в исторической судьбе не только кабардинского, но и других северокавказских народов.

ГЛАВА II

ИРАНО-ТУРЕЦКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ЗАКАВКАЗЬЕ В XVII в. И ПОЛИТИКА РОССИИ

Страны Закавказья, оказавшиеся в результате ирано-турецкого договора 1590 г. в руках турок, представляли собою замкнутые феодальные владения, отгороженные друг от друга таможенными и административными барьерами. В них господствовало натуральное хозяйство. Стремясь отуречить закавказское население, турецкие феодалы внедряли в этих странах свои порядки, свои формы землевладения и землепользования, они ввели целую систему феодальных повинностей и установили тяжелый налоговый гнет. Все это привело к полному расстройству и упадку хозяйственной жизни народов Закавказья. В 1595 г. турецкие власти произвели перепись движимого и недвижимого имущества жителей так называемого Гюрджистанского вилайета, образованного из западного грузинского княжества Самцхе-Саатабаго и некоторых присоединенных к нему земель. Эта перепись, известная под названием «Пространный реестр Гюрджистанского вилайета»¹, сохранилась.

Из нее видно, что лучшие земли и хозяйства были разданы турецким феодалам, а грузинское население было согнано с плодородных земель в горные и заболоченные места. Только за феодалами, принявшими ислам,

¹ Пространный реестр Гюрджистанского вилайета. Турецкий текст издал, перевел, исследованием и комментариями снабдил С. С. Джикия; кн. I — текст, Тбилиси 1947; кн. II — грузинский перевод, Тбилиси, 1941.

были сохранены имения на правах частного владения. Гюрджистанский вилайет должен был вносить ежегодно в турецкую казну 9,5 млн. акче¹ дани. О том, насколько жесток был установленный турками режим, можно судить по тому, что из названных в «Пространном реестре» 1160 поселений 296 были полностью лишены жителей, а в 370 поселениях количество жителей колебалось от 11 до 50 семей. Впоследствии Гюрджистанский вилайет был разделен на несколько самостоятельных пашальиков.

Примерно такой же режим был установлен и в других частях Закавказья. Местные феодалы, получив от турок известные льготы, стремились использовать сложившуюся обстановку: каждый из более или менее крупных феодалов старался превратиться в неограниченного правителя под верховой властью султана и тем самым избавиться от подчинения как грузинским правителям, так и местным турецким властям. Стремясь увеличить свои территории, местные феодалы вели между собою настоящие войны, которые еще больше подрывали хозяйственную жизнь страны и разоряли народные массы. Вместе с тем эти феодальные междоусобицы создавали предпосылки для роста вооруженной борьбы трудящегося населения как против турецких завоевателей, так и против собственных классовых угнетателей. Эта борьба принимала в Закавказье самые разнообразные формы — от массовых выступлений до партизанской борьбы. Нередко восставший против турецкого гнета народ поддерживали феодалы.

Положение султанской Турции в этот период значительно осложнилось благодаря мощному народному движению, охватившему в конце XVI — начале XVII в. значительную часть Анатолии и перекинувшемуся в Закавказье, Ирак и Сирию. Движущей силой этого восстания, известного в истории под названием «восстание Кара Языджи», было крестьянство, выступавшее с антифеодальными лозунгами. Восстание бушевало в течение нескольких лет; крестьяне начали терпеть поражение лишь после того, как их временные попутчики — феодалы, перешли на сторону султанских войск. Подавление этого восстания потребовало большого напряжения сил султанской Турции; оно значительно ослабило ее воен-

¹ Акче — турецкая серебряная монета; в XVII—XVIII вв. соответствовала 3—7 копейкам.

ное могущество, особенно в Закавказье, чем и воспользовался иранский шах Аббас I.

Тяжелое положение, в котором очутилась в результате турецкой оккупации главная область Сефевидского, или Кизылбашского, государства — Азербайджан, неоднократно подвергавшаяся в течение всего XVI в. разорительным военным нашествиям, послужило одной из причин перемещения центра государства во внутренние области Ирана. При шахе Аббасе I центром административной и военной жизни государства стал г. Исфахан. Новым в этом государстве было утверждение крупного феодального землевладения при крайне слабо развитом хозяйстве самих феодалов. Как государственные земли, так и земли феодалов сдавались крестьянам на условиях кабальной аренды. Вот почему даже при наличии в ряде районов удобной для обработки орошающей земли крестьяне-арендаторы, равно как и крестьяне, жившие в условиях общины на государственных или вакуфных землях, влачили жалкое существование. В Иране господствовало натуральное хозяйство. Товарно-денежные отношения были слабо развиты; деньги применялись преимущественно при уплате некоторых податей.

Стремясь вернуть Азербайджан, шах Аббас усиленно готовился к новой войне против Турции. Когда в 1602/3 г. турецкий наместник в Тебризе Али-паша, воспользовавшийся восстанием в Турции, объявил себя независимым от султана, иранские войска вторглись в пределы Азербайджана.

Шах Аббас к этому времени уже завершил реорганизацию своих вооруженных сил, создал регулярную армию наподобие турецких янычар, с артиллерией и кавалерией. Эполчение, находившееся в подчинении у своей феодальной знати, враждебно относившееся к централизаторской политике шаха, плохо обученное военному делу и терпевшее поражение от турецких янычар, было значительно ограничено в своих правах, причем в ряде случаев наиболее непокорные племенные отряды были даже уничтожены.

В 1605 г. турки направили в Азербайджан одного из лучших своих полководцев — Синан-пашу, который вновь ненадолго вытеснил иранские войска из значительной части Армении и Азербайджана. Отходя, иранские войска по приказу шаха разрушили многие города и насе-

ленные пункты. Левый берег Аракса обезлюдел, армянское население Нахичевани и прилегающего района, занятого сельским хозяйством, было переселено в Южный Азербайджан, а население богатого торгового армянского города Джульфы переведено в Исфахан. Это переселение, известное в армянской истории под названием «великого сургана», сопровождалось бесчисленными насилиями и жестокостями.

Но в 1606 г. перевес опять получили иранские войска. В течение 1606—1607 гг. они отобрали у турок большую территорию с городами, Шемаха, Баку, Дербент, Ганджа, Ереван (Эривань).

Голод, охвативший Малую Азию, Месопотамию и Закавказье (1607—1610 гг.) и превратившийся в величайшее народное бедствие, унесшее еще больше жизней, чем кровопролитная война, послужил одной из причин прекращения военных действий. По миру 1612 г. Иран вернул себе Азербайджан, часть Курдистана, Картлию и Кахетию, часть Самхце-Саатабаго и Северную Арmenию² была восстановлена граница 1555 г. Однако на этом борьба за Закавказье далеко не закончилась. Турки не хотели мириться с потерей территорий, приносивших большие доходы. Вскоре они возобновили военные действия, объявив себя защитниками грузинских княжеств от ассилияторской политики, проводимой Ираном. Война с небольшими перерывами продолжалась до 1639 г. и нанесла громадный ущерб народам Закавказья,

Воинская обстановка, сложившаяся в Закавказье в годы ирано-турецкой войны, беспрерывные грабежи и разорения со стороны воюющих держав все чаще и настойчивее толкали феодальных правителей отдельных областей и княжеств на поиски союзников для освобождения от гнета завоевателей.

Особенно в тяжелом положении находилась Грузия. Это вынудило ее обратиться за помощью к России. Кахетинские послы, прибывшие в 1603 г. в Москву к Борису Годунову, просили о постройке русского города на Тереке с тем, чтобы прекратить набеги со стороны тарковского шамхала. В Москве им сообщили о том, что для этой цели на Терек посланы воевода Иван Бутурлин и Осип Плещеев.

С этим же известием и предложением подданства («быти в нашем царском жаловании под нашою царскою

высокою рукою неотступным и во всем нам прымити и служити и на наших нелослушников, а на своих недругов, стояти с нашими с Терскими воеводами заодин»)¹ было направлено в 1604 г. в Грузию посольство Михаила Татищева и Андрея Иванова. Послы выехали из Москвы 6 мая. 18 сентября они были у царевича Юрия в Алашердинском монастыре (царь Александр находился у шаха в Иране). Представитель царевича Сулейман жаловался русским послам, что на грузинскую землю часто нападают турки из Шемахи и шамхал с кумыками с севера. Он просил, чтобы для обороны от турок воеводы прислали ратных людей с огненным боем.

Послы дали царевичу бывшего при них стрелецкого сотника Михаила Семовского с 40 стрельцами, которые уже 7 октября помогли грузинским воинам отразить нападение турок на Загеми.

Царевич Юрий просил послов написать в Москву, чтобы царь велел поставить в их грузинской земле город или два и прислал бы в них русских людей, «чтоб недруги их турской и кизылбашской им не грозили»².

Еще когда московские послы были в Грузии, вернувшись из Ирана царевич Константин убил своего отца царя Александра и брата — царевича Юрия; их головы были отправлены к шаху. Русским послам он сказал, что отец и брат во всем помогали туркам, а он «холоп шаха». На этом основании он отказался дать присягу России. Однако народ не поддержал шахского ставленника, и вскоре Константин был свергнут. На его место был поставлен Теймураз I (1606).

Выехали послы из Картлийской земли 11 мая 1605 г. и пришли в Сонскую землю к Березову селению 18 мая. Оттуда они очень трудной дорогой, через Шат-гору (Эльбрус), без провожатых прошли на Тerek, где узнали о падении Койсинского острога и о битве под Таркаки, где был разгромлен отряд Бутурлина.

Воевода Бутурлин, осажденный в Тарках, после длительного сопротивления договорился с турками о свободном проходе его отряда на Тerek. Однако турки нарушили слово. По выходе войска из Тарков, они вместе с кумыками напали на него и в кровавом бою уничто-

¹ С. А. Белокуров, Сношения Россия с Кавказом, стр. 427.

² Там же, стр. 482.

жили около 7 тыс. человек, в числе которых погиб и Бутурлин.

Это поражение, совпавшее по времени с началом так называемой «смуты», наступившей после смерти Бориса Годунова, значительно поколебало позиции России на Северном Кавказе. Было решено сжечь городок на Сунже с тем, чтобы сосредоточить все силы в Терском городке. В это время большую поддержку терским воеводам оказал кабардинский мурза Сунчалей Янглычев, который еще в 1603 г. был в Москве и получил разрешение основать свою слободу на другом берегу Терека, против города. Он активно боролся против нарушителей верности России, способствуя тому, что большинство кабардинских князей продолжало в эти годы поддерживать дружеские связи с воеводой Терского города Головиным. По воцарении Михаила Федоровича они немедленно присягнули ему. Такая поддержка была тем более важна, что крымский хан Гази-Гирей, находясь в 1607—1608 гг. на Кубани, сумел привести к присяге турецкому султану не только некоторых западночеченских князей, но и тарковского шамхала и кумыков, активно выступавших против России и Грузии.

* * *

Оправившись после шведско-польской интервенции, Россия повела более активную политику на Кавказе, причем если в XVI в. в основе этой политики лежало установление союза с Кабардой, то теперь выдвигалась новая задача: укрепление и расширение закавказских связей. Россия старается привлечь на свою сторону грузинских феодалов, входит в соглашение с армянскими торговыми компаниями относительно развития торговли шелком, ее купцы связываются с шемахинским рынком и различными торговыми городами Ирана.

Для того чтобы расширить торговые связи с Закавказьем и Ираном, надо было прежде всего обеспечить безопасность Кабарды и проходящих через нее торговых путей.

Терский город в XVII в. значительно вырос и превратился во внушительное укрепление. Его артиллерия состояла из 38 пушек. Повысилось и его торговое значение. В слободах Терского города, насчитывавших по

росписи 1640 г. более 70 дворов кабардинских узденей, проживали армянские, азербайджанские и иранские купцы и прочее население.

Река Терек стала как бы официальной русской границей. По левому берегу ее тянулись поселения терских казаков и ряд укрепленных казачьих городков. Терский город был главным стратегическим пунктом этой линии, замыкавший ее у устья Терека.

К северу от казачьих поселений, особенно в степях между Доном и Волгой, кочевали ногайцы, которые находились в слабой зависимости от России.

Главное сообщение Москвы с Терским городком шло через Астрахань. Наиболее удобным считался водный путь. Другой путь в Россию шел через Дон. Этот сухопутный путь был опаснее водного, но зато короче; им пользовались в экстренных случаях.

Поскольку Кабарда в XVII в. еще не представляла единого государства, внутреннее положение там продолжало оставаться крайне неустойчивым. Официально над всеми князьями стоял верховный правитель народа — обычно старший князь, но он не имел сильной власти. Поддержка, оказываемая русским правительством старшему князю и его сторонникам, естественно, вооружала против него других князей. В то время как одни князья, присягнувшие на верность России, держались дружбы с ней, другие вместе с крымским ханом нападали на русские владения. В 1632 г. царь Михаил Федорович пожаловал мурз Келмомета и Ильвара Куденековичей Черкасских «за верную их и предков службу»: воеводам на Тереке было велено оберегать их и «держать их в чести, выше других мурз»¹.

После заключения мира с Польшей Турция вскоре возобновила войну против Ирана и в то же время создала напряженное положение на русской границе, поощряя набеги крымского хана и азовского гарнизона на русские пределы. Конфликт с Турцией на этот раз возник из-за Азова.

Примерно около ста лет донские казаки вели борьбу с этим передовым форпостом турецкой военной экспансии на юге Русского государства. Турция цепко держалась за Азов. Отсюда турки всегда угрожали не только

¹ См. В. Н. Кудашев, Исторические сведения о кабардинском народе, стр. 38.

югу России, но и Кавказу, здесь содержался военный гарнизон, который быстро мог быть усилен за счет переброски подкреплений из Крыма и из самой Турции. Под прикрытием Азова была создана целая сеть мелких укреплений на Тамани, продолжением которой являлись укрепления на черноморском побережье Кавказа. Опираясь на эти укрепления, Турция имела возможность постоянно угрожать закубанским черкесам и кабардинцам. В 1637 г. донские казаки решили избавиться от постоянной угрозы со стороны Азова. 18 июня они после двухмесячной очень энергичной осады, совместно с пришедшими к ним на помощь небольшими отрядами кавказских горцев, страдавших от турецких нашествий, овладели Азовом и устьем Дона.

При получении известия о падении Азова турецкое правительство растерялось. В это время основные турецкие войска во главе с султаном Мурадом IV были заняты войной с Ираном за город Багдад. Поэтому султан не мог предпринять поход на Дон и велел крымскому хану готовиться к войне с Россией.

Уже в следующем, 1638 г. воеводы из Терского города — Ромодановский и Бестужев — сообщили в Москву в Посольский приказ о появлении в Кабарде, у ногайцев и кумыков, крымских агентов с особыми воззваниями и подарками. Эти агенты говорили о приготовлениях Турции и Крыма к войне против России, причем от имени хана призывали готовиться к походу под Азов, куда морем должны были прибыть и турецкие люди. После возвращения Азова основные силы турок и крымского хана, по словам агентов, должны были пойти в глубь России. Но начать войну с Россией Турция смогла лишь в 1641 г.

Чтобы держать под ударом Северный Кавказ и пресечь связи донских казаков с ним, крымский хан с 14-тысячным войском совершил зимой 1640 г. поход на черкесского князя Аджикумука, но, ничего не добившись, в январе пришел под Азов, где имел бой с казаками. Потери были велики с обеих сторон, но, видимо, казаки пострадали больше.

В мае 1641 г. донские казаки сообщили в Москву, что они обращались к черкесам, призывая их к себе в Азов на помощь, но получили отказ. Видимо, здесь

сказались результаты антирусской пропаганды, предпринятой агентами Турции и крымского хана.

Борьба донских казаков за Азов имеет свою славную историю. Утвердившись в 1637 г. в Азове, казаки не предполагали его покидать. Они были уверены, что Азов, как важный в стратегическом отношении пункт, войдет в состав Русского государства и сюда будут присланы воеводы с ратными людьми.

Но летом 1641 г. войска турецкого султана и крымского хана осадили Азов. Осада продолжалась с 24 июня по 26 сентября 1641 г. Несмотря на явное численное превосходство турок, они не смогли овладеть Азовом и вынуждены были уйти, преследуемые казаками. Трехмесячное «азовское сидение» — одна из наиболее ярких страниц героической истории донского казачества. Выдержавшие осаду казаки были настолько ослаблены, что уже не могли бы своими силами выдержать вторую осаду, которую турки решили предпринять в следующем году. Требовалась помочь со стороны Москвы. Но слабая осведомленность русского правительства о внутреннем положении Турции, о резкой перемене, произшедшей там после смерти Мурада IV, об усилившейся разрухе помешала правильно оценить сложившуюся обстановку и более решительно выступить в защиту устья Дона и Азова. В 1642 г. донским казакам было приказано без сопротивления уступить Азов туркам.

Это решение, свидетельствовавшее о недальновидности русского феодального правительства, все внимание которого было сосредоточено на западных границах, имело очень серьезные последствия не только для дальнейшей судьбы донского казачества, но и для влияния России на Кавказе.

С 1642 г. начинается особенно энергичный нажим Турции и крымского хана на Северный Кавказ и на всю южную границу Русского государства. Это новая волна агрессии сопровождалась гибелью и угоном в рабство тысяч людей — мужчин, женщин, детей, разорением городов и селений.

В Москве все еще продолжали питать иллюзию о возможности достичь соглашения с Турцией при условии обуздания агрессии со стороны крымского хана. А между тем обстановка на Северном Кавказе становилась все более угрожающей. 4 января 1644 г. более 10 тыс. кал-

мыков, направленных на Терский городок, пытались захватить его заречные слободы. Вынужденные отойти, они напали на кабардинские селения, а также на ногайцев, но были разгромлены, потеряв одними пленными свыше 1000 человек¹.

Теперь и московокому правительству, до сих пор переоценившему силы донских казаков, стало очевидным, что одним казакам с противником не справиться. Было принято решение о посыпке на Дон ратных людей.

В мае—июне 1646 г. прибыл на Дон с вольными людьми Ждан Кондырев, а из Астрахани—воевода князь Семен Пожарский. Отсюда решено было двинуться на Крым. В этом походе должны были участвовать донские казаки, пришедшие на Дон кабардинцы под предводительством князя Муцала и ногайцы во главе с Би-мурзой Иштередовым. Однако донские казаки потребовали нападения на Азов, которое на этот раз не увенчалось успехом. Тогда часть из них отправилась в море для разгрома турецких торговых судов, а другая часть, конная, совершила нападение на улусы азовских татар. Через несколько дней этот налет был повторен с участием стрельцов князя Пожарского.

На кабардинцев, задержавшихся на левом берегу Дона, неожиданно напал отряд крымских войск под предводительством нурадына (наследника) Нуят-Гирея, имевший свыше 7 тыс. человек. В завязавшейся жестокой битве, помимо кабардинцев, участвовали подошедшие донские и гребенские казаки. Вначале успех был на стороне крымцев и их союзников — ногайцев, но подоспевшие стрельцы князя Пожарского, вооруженные ружьями, начали теснить противника и обратили его в бегство. Нурадын ушел к Азову, а русские стрельцы, казаки и кабардинцы — к Черкасскому городку. Потери сторон по тому времени были довольно серьезными: одних только стрельцов было убито до 200 человек².

В 50-х годах XVII в. крымский хан начинает действовать в Кабарде энергичнее. Стольник и воевода Терского городка Василий Волынский сообщил о приходе в 1653 г. в Азов двух крымских султанов с ратными

¹ См. А. А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в., М. 1948, стр. 360.

² См. там же, стр. 382—383.

людьми, откуда они должны направиться в Кабарду для завоевания Терского городка.

В то же время в Кабарде появились крымские агенты, безуспешно пытавшиеся поднять кабардинцев на захват Терского городка. Они получили отказ также и от кумыков, которые заявили, что в этом городе имеются аманаты (заложники) от них.

Начиная с середины XVII в. не только регулярно приезжают в Москву представители кабардинских князей, но и учащаются случаи использования в русском войске отличной кабардинской конницы.

Во второй половине XVII в. положение на Северном Кавказе еще более осложнилось благодаря завоевательной активности, которую начали проявлять иранские шахи. Беспрестанные междоусобные войны, разорявшие и обессилившие Грузию, облегчали иранским шахам осуществление их планов в отношении Дагестана и Северного Кавказа.

Значение Терского городка как важнейшего пункта связи между Россией, Кабардой, Дагестаном и Закавказьем теперь значительно возросло. Это обстоятельство и послужило причиной стремления иранских шахов захватить этот городок и пути, связывающие его с Закавказьем, с тем чтобы извлечь максимальные экономические и политические выгоды от утверждения своего господства на Тerekе.

В 1652 г. шах Аббас II (1642—1667) предписал щемахинскому хану Хусреву разорить русский городок на реке Сунже и идти войною на Тerek; такой же приказ был отдан и ханам Ардебиля, Карабаха, Гиляна и др., которым было велено собраться в Ширване, захватить артиллерию и идти на Терский городок, а затем на Астрахань. Когда тарковский шамхал Сурхай напал с кумыкими людьми на Сунжинский городок (1653 г.), пытаясь поджечь его при помощи нефти, а также на кабардинские улусы, в этом набеге участвовали 500 ратных людей из Шемахи и 300 из Дербента, с пушками. Об этих фактах напомнили в 1658 г. в Посольском приказе иранскому послу Дакул Салтану, просив его передать шаху, что Сунжинский городок поставлен на земле, принадлежащей России, следовательно, шах должен запретить своим людям к щемахинскому хану, поддерживать кумыкских мурз, потому что они царские «холо-

ни», и приказать им вернуть захваченных ими пленных и скот.

Одновременно московские дипломаты потребовали, чтобы шах велел отыскать, «а сыскав отослать в царского величества сторону в Астрахань или на Терек» имущество, отобранное у грузинского царевича Николая Давыдовича, шедшего с матерью Еленой в 1653 г. в Москву и на речке Нефтянке подвергшегося нападению со стороны кумыкских мурз¹.

Планы иранских шахов в отношении Северного Кавказа не были осуществлены, потому что встретили отпор не только со стороны России, но и самих народов Северного Кавказа и Закавказья, заинтересованных в развитии торговли и укреплении дружественных связей с Россией. Особенно стремились к этому кабардинские князья.

В 1661 г. была выдана жалованная грамота князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому «за службы деда ево Сунчала и дяди ево князя Шолоха и отца ево князя Муцала, и за ево службы». Он назначался князем над окочанами и черкесами в Терском городке, имел право ведать и судить их в ратном строеныи и во всех делах и должен был ходить на царскую службу во все походы². В 1678 г. князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому был пожалован пожизненно терский таможенный пошлиный сбор за его службу и участие со своими узденями в русско-турецкой войне за Правобережную Украину 1676—1678 гг.³

Предоставление политических и экономических льгот видным кабардинским князьям, известным своей преданностью России, поддержка, оказываемая кабардинскому народу в случае необходимости русскими воеводами и терскими казаками,— все это способствовало росту влияния России на Кавказе и содействовало сближению Кабарды с Россией.

О развитии торговли России со странами Закавказья свидетельствуют грамоты, выданные в середине XVII в. армянским купцам и торговым компаниям на право

¹ См. «Армяно-русские отношения в XVII веке». Сборник документов под ред. проф. В. А. Парсамяна, Ереван 1953, стр. 21.

² См. «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 325.

³ См. там же, стр. 364—365.

проводоза в Россию шелка и продажи его. Они свидетельствуют также и о том, что торговый путь из Закавказья в Россию неизменно пролегал через Терек и Астрахань¹.

После воссоединения в 1654 г. Украины с Россией, направляя свою агрессию на Украину, Турция ищет поддержки у некоторых гетманов-изменников и шляхетской Польши. На обязанности крымского хана лежало отвлечь силы России, мешая налаживанию ее дружественных связей с народами Северного Кавказа.

В июле 1667 г. в Турцию было отправлено посольство Афанасия Нестерова и дьяка Ивана Вахрамеева с извещением о заключении с Польшей перемирия на 13 лет и 6 месяцев. Послы высказали протест по поводу того, что крымский хан в течение 8 лет нападает на русскую землю, они напомнили, что отправленные к хану для заключения договора в 1659 и 1661 гг. послы были арестованы и умерли в Крыму².

В ответ на этот протест турецкие чиновники обратились с просьбой, чтобы русские не посыпали из Астрахани ратных людей против кумыкских князей, являющихся якобы подданными султана, а послали бы их на помощь крымскому хану против черкесов и калмыков. Больше того, чиновники султана потребовали, чтобы Россия вообще отказалась от всякого сопротивления турецкой агрессии и не препятствовала действиям турецких вассалов на Кавказе и на Украине. Они заявили о притязаниях Турции на владение Кабардой и другими горскими народами. Кабардинцы, по их заявлению, равно как и черкесские племена, являлись старинными слугами «высокой державы» (Турции). Они якобы до времени султана Баязида II (1481—1512) служили Турции и в военное, и в мирное время своей конницей, но султан Баязид по просьбе крымского хана уступил их ему, и с тех пор они находятся на службе у крымского хана. Военные экспедиции, снаряжаемые Турцией и Крымским ханством в Кабарду, вызваны, по заявлению турецких чиновников, нежеланием Кабарды подчиниться султанской власти.

¹ См. «Армяно-русские отношения в XVII веке». Сборник документов под ред. проф. В. А. Парсамяна, стр. 58.

² См. Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, М. 1946, стр. 115.

Вряд ли турки рассчитывали произвести серьезное впечатление подобного рода заявлениями.

Все внимание султанской Турции в конце XVII в. было поглощено ее захватническими войнами с Польшей и Россией. Война, которую Турция вела начиная с 1676 г. из-за Украины, приняла особенно острый характер в 1677—1678 гг., когда турецкие войска совместно с крымскими вторглись в пределы Правобережной Украины и пытались захватить крепость и важный стратегический пункт Чигирин, прикрывавший дорогу и перевалу на левый берег Днепра. В этой войне большую военную помощь русско-украинским войскам оказал пришедший с Кавказа 4-тысячный отряд князя Каспулата Муцаловича Черкасского. Только после прибытия 28 июля 1678 г. на Днепр этого отборного войска командующий князь Ромодановский отдал приказ о наступлении, которое закончилось полным разгромом турок. В 1680 г. князь Каспурат Муцалович вел переговоры с посланником крымского хана мурзой Батыршой относительно заключения мирного договора между Россией и Крымом¹.

Борьба, которую повела коалиция европейских государств — Россия, Австрия, Польша и Венеция — против Турции, вновь отвлекла ее внимание от Кавказа. Вот почему конец XVII в. прошел для народов Кавказа относительно спокойно.

Взятие Петром I в 1696 г. Азова и создание русского морского флота вело к окончательной ликвидации турецкой военной угрозы на юге России и открывало новые перспективы для установления еще более прочных взаимоотношений России с народами Кавказа.

¹ См. «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 374—375.

ГЛАВА III

ЗАЩИТА РОССИЕЙ КАБАРДИНСКОГО НАРОДА ОТ КРЫМСКО-ТУРЕЦКОЙ АГРЕССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Разгром турецких вооруженных сил под стенами Вены в 1683 г. и последующие поражения Турции в войнах с коалицией держав в период 1683—1698 гг. были неизбежным результатом длительного и далеко зашедшего процесса упадка турецкого военно-феодального государства.

Обострение противоречий между европейскими державами в связи с подготовкой новой большой войны за испанское наследство, а также начавшаяся борьба балканских народов за независимость толкнули Австрию, а за ней Венецию и Польшу на мирные переговоры с Турцией. Особенно торопилась закончить войну Австрия, желающая развязать себе руки для войны с Францией. В свою очередь Турция, потерпевшая решительное поражение, нуждалась в мире, поскольку военные неудачи пагубно отразились на ее и без того тяжелом внутреннем положении. Державы, считавшие себя покровительницами Турции (Англия, Голландия и Франция), не менее самих участников войны были заинтересованы в ее скорейшем прекращении, поскольку у них были свои экономические интересы на Ближнем Востоке. Они выступили в качестве посредников на мирной конференции, созванной в 1698 г. в г. Карловицах. При их помощи Турция получила сравнительно выгодные условия мира, потеряв лишь то, что сама отобрала у своих противников в предшествовавших войнах. По договорам,

заключенным в 1699 г. в Карловицах, Австрия получила Венгрию, большую часть Трансильвании и часть Славонии; к Польше отошли Подolia и Западная Украина; Венеция получила часть Далмации и Морею. Что касается России, то с нею было заключено лишь перемирие, а договор был оформлен в 1700 г. в Константинополе.

По этому договору Россия получила Азов с прилегающим районом и право иметь при султанском дворе своего резидента. Но ее требование предоставить русскому торговому флоту свободу судоходства на Черном море и в проливах, связывающих его со Средиземным морем, было решительно отвергнуто турецкой стороной. При этом турки сослались на то, что в Черное море не допускаются корабли даже дружественных держав, усердно помогавших им на Карловицком конгрессе. Отказ выполнить требования русских турецкий уполномоченный, грек Александр Маврокордато, подкрепил таким тезисом: «И разве де по Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда турское государство падет и вверх ногами обратится!»

Военный разгром Турции в конце XVII в. еще не означал полного крушения турецкого военного могущества. Османская империя по-прежнему продолжала оставаться крупнейшим государством: феодальная раздробленность Турции служила серьезным препятствием для ее прогрессивного развития, но еще не угрожала ее существованию.

В связи с военными неудачами, расхищением государственной казны и отсутствием средств для выплаты жалования янычарам и войскам в Турции в 1703 г. произошел дворцовый переворот. К власти пришел новый султан — Ахмед III (1703—1730), решительный сторонник группы феодалов и придворных кругов, стоявших за возобновление войны против России с целью возвращения Азова. На почве этих стремлений происходило сближение Турции с Англией и Францией, а также с воинственным шведским королем Карлом XII, завоевательные планы которого простирались не только на Прибалтику и Польшу, но и на Украину и Россию.

Карл XII, стремясь использовать Польшу как базу для наступления на Россию, развил кипучую деятельность с целью вовлечь в свою авантюру Турцию,

крымского хана и гетмана Мазепу. Существенную помощь в этом ему оказала французская дипломатия: французский посол при турецком дворе, Форриоль, внушал султану Ахмеду III и крымскому хану Гази-Гирею, будто бы Петр I намерен овладеть Польшей, захватить Каменец-Подольск и затем напасть со стороны Азова и Украины на Крым, а далее на Турцию.

В 1707 г. силистрийский паша Юсуф по приказу султана вступил в тайные сношения с Карлом XII и его ставленником в Польше королем Станиславом Лещинским. Эти переговоры активизировались после победы, одержанной русскими войсками в 1708 г. у Десной над шведским отрядом генерала Левенгаупта. Карл XII, который, заручившись помощью Мазепы, обосновался на зиму 1708/09 г. между Киевом и Полтавой среди враждебного ему украинского народа, теперь уже не просил, а требовал выступления крымских и турецких войск. Он был уверен, что, получив весной 1709 г. помощь от султана и Станислава Лещинского, он, встав во главе шведско-польско-турецких войск, разгромит русскую армию и овладеет Москвой.

Слухи о подготовке Турции к войне с Россией и о заключенном якобы ею со Швецией военном союзе облетели всю Европу. Измена Мазепы была истолкована как доказательство военной слабости России. Турция стремилась воспользоваться сложившейся в России обстановкой, чтобы возвратить себе Азов. Да и крымский хан Девлет-Гирей, опасаясь наступления на Крым со стороны Дона, побуждал султана Ахмеда III прежде всего направить удар против Азова. Вместе с тем потеря Турцией важной стратегической позиции на устьях Дона и появление русского военного флота в Азовском море заставили ее особенно усиленно добиваться захвата Северного Кавказа и подчинения своей власти кумыков, кабардинцев и черкесов.

Северный Кавказ был нужен Турции как опора для ее захватнической политики и противодействия росту русского влияния на Кавказе. Не случайно в XVIII в. спор из-за Кабарды между Россией и Турцией принял особенно острый характер. В целях укрепления на Северном Кавказе и создания угрозы Азову Турция разрешила в 1707 г. новому крымскому хану Каплан-Гирею вторгнуться в Кабарду.

Предвидя подобное вторжение, Петр I направил в Кабарду князя Бековича-Черкасского, кабардинца по происхождению. Бекович привел к присяге кабардинских князей, не желавших отстать от России. Точно так же поступил и азовский губернатор Федор Матвеевич Алраксин, к которому приходили кабардинские князья с заявлениями о верности России. Алраксин заявил кабардинцам, что русское правительство не лишит их своей опеки и не допустит, чтобы они попали под власть турецкого султана.

Один из кабардинцев, Али-мурза, со своей стороны заверил Алраксина, что кабардинцы и черкесы в любой момент готовы предоставить в помощь России до 15 тыс. войска, «конницы, оружейных», а с работными людьми тысяч 30 или больше, «и те-де работные их люди к войне заобычны ж и всегда будут в готовности»¹.

Поход Каплан-Гирея в Кабарду кончился для него печально. Турецкий историк Фундуклулу сообщает некоторые подробности этого похода. Черкесские беки при назначении нового крымского хана обычно посыпали ему в виде подарка 300 человек ясыря (рабов). Но Каплан-Гирей потребовал выдать ему не меньше 3 тыс. человек. На это черкесские беки заявили, что такое количество ясыря можно было давать раньше, когда ханы сменялись через 15—20 лет, а если теперь каждый год появляется новый хан, то откуда же они возьмут столько детей для выдачи хану? Позволяет ли мусульманский закон отдавать в рабство «целое полчище народа мухаммеданского»? Тогда хан собрал войско и с разрешения турецкого султана двинулся через Керчь в Тамань, а оттуда пошел в Кабарду. Черкесы применили военную хитрость. Упросив хана в течение трех дней подождать в долине, пока они выполнят его требование, они за это время собрали свои силы и ночью внезапно напали на крымское войско. «Никогда не слыхано было такого их избиения», — замечает Фундуклулу. Гордый хан едва спасся у ногайцев, и ему было стыдно показаться в Крыму. Крымские мурзы направили в Порту ходатайство о

¹ Главный Морской архив. Дела канцелярии Алраксина, 1711 г., №№ 12, 19, 27. См. В. Н. Кудашев, Исторические сведения о кабардинском народе, стр. 42.

назначении им старого хана Девлет-Гирея, находившегося в ссылке¹.

Яркую картину разгрома крымского хана рисует кабардинский историк и просветитель первой половины XIX в. Ш. Ногмов:

«По прошествии некоторого времени крымский хан с войском подступил к границам кабардинским. Предупрежденные еще во время прибытия хана за Кубань, кабардинцы все свое имущество, жен и детей отправили в горы и сами ожидали приближения неприятеля в ущелье Урда. Хан, узнав об этом, изменил путь и расположился лагерем на бугре *Кинжал*². В тот же день пришел в кабардинский стан *Халелий*, лазутчик из татар, живший прежде у князя Кургоко. Он уведомил князя подробно о намерении хана, упомянув при этом, что если кабардинцы в следующую же ночь не нападут на крымцев, то в другую или третью ночь на них самих непременно будет сделано нападение. Кургоко тотчас же велел собрать около 300 ослов и к каждому привязать по две вязанки сена. Наступила ночь, он отправился на неприятеля и, приблизившись к нему, велел у всех ослов зажечь сено и гнать их на неприятельский лагерь с несколькими выстрелами. Ослы ужасным криком своим до того перепугали неприятеля, что он в беспамятстве и смятении стал рубить друг друга; с рассветом же стремительно бросились на них кабардинцы и совершили их разбили, взяв много пленных и большую добычу. Толстый паша *Алегот* в бегстве упал со скалы, на половине которой, зацепившись за дерево, повис и кончил жизнь в таком положении. Место это называется теперь *Алегот гум и Шухупа*, т. е. «Алеготова скала». В этом сражении убито было несколько крымских ханов. Прогнавши остальных крымцев к Куме, кабардинцы возвратились в свои пределы.

Остальное неприятельское войско отступило к *Хаджи-кале*. Уведомленный обо всем этом султан снова прислал войско, к которому присоединились много татар и некоторые вакубанские изменники, и все это полчище вторично пошло на кабардинцев, ожидавших неприятеля

¹ См. В. Д. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии, Одесса 1889, стр. 10—11.

² Есть гора *Кинжал*; она находится в верховьях реки *Малки*, с правой ее стороны, неподалеку от бывшего укрепления *Хасаут*.

на р. Гунделене. В происшедшем кровопролитии крымцы были опрокинуты, и кабардинцы не переставали их преследовать до Кубани, а оттуда возвратились в свою землю. Между тем изнуренный неприятель расположился лагерем в долине Ладжимагай, не имея с кабардинцами более никакого дела. Распространившаяся через несколько лет заразительная болезнь многих из них истребила, и только незначительная часть возвратилась в отчество. С тех пор прекратились и все делавшиеся кабардинцам притеснения¹.

Победа Петра I под Полтавой хотя и устранила непосредственную угрозу нападения Турции на Россию, но не изменила характера русско-турецких отношений. Петру I пришлось в течение 1709 г. направить султану Ахмеду III три грамоты с протестом по поводу представления убежища в Турции Карлу XII, Мазепе и Орлику. В 1710 г., несмотря на то что между Россией и Турцией был заключен новый договор, Карл XII, опираясь на сочувствующую ему влиятельную группировку турецких пашей, потребовал предоставления в его распоряжение турецкого войска в количестве 40 тыс. человек для продолжения войны против России. Он уверял, что нанесет России такой удар, от которого она не оправится в течение пятидесяти лет. Петр I, не желавший войны с Турцией, предостерегал султана от каких бы то ни было обещаний Карлу XII на этот счет и требовал высылки Карла из Турции. 10 ноября 1710 г. ревидент в Турции Толстой сообщил Петру I, что по внушению французов султан решил отправить Карла XII через Польшу и одновременно объявить России войну. Военные действия должен был начать крымский хан, а турецкие войска должны были выступить весной 1711 г.

Война 1711 г. оказалась неудачной для России. Русская армия не была к ней подготовлена. Измена господаря Валахии Баранкова, не обеспечившего, несмотря на полученные деньги, русскую армию продовольствием и фуражом и задержавшего 18-тысячный сербский отряд, шедший на соединение с русской армией, поставила последнюю в критическое положение. Несмотря на то что русские имели известный успех — разбили крымского

¹ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев, Нальчик 1947, стр. 102—103.

хана Девлет-Гирея, разгромили под Белой Церковью объединенные силы турок, поляков и изменника Орлика и овладели городом Браиловом, все же Петру I пришлось заключить с турками невыгодный для России Прутский мир. Одним из условий этого мира было возвращение Турции Азова и отказ России держать флот на Азовском море.

В том же 1711 г. в течение мая — сентября войска воеводы П. М. Алраксина совершили поход на Кубань против закубанских татар и ногайцев, систематически наледавших на население Северного Кавказа и южные границы России.

Перед этим Петр I дал грамоту кабардинским владельцам и всему кабардинскому народу о принятии их «в подданство и оборону», пообещав при этом не требовать никаких податей и выдавать ежегодно жалование, как это было при прежних царях¹.

Поход этот был удачным, хотя закрепиться на Кубани Алраксин не сумел. На обратном пути в Азов Алраксин встретил возвращавшихся с набега на Саратовский и Пензенский уезды татар и разбил их, освободив 2 тыс. русских пленных.

Всего за время военных действий Алраксина в 1711 г. было убито более 5 тыс. и взято в плен более 22 тыс. человек. Было также захвачено много верблюдов, лошадей и стада овец, исчисляемые десятками тысяч голов².

Турецкий султан, несмотря на протесты Карла XII, ратифицировал Прутский договор, считая его выгодным для Турции. Правда, уже в конце 1711 г. турки, подстрекаемые европейскими державами, предъявили Петру I ультиматум, требуя уступки Украины на том основании, что Мазепа предался Турции, но русские уполномоченные отказались принять этот ультиматум заявив, что он основан на неправильном толковании статей Прутского договора.

Получив обратно Азов, Турция решила продолжать активную захватническую политику на Кавказе, но здесь столкнулась с сопротивлением не только России, но и самих горских народов. Турецкая опасность способствова-

¹ См. «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 3.

² Центральный государственный архив древних актов (в дальнейшем ЦГАДА), ф. Турецкие дела за 1711 г. № 6.

вала еще большему сближению России с кабардинскими князьями.

В 1712 г. в Москву прибыли князья из Большой Кабарды. Они обещали служить России в ее борьбе против турецких султанов и крымских ханов, но со своей стороны потребовали помощи. Вместе с тем они просили, чтобы их подданных черкесов, которые уходят к русским и принимают крещение, возвращали назад.

В XVIII в. кабардинские князья часто обращались с подобной просьбой. Речь шла о возвращении им беглых крепостных крестьян и рабов, которые были лишены всяких прав и находились в чрезвычайно тяжелых условиях. Князья указывали, что их люди для того и крестятся, чтобы таким образом получить свободу.

Далее кабардинские князья сообщали, что крымский хан предлагал им перейти на его сторону, угрожая в случае отказа разорить их землю. Некоторые черкесы и калмыки, испугавшись этой угрозы, согласились на это, но из Кабарды никто на сторону хана не перешел. Кабардинские князья просили Петра I прислать войска для защиты их земли от крымского хана¹.

В 1713 г. они с такой же просьбой обращались к находившемуся при Петре I князю Бековичу-Черкасскому, сообщая о новых угрозах со стороны турецкого султана и крымского хана. Последние в своих письмах кабардинским князьям требовали от них выдать с каждого двора по ясырю и, кроме того, всем переселиться за Кубань. «А буде того не учините и в нашей воле не будете, князей ваших и узденей не едины души не станется». При этом турки дважды посыпали на них войска.

В 1720 г. часть кабардинских селений была разорена крымским ханом, который принуждал кабардинцев к подданству. Хана поддерживали перешедшие на его сторону кубанцы. Все это заставляло кабардинских князей обращаться к Петру I за помощью. Кабардинцы заявили, что без военной помощи со стороны России они сопротивляться дольше не могут; они и так уже ушли в горные места и терпят там большую нужду. Кабардинцы просили Петра I построить для их защиты новый город недалеко от Терека в местности Бештамак, очень

¹ См. «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 15—17.

плодородной, богатой лесом и водой, где в изобилии ро-
дятся виноград и овощи, а также разводятся шелкович-
ные черви. Кабардинские владельцы заявляли, что бу-
дут жить вблизи от этого места — всего в одном дне вод-
ного пути, у реки Черека¹.

14 марта 1720 г. сенат дал указ коллегии иностранных дел и астраханскому губернатору Артемию Волынскому принять меры к защите кабардинцев от турок и крымских татар.

Когда Артемий Волынский прибыл в верхние гребенские казачьи городки, то оказалось, что войско крымского хана уже ушло, но кабардинские князья были заняты внутренними распрями. Волынскому удалось примирить враждующие партии; он привел их к присяге царю и взял у них аманатов.

В донесении Петру I Волынский сообщал, что некоторая часть кабардинских князей держится крымской ориентации. Борьба между двумя партиями феодалов в Кабарде, подогреваемая старыми родовыми счетами между князьями, была ожесточенной. Волынский не придавал серьезного значения своему посредничеству; трудно было что-либо сделать при постоянных междоусобиях. К такой вражде, по словам Волынского, их приводит и нищета, «понеже так нищи, что некоторые князья ко мне затем не едут, что не имеют платья, а в овчинах шубах ехать стыдно, а купить и негде и не на что, понеже у них монеты никакой нет; лучшее было богатство скот, но и то все крымцы обобрали, и ныне князей кормят уздени, и всего их мерзкого житья и описать невозможно». Вместе с тем Волынский высоко оценивал воинские качества кабардинцев: «Только одно могу похвалить, что все — такие воины, каких в здешних странах не обретается, ибо, что татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двух сот»².

Но подать своевременно помощь кабардинцам России было трудно: ближайший пункт расположения русских войск — Астрахань — был далеко, а гарнизон Терского городка был слишком незначителен.

¹ См. «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 29.

² С. Соловьев, Петр Великий на Каспийском море, «Вестник Европы», т. II, СПБ 1868 г., стр. 174.

Являясь сторонником активных военных действий на Кавказе, Волынский в своем письме к Петру I поддержал просьбу о сооружении еще одной крепости на Тереке между Кабардой и гребенскими казаками.

В 1722 г. крымский хан Сеадет-Гирей доносил сultану, что кабардинский владелец Аслан-бей обещал России покорить кубанских ногайцев и черкесов и тем открыть ей сообщение с Черным морем. Россия якобы уже прислала ему на помощь 800 донских казаков и 400 калмыков, а также регулярное войско. Первые совершают опустошительные набеги на крымцев, а начальник войска под видом примирения требует в аманаты сыновей от всех беев и спагов. Далее хан сообщал, будто бы русские строят крепость в Карагаче и хотят еще поставить крепости в Горлуге и Татарлыке.

Передав эти сведения русскому резиденту в Константинополе Неплюеву, турецкое правительство потребовало, чтобы Петр I запретил своим подданным помогать Аслан-бею и главное прекратил бы постройку крепостей.

20 марта 1722 г. Петр I ответил сultашу, что подданные его не имеют приказа нападать на кабардинцев и на Крым, что кавказским владельцам было отказано в помощи даже друг против друга. В то же время астраханскому губернатору Волынскому, находившемуся с отрядом для охраны городов на Тереке, послано предписание узнать о ссорах у кабардинцев с крымским ханом, употребить дружественное посредничество к примирению и воспретить прибегать для этого к неприязненным действиям, что и было исполнено. Далее сообщалось, что крепостей у кабардинской земли строить не предполагается, равно как не было никаких переговоров о сообщении России с Черным морем. Казаков и калмыков кабардинцы нанимают друг против друга самовольно. В конце грамоты Петр I советовал сultтану предписать крымскому хану, чтобы он поступал с кабардинцами умереннее, не отягощал их налогами и не нарушал их древних прав.

Неудачи, постигшие Петра I на устье Дона и в западной части Кавказа в результате Прутского мира, вовсе не ослабили интереса России к Кавказу. Теперь главное внимание было направлено на Каспийское море с тем, чтобы шире развернуть торговые связи с закавказскими народами, а также с Ираном, Средней Азией

и Индией. Петр I твердо решил продолжать кавказскую политику своих предшественников, для чего в первую очередь было необходимо установить прочные отношения с кабардинцами и кумыками, поскольку Турция уже развернула среди них свою агитацию. Еще в мае 1714 г. Петр I предложил сенату учинить совет, «каким образом горных народов к нашей стороне приклонить»; при этом было передано на рассмотрение сената письменное донесение князя Бековича-Черкасского о прибытии в Большую Кабарду и Кумыкию посланцев из Крыма с предложением подчиниться турецкому султану и хану. Бекович советовал Петру I все горские народы вплоть до персидской границы привести в свою сторону, что составит угрозу не только турецкому султану, но и иранскому шаху; неудачи, имевшие здесь место в начале прошлого века и последовавшее затем приостановление военных действий, по мнению Бековича, сильно ободрили шаха, который сам начал активно действовать, особенно в отношении кумыков¹.

В 1722 г., воспользовавшись тем, что в Шемахе кумыки и лезгины напали на русских купцов, ограбили и убили их, Петр I предпринял поход к Каспийскому морю, в Дагестан и Азербайджан. Чтобы турки не имели подозрения, Петр I предложил им прислать туда для наблюдения своего комиссара.

Как только русское войско и флот выступили из Астрахани, лезгинский владелец Дауд-Бек и казикумухский правитель Сурхай отдались под покровительство Турции. Крымский хан, а также английский и венецианский послы в Константинополе стали внушать султану, что Россия якобы хочет овладеть всем Ираном и с востока напасть на Турцию. Несмотря на то, что для наблюдения за движением русского войска был прислан капитан паша Нигги Мегмед-ага, султан неоднократно требовал через русского резидента Неплюева, чтобы Петр I отказался от своего похода, вывел войска из Дагестана и положился бы на посредничество Порты. В случае несогласия султан угрожал расторжением вечного союза. Дело в том, что Турция сама хотела воспользоваться начавшимся в Иране восстанием афган-

¹ См. Иван Полко, Терские казаки с стародавних времен, вып. I, СПБ 1880, стр. 243—246.

цев для расширения своих владений. Она имела сношения с афганцами, обнадеживала лезгин и предлагала союз хивинскому хану, прося его помочь дагестанцам.

После переправы русских войск через Сулак аксайский султан Махмуд и посланник от шамхала изъявили покорность Петру I. Шамхал предложил Петру свои войска, но эта помощь не была принята, так как Дербент был уже взят. Русские войска дальше Дербента не пошли. Узнав, что все суда с хлебом, шедшие из Астрахани, погибли, войска повернули обратно, оставив в Дербенте значительный гарнизон. В это время глава восставших афганцев Мир Махмуд, опасаясь России, укрепляя союз с Турцией с тем, чтобы восстановить ее против России.

Русский резидент в Константинополе Неплюев вскоре сообщил туркам, что Петр I вернулся из своего похода и к югу от р. Терека заложил новую крепость «для пристани купеческих судов». Так вместо крепости и города Терки по приказу Петра I в 1722 г. была заложена новая крепость — Св. Креста в 20 км от устья р. Сулак, где эта река делится на два рукава. Неплюев жаловался на крымского хана, который восстановил против России тарковского шамхала. Порта ответила, что возвращение царя разрешило все сомнения, и она желает сохранить с Россией мир, а хана крымского лишит престола, если он не принесет Петру I извинения за нападения на Северный Кавказ.

Тем не менее лезгинский владелец Дауд-бек был принят в подданство Турции и объявлен ханом дагестанским и цирванским. Он получил от Турции задание покорить смежные персидские владения и вытеснить из Дербента оставленный там русский гарнизон. В декабре 1722 г. Петру I была подана прибывшим в Россию турецким послом грамота с жалобой на обиды, якобы нанесенные русскими войсками в Дагестане местным жителям, а также черкесам и кабардинцам. Турция требовала: 1) прекратить военные действия против лезгин, уже принятых по единоверию в турецкое подданство, и вывода русских войск из Дагестана; 2) не принимать под свое покровительство кабардинского владельца Ислам-бея; 3) не вступаться за ушедшего из Кабарды в Россию Аслан-бея; 4) от прочих тамошних владельцев брать в аманаты только по одному сыну, как было

прежде. Вместе с такого рода ультимативными требованиями турецкий посол от имени верховного визиря возобновил предложение об оборонительном и наступательном союзе.

Русское правительство ответило, что хотя царь и имеет справедливую причину преследовать лезгин и Порта обещала не принимать их в свое покровительство, но ради сохранения дружбы с султаном его желание будет удовлетворено при условии, однако, чтобы и Турция не посыпала свои войска в Персию до дружеского соглашения с Россией. Турция должна запретить лезгинам нападать на земли, которые отдались под покровительство России, и на города, где оставлены русские гарнизоны. В ответе было также сказано, что Россия не допустит, чтобы Турция имела владения на Каспийском море. Относительно Аслан-бэя сообщено, что он давно находится в России и поселился в Москве со своими родственниками. Что касается приема аманатов, то было заявлено, что в этом постоянно соблюдается древний порядок. Турецкому послу была вручена копия враждебного России письма от крымского хана к тарковскому шамхалу Адиль-Гирею. При этом повторено было, чтобы Турция не замедлила дать удовлетворение за такой «противный вечному миру от 1720 г. поступок ее подданного».

Резиденту Неплюеву было предписано: если Турция захочет принять под свое покровительство тарковского шамхала Адиль-Гирея, султана Махмуда Аксайского и улмия Кайтагского, обитающих близ Терека, то ответить, что издавна они находятся в подданстве России и дают аманатов в подтверждение своей верности.

В сентябре 1723 г. по договору, заключенному с Россией Тахмаспом, сыном свергнутого афганцами шаха Ирана, были уступлены России за ее военную помощь Тахмаспу в вечное владение: Дагестан, Ширван, Мазандеран, Гилян и Астрабад. Несмотря на то, что Турция захватила почти всю Армению, она протестовала против этих приобретений России. Возникший на этой почве конфликт между Турцией и Россией был урегулирован только в 1724 г., когда в силу заключенного между этими государствами договора Турция лишилась права иметь владения на побережье Каспийского моря и оба государства не должны были посягать на независимость

Ирана и на его владения в Закавказье. Но вопреки своим обещаниям и договору 1724 г. Турция продолжала проводить агрессивную политику на Кавказе, стремясь вытеснить русские войска из Дагестана, Азербайджана и прикаспийских районов Ирана. Теперь стало очевидным, что если бы русские войска не овладели Дербентом и Баку, это сделали бы турки. В связи с угрозой со стороны Турции правительство Екатерины I решило увеличить до 60 тыс. человек русскую армию в Гиляни.

После 1725 г. Турция явно пытается использовать благоприятную для нее ситуацию в Иране, где все еще продолжалась борьба между Тахмаспом — представителем старой династии Сефевидов и афганцами, вождь которых Эшреф в столице Ирана — Исфахани провозгласил себя шахиншахом Ирана. Наряду с борьбой за присвоение Закавказья Турция при помощи карательных экспедиций против горских владельцев и князей еще раз попыталась утвердить свою власть на Северном Кавказе. Эта активная политика Турции на Кавказе против России встречала сочувствие и поощрение со стороны Англии и Франции, недовольных тем, что Россия не вступила в Ганноверский союз, а сблизилась с Австрией.

Теперь Турция могла открыть свои карты; ее войска, равно как и отряды крымского хана, настойчиво добивались своей цели, сея рознь и вражду среди черкесских и кабардинских князей, многие из которых далеко не отдавали себе отчета в подлинных целях Турции.

В 1725 г. среди кабардинских князей возникли феодальные междоусобицы, имевшие роковые последствия. Князь Росланбек Кайтукин в борьбе против владельцев родов Атажукина и Мисостова обратился за помощью к кубанскому султану Бахты-Гирею, присягнул ему и отдал ему в жены свою дочь. Опираясь на вооруженную силу крымского хана, Бахты-Гирей разорил Большую Кабарду и стал принуждать князей отдаваться под его власть и переселиться на Кубань.

Прося у России помощи, князья Атажукины и Мисостовы указывали на свою давнюю верность Русскому государству, начиная от дедов и прадедов и на нежелание идти под власть Крыма. «Всегда нам крымский народ обиды чинит, — говорили они. — Без вашей помощи мы все пропали, понеже нашей силы с ними не будет.

Ради бога извольте нам несколько войска прислать на помощь, дабы мы деревни свои от них (от крымцев) возвратили».

После перехода на сторону Крыма князя Росланбека Кайтукина в Большой Кабарде усилилась вражда двух партий: кашкавской (по имени горы Кашкатау, близ одного из притоков Терека — реки Черека), которая открыто предалась на сторону Крыма, и баксанской (от реки Баксан), остававшейся верной Русскому государству. К первой партии принадлежали сторонники князя Росланбека Кайтукина из рода Жамбулатова, вторую возглавляли князья Атажукины и Мисостовы. В то время во главе баксанской партии стоял Бамат или Магомет Кургокин.

Всячески оправдывая свое вмешательство в дела Северного Кавказа, турки в 1728 г. сообщили Неплюеву о положении в Северном Иране, где племена — шахсевены и муганцы — якобы взбунтовались против Турции, в связи с чем турки потребовали не принимать их в русские пределы, если бы они выдвинули такую просьбу, предупредив, что будут их преследовать, хотя бы они ушли на русскую территорию. Далее, они потребовали, чтобы Россия не воспрещала куралинцам перходить к Сурхаю (правителю Казикумухе в Дагестане) и подтвердила, что не имеет прав на народ куралинский. Неплюев тогда же подал жалобу на то, что турки систематически нападают с кубанской стороны на крепость Св. Креста, и потребовал, чтобы кубанскому сераскиру Салак-Гирею было приказано воздерживаться от всяких выступлений.

В 1729 г. в Кабарде вновь появился из-за Кубани султан Бахты-Гирей, возобновивший требование от имени крымского хана об отправке к нему людей в виде дани. В одной из стычек он был убит. Считается, что с этого времени черкесы были избавлены от тяжелой дани, которую они ежегодно должны были платить крымскому хану людьми — мальчиками и девочками.

В 1729 г. Тахмаспу удалось победить афганцев. Утвердившись на иранском престоле, он отказался от договоров, заключенных Эшрефом с Турцией и Россией. Все это говорило о необходимости России и Турции согласовать свою политику в Иране. Однако в 1730 г. у генерала Румянцева, проводившего разграничение на

Кавказе, произошло сражение с сыном Сурхая и турецким ставленником Когай-беком, который вторгся в район Дербента и напал на русские войска. Когда Неплюев представил письма Когай-бека к черкесам, раскрывавшие его агрессивные замыслы, турки были вынуждены прекратить свои протесты по поводу политики России на Кавказе.

17 сентября 1730 г. в Константинополе вспыхнуло восстание, руководимое Патроной Халилом, которое привело к свержению султана Ахмеда III и его министров.

Новый турецкий султан Махмуд I и специально вызванный им из Крыма его ближайший советник Каплан-Гирей, третий раз ставший крымским ханом, справились в том же году с вождями народного восстания и жестоко подавили в 1731 г. попытку нового народного движения.

Ослабление Турции, вызванное народными восстаниями, было использовано Ираном, где в это время выдвинулся крупнейший полководец Надир-хан (Тахмасп-Кули-хан), успешно начавший борьбу против турок и изгнавший их из пределов Ирана и Закавказья. Турции, опасавшейся сближения России с Надир-ханом, пришлось на время сократить свою активность на Северном Кавказе. Тогда крымский хан Каплан-Гирей, воспользовавшись слабостью султанского правительства, решил самостоятельно осуществить свою заветную мечту о присоединении Северного Кавказа к Крымскому ханству.

Узнав о воинственных намерениях крымского хана, Неплюев дважды — 15 ноября и 20 декабря 1731 г. — обращался по этому поводу к Порте. Его заверили в том, что султан и верховный визирь отдалили к крымскому хану курьера с указами о воспрещении нападать на Кабарду. Тем не менее от находящегося в новой крепости Св. Креста генерала Еропкина было получено известие, что в первых числах октября 1731 г. крымские, ногайские и другие войска, всего около 7 тыс. человек, приблизились к Кабарде и потребовали, чтобы кабардинцы выдали ушедших в прошлом году к ним ногайцев и чтобы они не препятствовали крымскому хану отомстить за убитых несколько лет назад родных братьев кубанского султана из дома Гиреев. Генерал Еропкин дал знать кабардинцам, что кабардинцы находятся под

протекцией России и он их должен защищать и оборо-
нить. Однако кубанские и крымские отряды все же по-
шли на Кабарду, сожгли некоторые селения и взяли
много людей в плен. Обороняясь, кабардинцы напали
на противника при переправе его через р. Терек, многих
перебили и захватили пленных.

13 января 1732 г. Неплюев уведомил Порту, что
крымский хан напал на Большую Кабарду, пожег
поля и взял в плен кабардинского бека Легука. После
этого хан перешел в Малую Кабарду, где и был разбит,
причем был взят в плен сеймен-бashi (начальник от-
ряда) Али-Байрам Коши и др.

Неплюев указывал, что сеймен-бashi будет отпущен,
если турки возвратят кабардинского князя. Возник дипломатический спор. Турция заявила, что кабардинцы
и черкесы значатся в их росписях за Крымом. Неплюев
возразил на это, говоря, что в знак своей верности Рос-
сии кабардинцы издревле дают своих аманатов и их
внутренние ссоры всегда разбирают русские погранич-
ные власти. Тогда турки заявили, что в трактате о веч-
ном мире 1720 г. о Кабарде нет ничего. Неплюев отве-
тил, что и писать об этом было нечего, так как Кабарда
от Кубани и Азова отделена обширной степью, в кото-
рой разграничения никогда не было. Неплюев предло-
жил, чтобы хан представил доказательства своего вла-
дения Кабардой, и обещал сделать то же от имени
России, а до решения этого вопроса хан должен был
прекратить свои нападения. Одновременно Неплюев
предупредил турок, что Россия отправила войска для
защиты Кабарды.

Мирный договор, заключенный Россией с Ираном
в Реште 21 января 1732 г., предусматривавший возвра-
щение Ирану занятых русскими при Петре I провинций,
и договор Ирана с Турцией от 10 января 1732 г., заклю-
ченный в Багдаде, как бы развязали руки Турции в кав-
казских делах.

Усматривая в договоре России с Ираном признак
ослабления интереса России к Кавказу, Турция решила
освободить крымского хана Каплан-Гирея от всяких за-
прещений относительно нападений на Кабарду. Реис-
эфенди заявил Неплюеву, что турецкое правительство
ошибочно потребовало у хана вывести свои войска из
Кабарды. Это произошло якобы от незнания дела. Он

подтвердил, что крымский хан имеет право вводить свои войска в Кабарду, так как якобы Кабарда Большая и Малая исстари принадлежали крымскому хану, а Россия по договору не имеет на них никаких прав. Турецкое правительство ссыпалось при этом на какую-то грамоту Петра I к султану и особенно на его указ от 1722 г., в котором ничего о Кабарде не говорится и из которого, таким образом, никак нельзя вывести заключения, что Петр I считал Кабарду принадлежащей России.

Неплюев не знал, как быть; кабардинский вопрос представлялся ему запутанным и опасным. Основываясь на некоторых дипломатических документах, Неплюев допустил ошибку, заявив, что считает Большую Кабарду вольною, но затем, узнав, что русские генералы на Кавказе принимают от имени России под свое покровительство князей Большой Кабарды, должен был отказаться от своих слов. Получив нужные сведения, Неплюев стал доказывать принадлежность Кабарды к России.

Видимо, в связи с требованием Неплюева в коллегии иностранных дел была составлена в 1732 г. справка «О Кабардах Большой и Малой, о пребывании их в протекции или же в подданстве Российской Империи». В этой справке говорится о спошении кабардинских князей с Россией, начиная с 1555 г., когда «кабардинцы, которые назывались в древния лета черкесы Пятигорские, пришли в подданство России с их главными князи и со всем пятигорским народом и землею»¹.

Но Турция не пожелала считаться с этими фактами. Поддерживаемая французским послом Вильневом, она ухватилась за его предложение объявить Кабарду нейтральной, с чем Россия, конечно, не могла согласиться.

В 30-х годах XVIII в. Кабарда стала ареной ожесточенной борьбы между Турцией и Россией. Особенно запомнились кабардинскому народу набеги крымского хана и кубанского сераскира в 1731—1733 гг. Вице-канцлер Остерман писал верховному визирю Турции в ноте от 12 апреля 1736 г.: «И в 1731, 1732 годах... на

¹ Подлинник этой справки отсутствует. Ее содержание приведено в указе коллегии иностранных дел комендантю крепости Св. Креста генералу Еропкину. См. «Кабардино-руssкие отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 56, 73.

древний российский народ и подданных кабардинцев не только от татар, но и от самих турков и азовских бешлеев такие же неприятельские нападения, убиением и пленением многочисленных подданных российских, разорением и опустошением сел и деревень, отогнанием лошадей и скота и грабежом пожитков, учеными и произведены»¹.

В августе 1733 г. отряд донских казаков, шедший с Дона в крепость Св. Креста под командой атамана Краснощекова, подвергся нападению крымцев и калмыков. На помощь ему явились кабардинцы под командой Бамата и выручили донских казаков. Но русские в том же 1733 г. не смогли оказать помощь Кабарде, на которую напали турецкие и крымские войска во время их похода в Дагестан. Часть кабардинцев вынуждена была подчиниться крымскому хану и обязалась прислать ему 200 человек. Только благодаря мерам, принятых русским командующим генералом Левашовым, кабардинцы не отправили обещанных людей.

В 1735 г. верховный визирь Али-паша заявил Неплюеву, что Турция намерена разорвать отношения с Россией потому, что Россия отобрала у Турции ее древние владения — кабардинскую землю и, кроме того, возбуждает Грузию на борьбу против Турции, обнадеживая ее своей помощью. Он обвинил Россию в том, что она поддерживает против Турции иранцев и не только не пропустила против Ирана войска крымского хана, но и разбила их.

В это время, узнав, что в силу нового договора с Ираном Россия вывела из Дагестана, Дербента и Баку свои войска, Турция решила объявить себя покровительницей дагестанских народов и направить крымского хана с 80 тыс. человек на Северный Кавказ.

Но 13 мая 1735 г. новый русский резидент в Турции Вешняков заявил, что Дагестан находится в подданстве России и что хотя уцмий и уходил к татарам, но год назад принял присягу на верность России. Али-паша ответил на это, что султан принял дагестанцев под свое покровительство по их просьбе, так как они не хотели подчиняться Ирану, которому были уступлены импера-

¹ П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. I, СПБ 1869, стр. 374.

трицей; единоверие и бывшее ранее подданство Дагестана Турции не позволили султану отказать им в этой просьбе. Али-паша заверил, что поход крымского хана не затронет русских городов — Терка и крепости Св. Креста, от которых они пройдут в 20 часах езды. Бешняков возразил, что Дагестан принадлежит России: часть его приобретена по договору с Ираном, другая часть в результате войны, когда было присоединено Астраханское царство. Россия не может допустить господства турок над Дагестаном и пропустить через него крымские войска, поскольку в новой войне Ирана с Турцией она придерживается нейтралитета.

В письме верховному визирю руководитель русской внешней политики Остерман сообщил, что дагестанцы — древние подданные России и дают ей аманатов в подтверждение верности, и сделанная шаху уступка городов на них не распространяется. Тем не менее визирь продолжал упорствовать, заявляя, что Турция не признает прав России на Дагестан и что воспрещение прохода крымскому хану через Кавказ поведет к войне.

Интересно отметить, что послы Австрии, Голландии и Англии, так же как и русский резидент, выступили против посылки крымских татар в Персию через Дагестан. Турки заверяли этих послов, что Турция требует не подданства дагестанцев, а лишь покровительства над ними. В конце концов крымскому хану было предписано пройти через Дагестан, не беспокоя ни местных жителей, ни русских подданных.

Из приведенных фактов можно заключить, что Турция в 1735 г. энергично искала повода к ссоре с Россией из-за Северного Кавказа. Она отказалась признать избрание королем Польши Августа III и выслала его представителя Стадницкого. Бешнякову за упорство в отношении Северного Кавказа было запрещено употреблять российский императорский титул: от него не принимали бумаг с этим титулом и даже вычеркивали его. Турки требовали немедленного выезда из Турции Неплюева, который сложил резидентское звание, но по болезни до 5 сентября 1735 г. не мог выехать в Россию. Новый верховный визирь Исмаил-паша открыто требовал разрыва с Россией.

6 апреля 1735 г. верховный визирь сообщил английскому, австрийскому и голландскому посланникам о

выступлении России против Азова и вручил им манифест об объявлении Турцией войны России. 12 апреля 1735 г. в Турции был получен манифест об объявлении ей войны Россией. В манифесте перечислялись все обиды со стороны Турции, ее несогласие заключить общий мир с Ираном и подчеркивалось, что Россия вынуждена к этой войне для защиты своих подданных. Если Турция хочет мира, то может выслать на границу своих уполномоченных. Турки согласились на это и сообщили, что на границу прибудет великий визирь в сопровождении Вешнякова. Но вместо этого 1 июля 1735 г. визирь отправился в поход; с ним были все послы, в том числе и Вешняков, который вскоре был отпущен в Россию.

Незадолго до этого, 23 июня 1735 г. граф Миних получил предписание идти из Польши на Крым и Азов с тем, чтобы отвлечь войска крымского хана от похода на Кавказ. Одновременно генералу Левашову, находившемуся на Кавказе, было предписано преградить крымскому хану Каплан-Гирею путь в Кабарду и Дагестан.

Все это показывает, что Россия твердо отстаивала Северный Кавказ от покушения со стороны Турции.

4 июля Азов был взят генералом Ласси. Что касается Миниха, то он вторгся в Крым, овладел столицей хана Бахчисараем, но не смог дойти до Кафы и повернулся обратно.

Если до этой войны некоторые кабардинские князья занимали неопределенную позицию, то с начала военных действий они решительно встали на сторону России. Кабардинцы действовали совместно с русскими войсками против кубанских татар, участвовали во взятии Азова, оберегали от набегов вновь основанную Кизлярскую крепость и несли охрану пути между Кизляром и Астраханью.

В 1737 г. в Вене была подписана русско-австрийская конвенция о совместных военных действиях против Турции, которые Австрия должна была начать в следующем году. Конгресс, созванный в 1737 г. в Немирове, не привел к примирению воюющих держав. Русские делегаты потребовали установления границ с Турцией на западе — по р. Днестру, а на Кавказе — по р. Кубани, так что Тамань и Азов переходили к России. В Крыму к России должны были перейти Керчь и Еникале, чтобы «хотя бы малая узда на турок была».

Но турецкая армия еще не была разбита, поэтому Турция упорствовала, да и Франция через своего посла в Турции Вильнева употребила все влияние, чтобы не допустить Турцию к заключению мира на условиях, «постыдных для нее и предосудительных для торговли Франции». Россия не согласилась на требования турок разрушить Азов и возвратить им Очаков и Кинбурн, и переговоры в Немирове были прерваны.

Позднее турки выдвинули дополнительные условия: Азов разорить, но вместо него предоставить право России построить крепость на Дону, выше Азова, а туркам — на Кубани. «Тогда, — пояснил ренс-эфенди, — русские будут иметь свой Азов, а турки свой». Взятие русскими войсками Хотина 20 августа 1739 г. и Ясс и заключение Минихом особого договора от 5 сентября 1739 г. о подданстве Молдавии заставили турок спешить с предложением мирных переговоров. Русское правительство совершило ошибку, поручив отстаивать интересы России на мирной конференции в Белграде французскому послу Вильневу. В результате договор, подписанный в Белграде 18 сентября 1739 г., не принес России больших выгод. Оправданием может служить лишь стремление русского правительства спешить с заключением договора с Турцией в связи с угрозой войны со стороны Швеции. Враги России давно добивались заключения турецко-шведского военного союза, направленного против России. Этот военный союз был заключен 22 декабря 1739 г. Все же Швеция пришлось вести войну с Россией в 1741—1742 гг. без своего турецкого союзника.

Белградский договор 1739 г. впервые в истории русско-турецких отношений затрагивал спорный вопрос о судьбе Кабарды.

В статье 6 этого договора сказано, что Большой и Малой Кабарде и кабардинскому народу быть вольными и не находиться под владением ни той, ни другой империи, а служить как бы барьером между ними. Турция, Крым и Российская империя должны были оставить обе Кабарды в покое и не вмешиваться в кабардинские дела. Но по «древнему обыкновению» Россия будет брать от кабардинцев «для спокойного их пребывания» аманатов; то же позволяет «для такой же причины» и Оттоманской Порте. В заключительной

части этой статьи сказано: если кабардинцы «причину жалобы подадут одной или другой Державе, каждой позволяет наказать»¹.

Это компромиссное решение ни в какой мере не соответствовало интересам самой Кабарды. Кабардинский народ установил тесные экономические и политические связи с Россией, и теперь искусственно оборвать эти связи означало бы нанести непоправимый ущерб его экономическому и культурному развитию.

Предоставление Кабарде такой «вольности» фактически делало кабардинцев беззащитными и должно было привести к большим осложнениям в среде самого кабардинского народа. Прежняя борьба в Кабарде двух партий — русской и крымской осложнялась вмешательством третьей, отстаивавшей якобы независимость Кабарды, провозглашенную Белградским договором 1739 г.

В течение всей первой половины XVIII столетия Кабарда постоянно вовлекалась в борьбу, которую вели между собой Россия, с одной стороны, Турция и Крым — с другой. Эта борьба, обостряемая княжескими феодальными междоусобиями в самой Кабарде, тормозила мирное развитие жизни не только кабардинского народа, но и других народов Кавказа. После заключения Белградского договора ни Турция, ни крымский хан вовсе не намеревались оставить в покое Кабарду; они по-прежнему продолжали засыпать туда своих агентов, стремясь привлечь кабардинцев на свою сторону. В этих условиях Россия не могла оставаться нейтральной и не оказывать Кабарде дружеской поддержки.

В 1740 г. в Константинополь неожиданно явились иранские послы и от имени шаха потребовали возвращения всех иранских пленных, находившихся в Турции, а также свободного пропуска шаха с его войском через турецкую территорию на поклонение в Мекку. В случае отказа послы былиполномочены объявить Турции войну. Они предупредили турок, что Надир-шах не сложит оружия, пока не отвоюет от Турции все земли, некогда покоренные Тимуром.

¹ Г. Юзефович, Договоры России с Востоком политические и торговые, СПБ 1869, стр. 19.

Турция была сильно встревожена. С большим трудом ей удалось собрать три корпуса численностью примерно до 80 тыс. пехоты и 15 тыс. конницы. Великим визирем вновь стал Али-паша. Французский и шведский послы начали подбивать его на выступление против России, убеждая его в том, что Надир-шах действует против Турции в тайном соглашении с Россией.

Но в 1742 г. шах уже отказался от притязаний на «принадлежавшие ранее Тимуру» земли. Он уведомил султана, что идет «покорять» лезгин (Дагестан), которые якобы многократно выступали против него. При этом шах жаловался на Россию и убеждал Турцию вступить с ним в союз.

Русское правительство привело в оборонительное состояние Кизляр и, преступив букву договора 1739 г., обратилось к кабардинским князьям с тем, чтобы подготовиться к совместной обороне. В Кабарду был направлен грузинский царевич Бакар Вахтангович, состоявший в родственных отношениях с некоторыми кабардинскими князьями.

Приближение иранских войск к границам Дагестана заставило многих местных владетелей обратиться к России с просьбой о помощи и о принятии их в подданство (шамхал Хасбулат и др.). В том же 1742 г. Надир-шах был разбит дагестанцами под аулами Чох, Бухты и в Турчи-Даге. Угроза Кавказу со стороны Ирана полностью была ликвидирована.

Междоусобная борьба феодалов в Кабарде не могла не касаться России. Предводитель кашкатауской партии Родланбек переселился из Кашкатау в горы на р. Чегем и занял земли, принадлежавшие баксанской партии. Владельцы Касай и Магомет Атажукины из баксанской партии и Батоко Бекмурzin из кашкатауской партии были изгнаны из Кабарды. Атажукины были приняты Россией и поселены в Кизляре. Таким образом, Россия была вынуждена принять участие в кабардинских делах. Но главная задача ее политики в отношении Кабарды состояла в том, чтобы противодействовать турецкой пропаганде и препятствовать переходу Кабарды в подданство крымского хана. После 1739 г. Турция, стремясь официально оставаться в стороне от кабардинских дел, больше, чем раньше, перепоручает кабардинские

дела крымскому хану, который стал действовать более независимо от султанов.

При переговорах в 1746 г. по кавказским делам с великим визирем русский резидент настаивал на запрещении крымцам вторгаться в русские пределы, в частности оставить предпринимаемый ими поход на обитающих близ Кабарды темиргойцев. Визирь возражал ему на том основании, что Россия якобы не вправе вмешиваться в дела крымского хана с народом, обитающим вне Кабарды. В то же время турки отказались вести переговоры о назначении русского консула в Крым. В конце декабря 1747 г. в Константинополь прибыл крымский хан, и А. И. Неплюев (сын) сообщил ему протест по поводу татарских набегов на донеские станицы. В свою очередь хан жаловался на русских подданных.

На совместной конференции А. И. Неплюева с верховым визирем и ханом в 1748 г. были обсуждены вопросы: 1) о посылке от России и крымского хана комиссаров к кабардинцам для прекращения происходящих между ними недоразумений; 2) о намерении султана построить крепость на р. Кубани.

На жалобы крымского хана на поведение русских в Кабарде резидент итогом от 19 мая 1748 г. ответил, что закубанцы не только принимают беглых кабардинцев и подговаривают их к бегству, но нередко нападают на кабардинские жилища, чего никогда не бывает со стороны русских. Вопрос о постройке крепости на Кубани был предоставлен на решение султана, с тем, однако, чтобы для этой крепости не были захвачены пограничные земли.

В заключение Турция объявила о решении укрепить свое положение на Кавказе и для этого перевести ногайцев на кубанскую сторону (за р. Кубань).

Для того чтобы у турок не возникло повода к недоверию и недовольству, А. И. Неплюев запиской от 9 октября уведомил Турцию, что с русской стороны посланы приказы к пограничным начальникам о соблюдении порядка, и доказывал, что перевод ногайцев за Кубань противоречит спокойствию и может послужить поводом к новым беспорядкам.

Тем не менее, несмотря на все протесты со стороны России, нападения на кабардинцев не прекратились.

Отношения у России с Турцией становились все напряженнее. Турция, воспользовавшись гибелью Надир-шаха в 1747 г. и начавшимися в Иране междоусобиями, решила вернуть себе господствующее положение на Кавказе. В Кабарду и Дагестан были направлены турецкие агенты, которые должны были убедить кабардинских князей принять турецкое подданство и выступить против России. Турки фактически овладели Западной Грузией и Картлией.

В 1747—1748 гг. резиденту в Константинополе А. И. Неплюеву жаловался крымский хан Селим-Гирей на кабардинцев, которые принимают к себе кубанских беглецов. Однако при расследовании оказалось, что кубанский сераскир всячески старается, по приказу крымского хана, подчинить себе кабардинцев. В 1750 г. крымский хан сообщил султану о том, что русские агенты вербуют в Кабарде добровольцев для войны против Швеции и Пруссии, как если бы кабардинцы были русскими подданными. Русский резидент опровергнул эти домыслы: в Кабарде действительно в 1750 г. были русские люди, но их целью был обмен заложников (аманатов).

В междоусобной борьбе, происходившей в Кабарде, крымский хан чаще всего поддерживал кашкатаускую партию, а Россия — баксансскую.

В 1750 г. (и вторично в 1753 г.) в Кабарду направлялись майоры Барковский и Татаров с поручением прекратить междоусобную борьбу князей и выдать князю Атажукина рода — Бамату Кургокину тысячу рублей. Они сумели примирить враждующих и развели их на прежние места: Жамбулатов род поселился в Кацкатау и при реках Шалухе и Нальчике, а роды Атажукин и Мисостов расположились по рекам Малке, Баксану и Чегему (1753 г.)¹. Это вновь послужило для турок поводом упрекать Россию в том, что она склоняет кабардинцев в свое подданство и готовит их к войне против Швеции и Пруссии. В свою очередь Россия обращала внимание Турции на то, что крымский хан не только привлекает кабардинцев в свое поддан-

¹ Н. Грабовский, Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость. «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IX, Тифлис 1876, стр. 122. См. также «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 190—191.

ство, но и притесняет их, принуждая кабардинских князей к уплате денежного вознаграждения за убийство в 1729 г. Бахты-Гирея, которого сама Порта объявила бунтовщиком. Русское правительство требовало, чтобы султан запретил крымскому хану производить нападения на Кабарду и велел ему отозвать своих сыновей из-за Кубани.

28 декабря 1753 г. реис-эфенди прислал новому русскому резиденту в Турции Обрескову записку, в которой писал, что будто бы кабардинцы присоединили к себе принадлежавших крымскому хану абазинцев-алтыкесеков и одну бесленейскую деревню, совершают нападения на Кубань и принимают перебежчиков. Для усмирения кабардинцев Порта просила прислать русские войска вместе с войсками крымского хана.

Россия решительно отвергла притязания крымского хана на абазинцев-алтыкесеков. При этом разоблачены были старания хана Арслан-Гирея утвердить свою власть над Кабардой. Было указано, что кабардинцы, как древние покровители абазинцев, при заключении Белградского договора получили подтверждение прежних своих прав и вольностей; следовательно, притязания крымского хана на абазинцев нарушают свободу кабардинцев.

Крымский хан Арслан-Гирей внушил туркам, что посыпка русских войск в Кабарду имеет целью вытеснить из Баксана кашкатаев, изнурить их и впредь заставить признавать авторитет России, поэтому Турция может на основе того же Белградского трактата воспротивиться переселению кашкатаев.

Однако, пока шли переговоры, кашкатаевы уже переселились и 24 октября заключили с баксанцами договор на таких условиях: 1) за убитого кабардинского владельца Канимата крови ни с кого не взыскивать; 2) не принимать перебежчиков; 3) реке Чегем быть границей; 4) во взаимных спорах разбираться самим, для чего выделить от каждой стороны по 20 узденей¹.

В 1754 г. в связи с осложнением русско-турецких отношений из-за постройки на Украине крепости Ели-

¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 193.

саветграда и активизации русской политики в польском вопросе крымский хан писал Порте, что кабардинцы надеются на помощь России и не желают признавать турок. Он просит послать в Кабарду войска, чтобы доказать им, что султан может их наказать. Однако султан уже не решился на это. Он предписал все дела кабардинские, абазинские и другие разрешать на основе существующих соглашений с Россией. В этом был известный успех русской политики на Северном Кавказе, направленной на защиту кабардинского народа от крымско-турецкой агрессии.

ГЛАВА IV

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768—1774 гг.

В 1757 г. турецкий султан собрал совет для принятия мер против активной политики России на Кавказе. Дело в том, что незадолго до этого Турция резко изменила свое отношение к России, примкнув ко враждебному ей лагерю, возглавленному Англией и Пруссией. Прибывший в Россию турецкий посол Осман-эфенди отказался выполнять обычный церемониал во время аудиенции и держал себя вызывающим образом. Турция открыто начала готовиться к войне и возобновила с Пруссией переговоры о заключении военного союза.

Но в это время в Крыму произошел мятеж, который отвлек внимание турецкого правительства. На султанском совете образовалось две партии: первая советовала начать войну с Россией, а вторая, руководимая верховным визирем, желала сохранять мир и доказывать всю опасность разрыва с Россией.

Большинством голосов решено было сохранить мир, но было объявлено, что султан отложил поход до весны и велел продолжать начатые приготовления.

Положение на Северном Кавказе осложнялось тем, что наряду с борьбой, разгоревшейся между Россией, с одной стороны, и Турцией совместно с крымским ханом — с другой, шла осткая феодальная борьба между князьями Большой и Малой Кабарды. Князья Большой Кабарды, как более сильные, сделали попытку подчинить себе Малую Кабарду. Князья последней вынуж-

дены были искать покровительства у России и обратились с просьбой о разрешении переселиться в русские пределы.

В интересах России было не препятствовать такому переселению, но до него дело не дошло. Русское влияние было сильно не только в Малой, но и в Большой Кабарде. Князей удалось примирить, и уже в 1758 г. некоторые из них приняли участие в походе, предпринятом комендантом крепости Кизляр против горцев Северо-Восточного Кавказа, мешавших нормальным сношениям России с Закавказьем.

Но и крымский хан имел своих приверженцев в Кабарде; в 1760 г. ему даже удалось привлечь на свою сторону некоторых представителей баксанской партии; недовольные посреднической ролью России, ставшейся прекратить их междуусобную борьбу, представители этой партии обратились за поддержкой к крымскому хану. В своем письме хан убеждал их «стараться общим согласием предаться сиятельной Порте и Крыму, следуя правилам мусульманского закона».

В том же 1760 г. в Крыму был задержан возвращавшийся из Мекки сын князя Большой Кабарды Бамата Кургокина, по имени Темрюк. Хан объявил, что причиной его ареста является убийство одного из родственников крымского хана — султана Бахты-Гирей-Дели, совершенное в прошлые годы в Кабарде. Хан обещал освободить сына Бамата Кургокина в случае, если кабардинцы переселятся за Кубань, но получил решительный отказ. Резидент в Турции Обресков потребовал освобождения Темрюка на том основании, что убитый в Кабарде в 1729 г. султан являлся бунтовщиком против турецкого султана. Но турки заявили, что Темрюк остался на турецкой стороне за Кубанью по собственной воле.

Царское правительство, полагая, что укрепить позицию России на Кавказе одними военными мероприятиями нельзя, начало с 1760 г. обращать внимание на развитие экономических связей с Кавказом: 23 декабря 1760 г. указом императрицы Елизаветы Петровны был разрешен ввоз на Кавказ различных мануфактурных товаров, в том числе было разрешено провозить к кабардинцам, кумыкам, брагунцам и осетинам, как под-

данным России, холст и другие предметы, вывоз которых в Иран был временно закрыт.

В 1765 г. правительство отменило пошлину, которую уплачивали кабардинцы и кумыки при покупке товаров и при продаже своих изделий и скота в Кизляре. Содействуя расширению торговли с Кабардой, русское правительство интересовалось, какие товары можно покупать в Кабарде. Было установлено, что Большая и Малая Кабарда могут продавать мед, воск, просо, ячмень и в большом количестве скот. В соседних с Кабардой чеченских владениях сверх того можно было получать фрукты и пшеницу. У кумыков в Брагунском, Аксайском, Андреевском, Костюковском и других селениях, по северную сторону реки Койсы, имелись пшеница, ячмень, пшено сорочинское, просо, овощи, а в Тавлинских деревнях, кроме этого, были еще виноград, яблоки, груши, сливы, курага; в Карабулаках — мед, воск, скот и пр.¹

В том же 1765 г. кизлярское купечество развернуло обширную заграничную торговлю, вывозя из России холсты, разные крашеные материи, сундуки, зеркала и пр. и ввозя персидские ткани и другие товары, а также беспошлинно шелк. Все эти товары из Кизляра направлялись в Астрахань. Кроме того, Кизляр получал ремесленные товары от кумыков и кабардинцев. Однако вследствие высоких цен, назначаемых купцами за холст и другие товары, кабардинцы не всегда могли покупать их или обменивать на свою продукцию. Комендант г. Кизляра генерал-майор Потапов обратился в коллегию иностранных дел с просьбой, чтобы в интересах развития местной торговли и борьбы с дороговизной, которая сильно ударяла по интересам военных людей, получавших небольшое жалованье, с привозимых в Кизляр из Кабарды и Кумыкии ремесленных товаров, а также и с продаваемых кабардинцам и кумыкам в Кизляре не брать вовсе пошлины. В Астрахани же продолжать брать пошлину по тарифу за все привозимые туда из Кизляра товары. Доставляемые из России холст, крашенины и всякие другие товары продавать без обложения их пошлиной только в казачьих город-

¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 240.

ках и в Моздоке; с отправляемых товаров в Иран, Кумыкию, Кабарду и к другим горским народам пошлину брать по тарифу. Однако коллегия по иностранным делам уведомила коменданта, что отменить пошлину не может. В то же время она сделала указание кизлярской таможне не препятствовать вольной торговле с кабардинцами и кумыками и продаже беспошлино их продуктов¹.

Экономические мероприятия, относящиеся к русской торговле с народами Кавказа, и к восточной торговле через территорию Кавказа, не могли дать больших результатов. Политическая обстановка на Кавказе к 1765 г. резко обострилась из-за недовольства, вызванного возобновлением в 1760 г. строительства русских укреплений по Тереку, особенно постройкой крепости Моздок (1763 г.). Еще до этого, в 1735 г., было построено укрепление на левом берегу Терека в Кизляре. Поселения вокруг моздокских укреплений создавались на земле, на которой обычно паслись стада кабардинцев. Это стеснило кабардинских феодалов и вызвало среди них недовольство. Кабардинцы, конечно, понимали, что крепость Моздок будет служить оплотом царизма на Северном Кавказе. Поэтому многие кабардинские князья противодействовали основанию Моздока, а впоследствии требовали уничтожения крепости, для чего посылали в 1764 г. особую депутацию в составе князя Кайтуко Кайсырова и знатнейшего из узденей Кабаз-Гирея Куденетова к Екатерине II.

Отказ русского правительства уничтожить Моздокскую крепость раздражал кабардинских князей. В знак протеста они не приняли 3 тыс. рублей, присланных им в награду за военную помощь, оказанную в 1758 г.

Можно предполагать, что не только крымский хан, исполнявший указания султанской Турции, но и сама Турция решила использовать сложившуюся обстановку с тем, чтобы возбудить кабардинских князей и узденей против России. 2 июля 1765 г. ротмистр Иван Мещеряков сообщил в рапорте коменданту г. Кизляра генерал-майору Потапову, что кабардинские князья, собравшись у горы Бештау, зачитали письмо крымского хана.

¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 250.

В этом письме хан требовал от кабардинских князей, желающих отложитьсь от России, прислать к нему своих представителей, чтобы вместе с ханскими посланцами отправиться в Царьград к турецкому султану. Кабардинские князья, якобы, написали ответное письмо, которое и было отправлено 19 июня с узденями Казием Кончокиным, Девлет-мурзою Куденетовым, Девлет-Гиреем Мааматчиным и Канчокою Батаршиным. Кабардинские князья просили, чтобы крымский хан отправил узденей вместе с письмом к турецкому султану и со своей стороны просил бы о принятии их под покровительство Оттоманской Порты с тем, чтобы остаться им на нынешних местах. Что же касается Моздока, то он должен быть русскими уничтожен. В случае же если Турция не сможет добиться этого и не сможет прислать на Кавказ войско, то переселила бы их, кабардинцев, на земли, принадлежащие Крыму по реке Кубани. В конце рапорта сообщалось, что Касай Атажукин велел донести Поталову, что, если Россия не хочет, чтобы кабардинцы перешли на Кубань, а оставались на прежних местах, для этого необходимо уничтожить Моздок; одновременно онставил вопрос о возврате бежавших на русскую сторону мусульман, а за беглецов-христиан предлагал установить плату¹.

Было очевидным, что вопрос о постройке крепости при урочище Моздок, разросшийся из-за крымско-турецкого вмешательства в конфликт с кабардинскими князьями, умело разжигаемый противниками России, приходилось разрешать не только на месте, в Кабарде, но и в Турции. Русский резидент Обресков сообщал из Константинополя, что из Турции отправлены люди, искусные в области географии и инженерном деле, для обследования Моздокской крепости и установления, действительно ли она построена на кабардинской земле. Одновременно он просил коллегию иностранных дел прислать ему справку о том, кому же принадлежит земля, на которой сооружен Моздок. 21 сентября 1765 г. руководители коллегии по иностранным делам Н. Панин и А. Голицын направили Обрескову и поверенному в

¹ Архив внешней политики России (в дальнейшем АВПР), ф. Кабардинские дела, 1765—1767, д. 17, лл. 129—132.

делах канцелярии советнику Левашову реескрипта, утвержденный Екатериной II¹.

Однако русское правительство не предусмотрело активных действий со стороны самих кабардинских

¹ Содержание этого реескрипта имеет большое значение для освещения истории русско-кабардинских отношений. Поэтому приводим подробное извлечение из него.

«На сие ваше представление дается вам знать, что в здешних архивах совсем никаких письменных известий и доказательств сыскаться не может о границах земель наших с кабардинцами, потому что хотя кабардинцы издавна, а именно еще со времея царя Иоанна Васильевича, здешними подданными и почитались, но никогда нужды не было по отдалению их жилищ не только от Астрахани, но и от прежде бывшей при устье реки Терка Терской крепости, а пред основанием и сей крепости от поселений гребенских казаков, хотя и выше той крепости положение имеющих, однако же еще удаленных же от кабардинских жилищ, назначивать границы кабардинцам. Известно только, что они в древние времена жили при Бештовых горах, лежащих ближе к кубанским местам, нежели нынешние их жилища. Почему в старинных здешних делах и пятигорскими черкесами, по тем же Бештовым горам, которых название значит — пять гор, — назывались. А оттуда уже они перешли в уроцища Баксанское, Кашкаторское и Татартулское, которое последнее лежит при вершине реки Терка, и получили поселившиеся при первых двух название Большой, а при последнем Малой Кабарды, в чем им, как в тогдашнее время здешним подданным и запрещения не могло быть сделано.

Когда бы не подался случай к заведению пред несколькими годами с нашей стороны при уроцище Моздоке селения, то бы иные так же нужды не было бы вступить в разсмотрение о mejах кабардинских земель, толь напиче, что начиная, от реки Дона до реки Терка и с Портою Отоманскою никакой границы не положено. Да по тамошним весьма пространным и диким местам никакой стороне ни малой в том и нужды нет.

Но как однако же самые жилища кабардинские находятся между жилищ с одной стороны турецких подданных, а с другой здешних, то и землям их кабардинским не можно большего пространства причитать, как где они сходятся с землями и угодьями здешних и турецких подданных. По сему очень натурально между кабардинским местам в разсуждении здешних границ и почтена быть долженствует протекающая из гор в реку Терек речка Курпа, до которой в одну сторону не только кабардинские жилища, но ниже пашни доходят. А по другую сторону начинаются уже пашни и жилища наших подданных чеченцев и кумык; а ниже Курлы по течению реки Терка, которая впадает в Каспийское море, по обеим сей последней реки берегам, начинаются разные угодья наших же подданных гребенских казаков и жителей крепости Кизлярской, то есть: звериные ловли, рубка дров и скотопасные места.

Может быть кабардинцы представляли Порте о принадлежности к их землям уроцища Моздока; между другим и то, что им тамош-

князей. В 1767 г. некоторые князья Большой Кабарды, побуждаемые крымским ханом, вступили в открытый союз с закубанцами, бросили свои места и удалились к верховьям р. Кумы и частью на Кубань. Их примеру последовали и некоторые князья Малой Кабарды, которые также ушли в горы. Этот шаг причинил им громадный вред: соседние горцы напали на оставленные ими земли и сильно опустошили их.

ние наши жители тут лес на свои потребности получать и скот свой по временам пасти не запрещали, чем кабардинцы доказывали свое право на сие место не однажды и присланными сюда своими представлениями. Но сие их притяжение не больше основания имеет, как и выводимое из переходного пребывания подданного нашего калмыцкого народа, по зимам иногда и очень близко к кубанским местам приближающегося.

Селение при Моздоке заведенное столь далеко отстоит от натуральных границ кабардинского народа, что весьма удивительно их против того опротестование, после учиненных им в сем деле многократных изъяснений с обнадеживанием и о безопасности. А еще удивительнее будет, когда Порта, не будучи в том селении и никакой крепости заложено кроме форпоста, пришед уже от оного селения в беспокойство, требовать будет его уничтожения.

Вы уже и пред сим достаточными наставлениями снабдены, о том праве, какое с нашей стороны находится в продолжении при Моздоке селения; равно как и при сем случае основания оного вам припамятываются, для употребления при потребном времени и случае. Но если б паче чаяния Порта стала и затем сильно настоять об уничтожении оного, что однако же здесь не чаятельно по известной ее разборчивости, тогда когда она страстию разрыва с европейскими державами предobjата не бывает, в таком случае по здешнему разсуждению еще одно последнее средство к ее уложению находится.

Кубанские народы не только горские жители, но и самые татары известны как своевольными и как мало послушными находятся ханам крымским, особенно тогда, когда их разсер человек беспокойный и предприимчивой случается. Для Порты и хана крымского кажется великай в том польза быть имела б, если б кубанские народы особенно все без изъятия, в большем против настоящего повиновения находились. Сие намерение по здешнему разсуждению может одержано быть заложением выше их города Колыла близко кабардинских жилищ, однако же в местах принадлежащих Порте, крепости, с ее или хана крымского стороны, которая, приводя всех тамошних жителей в некоторое обуздание и предваряя их в здешнюю сторону набеги, не может однако же по непривычке татарской к крепостным работам и малому их в том сведению, столь быть важною, чтоб при случае с турками войны, великим препятствием была предприемлемым со здешней стороны военным действиям. А буде б заложилась и совершена была великай, то приобретением ее может быть совершенное и всей Кубани подвержение приобретено к удержанию и навсегда всего края сего в наше поддан-

Конфликт из-за Моздока явился прелюдией к давно назревавшему столкновению России с Турцией.

Характеризуя положение Османской империи в 1760 г., Ф. Энгельс писал, что в это время турки и их данники — крымские татары представляли собой лишь обломок прежнего величия, «наступательная сила турок была сломлена уже 100 лет тому назад, оборонительная же их сила, пока еще значительная, тоже стала убывать; лучшим признаком этой возрастающей слабости были волнения и бунты, начавшиеся среди покоренных христиан, славян, румын и греков, которые составляли большинство населения Балканского полуострова»¹.

Эти волнения и бунты охватили также и арабские страны (восстание Али-бея в Египте в 1769 г.), Армению и Западную Грузию. Еще в 1765 г. в Кабарду прибыл из Имеретии Шошта Мануков с просьбой о помощи против турок, которые двинули в Имеретию войска как сухим путем, так и морем, потому что имеретинцы отложились от турецкого султана и не желают больше платить ему подати.

Военно-феодальное турецкое государство, следуя своей традиционной политике, в войнах искало спасение от разраставшегося кризиса феодального общества. Это использовали европейские государства для вовлечения Турции в различные коалиции и военные союзы.

После Семилетней войны европейские державы не перестали втягивать Турцию в антирусский лагерь. Чем сильнее сказывалась в Османской империи экономическая разруха и возрастала освободительная борьба угнетенных народов, тем настойчивее становились прориски европейских дипломатов, не жалевших денег на

ство, как отделенного и морем от прочих турецких земель. Вы можете вследствие сего зделать Порте при случае примечаемой в ней горячности в разсуждении поселения при Моздоке, потребные внушения и стараться тем ее успокоить, давая ей знать так, как будет удобнее, что мы не иначе, но то довольно всем обстоятельств и содержания настоящего между обоими империями трактата разсуждению поступили на поселение при Моздоке и отнюдь не видим в том никакого трактату нарушения. И следовательно на уничтожение сего селения не можем поступить, имея к тому довольно право...» (АВПР, ф. Кабардинские дела, 1763—1777, д. 13, лл. 107—112).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соch., т. XVI, ч. 2, стр. 9.

подкуп высших сановников и влиятельных лиц и толкавших Турцию на военные авантюры. В этих условиях и было спровоцировано столкновение Турции с Россией, которая, в свою очередь, открыто стремилась расширить свои южные пределы вплоть до Черного моря.

Одним из поводов к столкновению с Россией служил для султанской Турции польский вопрос, в котором она шла в фарватере французской политики. Смерть польского короля Августа III послужила сигналом к борьбе держав, стремившихся возвести на польский престол своего кандидата. Поддерживая кандидатуру Станислава Понятовского, Россия ввела в Польшу свои войска, что и было использовано Турцией в качестве повода к конфликту. Крымский хан по приказу султана вторгся в пределы Украины и Польши, а созданный в 1768 г. великий султанский совет (Большой Диван) принял решение о войне против России, как нарушительницы прав Польши, которую Турция по собственной инициативе брала под опеку. Русский резидент при султанском дворе Обресков за отказ принять турецкий ультиматум был посажен в Семибашенный замок. Предложение Англии и Пруссии о посредничестве было отклонено. 25 октября 1768 г. Турция объявила России войну. В ноябре был издан манифест Екатерины II о войне с Турцией. Военные действия начались в 1769 г. сразу на трех фронтах: в Подолии, на Дону и на Кавказе. Русский флот был отправлен из Балтики в Средиземное море.

В этой войне русские войска, руководимые выдающимися полководцами П. А. Румянцевым и А. В. Суворовым, одержали ряд блестящих побед. Русский флот, действовавший в Средиземном море под командованием адмирала Г. А. Спиридова, в 1770 г. в сражениях в Хиосском проливе и в Чесменской бухте разгромил морские силы турок и, кроме того, оказал помощь восставшим против турок грекам, а также арабам Сирии и Египта. Австрию сильно тревожили успехи русских войск, и ее отношение к России становилось все более враждебным. В 1771 г. она заключила с Турцией конвенцию о некоторых территориальных приобретениях за счет Валахии с обязательством содействовать миру и отказу России от требования независимости дунайских княжеств и Крыма. В том же году русское командование в Крыму признало крымским ханом Щагин-Ги-

рея, принявшего покровительство России. Восстания в Египте и Сирии, равно как и успехи русских войск, перешедших Дунай, ясно показывали, что война складывалась не в пользу Турции.

Следует отметить, что, понадеявшись на помощь со стороны Франции, Швеции и Пруссии, Турция начала войну, будучи очень плохо подготовленной. Султанское правительство мобилизовало более 100 тыс. человек, но войска были плохо обучены и терпели большую нужду в боеприпасах и продовольствии; дисциплина была крайне слабой. Турское высшее командование в этой войне отличалось исключительной отсталостью, кроме того, главнокомандующие беспрерывно сменялись. Отдельные боевые успехи турецких войск не могли спасти Турцию от поражения.

Русские войска, действовавшие на Дону, очень быстро овладели Азовом и Таганрогом, что дало возможность России восстановить свой флот, который принял участие в этой войне и положил начало русскому Чёрноморскому флоту. Екатерина II писала Вольтеру: «Эти два драгоценные камня (Азов и Таганрог.—Н. С.) получили оправу, которая, может быть Мустафе (турецкому султану.—Н. С.) не понравится».

В это же время в Кабарде и на Кубани действовал отряд генерала Медема, а в Грузию, на случай турецкого вторжения, был отправлен другой отряд под командой генерала Тотлебена. В 1770 г. он овладел городом Кутаиси, и турки были изгнаны из Имеретии (кроме города Поти).

Русское командование с самого начала войны придавало первостепенное значение обороне Кабарды от турецких войск. Это было тем более необходимо, что турецкий султан Мустафа 18 октября 1768 г. обратился к кабардинским князьям (по-турецки — бекам) Джанбулат-беку, Касай-беку, Хазма-беку, Джанхот-беку, Ми-сост-беку и другим с предписанием, чтобы все мусульманские народы Кавказа были послушны крымскому хану, как его подданные, и вместе с ногайцами Косая Казбулата, черкесскими деревнями и с кубанским войском были «усердны ныне против нарушителей вечного мирного трактата» — московских кяфиров¹.

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1768—1776, д. 19, л. 210.

О проськах в Кабарде крымского хана можно судить по сведениям, которые собрал в Кабарде и сообщил коменданту Кизляра генералу Потапову 17 января 1769 г. ротмистр Киреев. Он донес, что 28 декабря 1768 г. в Кабарду из Крыма прибыл адъютант хана Магомет-ага с подарками и письмами, в числе которых были письма от турецкого султана Мустафы, его верховного визиря и от нового крымского хана Крым-Гирея. Во всех письмах содержалось предложение кабардинским князьям перейти под покровительство турецкого султана и в подданство хану крымскому; при этом им предлагалось разместиться на тех местах, на которых они сами захотят. Для учинения присяги кабардинские князья должны были отправить в Бахчисарай своих послов. Крымский хан в своем письме сообщал, что он уже отправился с войсками на войну с Россией и намерен быть в городе Каушанах, а на Кубань отправил сераскиром Кази-Гирея султана с повелением, чтобы он весной 1769 г., собрав кубанское войско, вторгся в российские пределы и разорил казачьи городки и селения по реке Тerekу. Хан призывал кабардинцев оказать помощь сераскиру. На словах ханский посланец объявил кабардинцам, чтобы они старались при переговорах с русскими оттянуть время до весны, пока не подойдут ногайцы и джамбулуки. Однако кабардинцы никакого ответа не дали. Адъютант крымского хана послал от себя с такими же письмами трухменца Сююргапа в Малую Кабарду, в Чечню, в Брагунское, Аксайское, Андреевское селения, расположенные до границ Персии. В этих письмах был призыв ко всем мусульманам, желающим служить турецкому султану, готовиться к войне и весной напасть на российские пределы и их разорить. Этот же адъютант потребовал аманатов от темиргойцев, бесленеевцев, бежедухов и абадзехов и, кроме того, по приказу хана с каждой деревни по 40 человек; однако из этого ничего не вышло, хотя некоторые старшины и высказывали желание присягнуть хану и помочь ему против России¹.

С самого начала войны большинство кабардинских князей стояли гораздо ближе к России, чем к Крыму или Турции. Уже в первый год войны стало известно, что почти все наиболее знатные князья Кабарды, как-

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1762—1774, д. 9, лл. 13—24.

то: Джанхот Татарханов, Касай Атажукин, Джанхот Сидаков, Кази Кансинов, Карамурзины и др. с сыновьями, равно как и уздени Куденетовы и Танбиевы со всем народом подтвердили свое подданство России и переселились на Баксан. Лишь некоторые князья и среди них Мисост Баматов, Хамурза Росланбеков, Ельбуздуко Канаматов, Джанбулат Кайтукин с детьми и др., в общей сложности до 200 человек, уклонились от подданства России и отошли к верховьям р. Кумы, в уроцище Ешкокон, хотя их люди пошли на р. Баксан. Только под нажимом вооруженной силы они согласились перейти в российское подданство. При этом Джанхот Татарханов, как старший кабардинский князь, посоветовал взять у них аманатов, заявив, что взятием аманатов, конечно, они в верности подкрепятся¹.

Что касается кабардинского народа, то он решительно стоял за сближение с Россией. Об этом свидетельствует секретное донесение генерала Потапова от 8 апреля 1769 г., основанное на письмах кабардинского владельца Коргоки Татарханова: «А народ явно говорит, если Кабарда отдастся под власть крымскую, они все напротив того передадутца к России». Астраханский генерал-губернатор Бекетов доносил 14 мая 1769 г., что кабардинцы преданы России больше, чем Крыму, куда направили своих нарочных с предложениями, которые хан не сможет принять. Тут же он добавлял: «Черный народ о подданстве Крыму и слышать не хочет!» В это время были приняты в подданство России башилбайцы и поселены по рекам Чегем, Черек и Урух. Также были приняты в подданство и абазинцы.

Кабардинцы не раз на деле показали свою приверженность к России. В 1768 г. они отогнали кубанского Сокур Арслан-бека, который с отрядом в 4 тыс. человек пытался прорваться к Моздоку и Кизляру, а в 1769 г. поддержали калмыков, разгромивших закубанцев.

Однако, не считаясь с этими фактами, некоторые представители царской администрации на Северном Кавказе неправильно относились к кабардинцам, рассматривая их как подозрительных и ненадежных союз-

¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 290—291.

ников. Не учитывая всей сложности обстановки в Кабарде, они своими мероприятиями нередко восстанавливали кабардинских князей и народ против России.

В этом отношении большой интерес представляет указ коллегии иностранных дел от 11 марта 1769 г., содержащий выговор коменданту Кизляра генералу Потапову за его неуместные действия в Кабарде. Из текста этого документа легко можно составить представление о господствовавшем в правящих кругах царской России взгляде на Кабарду в годы русско-турецкой войны¹.

¹ «Указ к кизлярскому коменданту генералу-майору Потапову. По получении здесь от астраханского губернатора при его представлении от 15 февраля письма от кабардинских владельцев к нему писанного, которым они требуют, чтобы селение при Моздоке было уничтожено и бегающие от них рабы им возвращаемы, но которого однако же прямое существо главнейше состоит в жалобе на вас, что вы у них пред недавним временем захватили 24 000 баранов, почтено за нужно дать вам знать, что такой ваш поступок производит и удивление и неудовольствие.

Едва только признаки войны оказываться стали, то вам указом из Коллегии иностранных дел от 26 октября прошлого года изъяснено было, что если кабардицы пристанут к противной стороне, подвержен будет опасности порученной вам край. Когда же война уже точно решилась, то другим указом от 16 ноября предписано вам употребить и старание отторгнуть горских жителей за рекою Кубанью живущих, для ослабления неприятельских сил, ог сообщества с кубанскими татарами и преклонить их в здешнее подданство, представляя им разные выгодности, никаких они, будучи в подчинении ханов крымских, никогда иметь не могут.

Захвачение кабардинских баранов за пропавших между тем в степных дорогах нескольких здешних людей, в самом деле произошло до получения вами указов из оной Коллегии от 15 января и от 13 февраля сего года, из которых первым неудовольствие кабардинских владельцев в рассуждение их холопей отвращено, а другим подтверждено то же самое со изъяснением, какая здесь нужда признается в их при настоящих обстоятельствах доброжелательстве. Но когда ищется поколебать в верности к Порте и те горские народы, которые поныне в ее подданстве щитались, то не странно ли долженствует казаться, что вы напротив того такого народа, которой издревле держался Всероссийской империи, которой, несмотря на бывшей с Портою Оттоманскою последний трактат, однакоже из здешнего подданства себя не исключал, хотя и свободным был оставлен, и которой теперь когда война настоит, заботится удостоверить, что и еще доброжелателен, изыскивая к тому способы, то чрез наместника ханства калмыцкого, то чрез губернатора астраханского, привели строгим вашим поступком в отчаяние.

Вы, давно в Кизляре находяся, отправлением порученных вам дел доказали, что вам известно, когда строгость, когда послабление

Не сумел найти общий язык с кабардинскими князьями и командующий русскими войсками на Кавказе генерал Медем. До конца своего управления Кабардой, в которое он вступил с начала русско-турецкой войны, Медем подозревал кабардинских князей в измене России и сочувственном отношении к Турции.

В июне 1769 г. генералу Медему был направлен указ, в котором высказывалось удивление, что генерал Потапов, вместо того чтобы производить поиски против закубанцев и других турецких ставленников, «единственно занят мыслями о кабардинцах». Медему предписывалось, оставив кабардинцев в покое и удовольствовавшись хотя бы внешним спокойствием кабардинских владельцев, обратить все внимание на турецких подданных, оставляя на будущее время «с кабардинцами управиться, еслиб они между тем явными противниками оказались»¹.

нужны; одним словом, вы знаете уже, что надобно иногда и обстоятельствами и расположениями мыслей пользоваться. А кабардинский народ есть наилучшей зделать пример всем на Кубанском краю живущим народам.

При таком состоянии дел совсем и не видно, да и знать здесь не желается тех побудительных причин, для которых вы теперь, когда война настала и когда кабардинцы почитаются небезнужными, вздумали с ними строгие и от здешней стороны отвращающие меры употребить.

Предъявляемое с стороны кабардинских владельцев неудовольствие о заведении Моздока, есть обстоятельство, которое они, как и выше примечено, для того только кажется повторяют, чтобы с здешнею стороною рядиться, и выторговать условия уже о их холопях и без того решенное. Между тем потеряние 24 000 баранов, конечно, для них несносно; и потому они как наискорее в том удовольствованы быть должны, в предупреждение общего во всем народе разврата. Ибо хотя б при всех оказываемых кабардинцам снисхождениях, не предупрелось однако же всех владельцев преклонить на здешнюю сторону, но в том и нужды нет. Довольно будет, ежели некоторые при первом случае предъявят к тому склонность, которых примеру потом и другие последовать могут; тем больше, что весь подлой народ, как известно, весьма неохотно видит, что теперь их владельцы мянутся. А когда вы верных прямо к здешней стороне из владельцев возможете от противных отдельить, тогда с сими последними и по неприятельски поступить иначе уже не воспрепятствует... Дан в Санкт-Петербурге 11 марта 1769 года. Подлинной подписан по сему: Гр[аф] Н. Панин, К[нязь] А. Голицын». («Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 287—289).

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1763—1777, д. 13, лл. 161—163.

Недоверию царских генералов к кабардинцам, видимо, способствовала агитация, проводимая турками на Северном Кавказе, в частности специальные указы турецкого султана, в которых султан обращался к кабардинцам, как к своим подданным. Приводим полный текст одного из таких указов, переданного в 1769 г. русским властям кабардинским князем Касаем.

«Перевод с турецкого указа, отправленного из турецкого лагеря, находящегося между Прутом и Бендерскою степью, к кабардинским владельцам, в первых числах луны Ребиул-Еввеля 1183 года, т. е. в 22 день июня сего 1769 года. Между подобными и равными в достоинстве славнейшие кабардинского народа старшины: Джамбулат-бек, Касай-бек, Хамза-бек, Газы-бек, Ханхуд-бек, Мисус-бек и все прочие военнослужащие люди, ваша сила да умножится!

По получении сего высочайшего знака известно вам буди, что вы кабардинского народа избранные князья, и все военнослужащие люди и обыватели издревле в магометанском законе будучи, крымским ханам принадлежащими, покорными, послушными и во всяких делах и похвальных поступках пребывали, а с некоторого времени по притчине перемены климата и по востребованию надобности на Баксане имянуемом урочище, вы жительство свое имея, не в давнем времени из помянутого места переселились на урочище для житья Куму, однако, с тем, чтоб быть в послушании моей высокой империи, о чём прежний крымский хан Крым-Гирей в некоторое время нашему императорскому величеству доносил. А к показанию вашей похвальной службы удобовозможное старание употребите; от противного же тому крайне осторегайтесь и удаляйтесь.

Как скоро сей высочайший наш указ получите, то во всем, что в оном изображено, должны повиноваться и исполнение чинить. А от противности тому крайнюю имейте предосторожность. Тако ведайте и сему высочайшему моему знаку веру подавайте. Писано в месяце Ребиул-Еввеля первых числах 1183 года (июня 22 дня 1769 г.) между Прутом и Бендерскою степью».

Вслед за этим текстом идет такая помета:

«В начале оного указа по средине сделан чернильной узор, в котором значит тако: Султан Мустафа, сын

султана Мехмеда — всегдаший победитель. Переводил переводчик Василий Рубанов»¹.

Любопытно, что русское правительство не сочло передачу ему этого документа такой уж большой заслугой кабардинского князя Касая. В Петербурге, видимо, хорошо знали настроение кабардинского народа. В рескрипте Екатерины II на имя генерала Медема от 3 ноября 1769 г. указывалось, что кабардинский народ «в котором много еще есть не приставших к закону магометанскому, ничего больше не боится как крымского подчинения», и что одни только кабардинские беки или владельцы, действительная польза и безопасность которых заключается в союзе с Россией, «в намерениях своих удобоколебаемы», почему «множайшие из них однажде влекутся потоком магометанства усердствовать Порте Оттоманской и татарам».

Поэтому хотя рескрипт и одобрял выдачу генералом Медемом владельцу Касаю вознаграждения в размере 200 рублей «за скрытие от кабардинского народа призыва Порты Оттоманской грамоты, к общему с татарами в настоящей войне содействию», но вместе с тем в нем говорилось, что если бы призыв Оттоманской Порты и сделался известным кабардинскому народу, то последний «тем одним не развратился бы, и что скрытие оного есть больше и Касаева пронырства следствие, чтоб составить перед нами заслугу». Русское правительство резонно указывало, что готовность Касая содействовать склонению в русское подданство кубанского народа должна свидетельствовать не столько об «усердии» Касая в отношении России, сколько об его доброжелательстве «к тем народам, будучи ему без сумнения известно, что они ныне через то только останутся с покоем». Далее в рескрипте одобрялись принятые генералом Медемом меры поощрения в отношении некоторых кабардинских и кумыкских владельцев за их службу России, в частности, определение кабардинским владельцам братьям Джанхоту и Коргоке Татархановым жалования по 150 руб. и произведение последнего в капитаны, за то, что они «много способствовали в преклонении к нашей стороне кабардинцев, а последний показывал удобные к неприятелю дороги». Раньше, говорилось в рескрипте,

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1763—1769, д. 9, лл. 6—7.

правительство воздерживалось от определения жалования владельцам, за исключением тех, которые твердо решили остаться на русской стороне, «ныне же по учинению кабардинцами формальной присяги на подданство в самом деле настала нужда возбуждать и во всех в них ревнование и прислужность». Этим же рескриптом одобрялось представление генерала Медема «о показании некоторой отличности» участвовавшим в походе двум кумыкским владельцам — костиковскому и брагунскому, а также одному чеченскому¹.

Для наблюдения за кабардинскими князьями в Кабарду был назначен в качестве пристава секунд-майор Дмитрий Тоганов, родственник ногайских мурз, которому одновременно поручалось установить связи и с закубанцами. Ему было предписано летом жить в Кабарде, а на зиму переходить в Моздок, откуда поддерживать постоянную связь с Кабардой. Этим самым в 1769 г. было положено начало введению в Кабарде русской военной администрации.

В этом же году кабардинские князья, объявившие себя приверженцами России, отправили в Петербург своих представителей, по одному от каждой партии (баксанской и кашкатауской). Они вновь просили уничтожить Моздок, возвратить бежавших на русскую сторону холопов, а также не препятствовать свободно владеть принадлежащими им землями.

Вопрос о Моздоке принял для кабардинских князей особую остроту потому, что в Моздок бежали угнетаемые ими крепостные крестьяне и рабы, а во-вторых, потому, что там находили приют данники кабардинских князей, осетины и ингуши. Их отказ выплачивать дань кабардинским князьям наносил большой ущерб экономическим интересам последних. Русское правительство отказалось удовлетворить просьбу кабардинцев относительно Моздока, но пообещало вернуть беглых холопов за исключением христиан. В ответе русского правительства кабардинским князьям подчеркивалась необходимость поддерживать дружеские отношения Кабарды с Россией и укреплять верность и постоянство кабардинцев в выполнении ими обязательств по службе.

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1763—1777, д. 13, лл. 191—206.

Бегство кабардинских крестьян и рабов в Моздок было не единственной формой выражения их протesta против феодального гнета. Иногда кабардинское население обращалось к русским властям в поисках защиты от произвола и угнетения со стороны своих князей и не переходя на русскую территорию. Так было, например, в 1767 г., когда некоторые кабардинские князья собирались переселиться со своими чагарами (зависимыми людьми) на р. Куму.

Чагары решительно отказались покинуть родные места. Вместе с тем они заявили, что не желают креститься и переходить на жительство в русские города Кизляр и Моздок. В количестве 10 тыс. человек они собрались между реками Малкой и Тереком, против урочища Бештамак (где впоследствии была основана крепость Екатериноградская). Узнав, что князья собирают вооруженные отряды, чтобы силой принудить их к переселению, чагары обратились к русским властям, которые поддержали их. Чагарам было заявлено, чтобы они не отдавались в руки своих владельцев и не покидали своей земли; в случае нападения на них феодалов, им была обещана защита.

Встретив такое решительное противодействие, князья были вынуждены отказаться от переселения, хотя некоторые из них все же на время удалились на Куму¹.

В 1771 г. в Кабарду была направлена грамота Екатерины II. Эта грамота, разрешавшая кабардинским владельцам возвращать беглых крестьян, но отказывавшая им в сритеи Моздока², была встречена в Кабарде очень сдержанно; к обещаниям Екатерины II там отнеслись с недоверием.

Это недоверие разжигалось турецкими и крымскими агентами, наводнившими Кабарду. Попадавшие к русским войскам эти агенты показывали, что Турция и Крым не могут примириться с мыслью, что Кабарда навсегда ускользает от них.

Отсутствие единомыслия среди кабардинских князей в вопросе о подданстве России подтвердилось во время пребывания кабардинской делегации в Петербурге. Один из делегатов, Коргока Татарханов, в поданной им

¹ См. «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 269—271.

² См. там же, стр. 299—303.

секретной записке указывал, что старшим представителям баксанской партии, особенно князьям из рода Мисоста Баматова и Касая Атажукина, а также Хамурзы Арсланбеку из жамбулатовой партии, полностью доверять нельзя. Он утверждал, что эти князья подкуплены турками и находятся в тесном согласии с кубанцами; что ими уже давно отправлен в Турцию князь Темрюк, родной брат Мисоста Баматова с обязательством никогда не вступать в подданство России. Коргока Татарханов считал, что до тех пор, пока названные князья не будут удалены из Кабарды, они всегда будут возмущать кабардинцев. Он предлагал по меньшей мере взять у Мисоста Баматова, как наиболее авторитетного из этих князей, в аманаты сына с двумя уздечками знатнейших родов или же задержать в Астрахани присланного туда от него Джанхота Сидякова¹.

В связи с тем, что часть кабардинских князей продолжала по-прежнему добиваться независимости Кабарды, генералу Медему в 1771 г. была послана инструкция, в которой предписывалось действовать осторожно, но в то же время твердо и в интересах России стараться поддерживать существование в Кабарде двух равносильных партий.

В 1771 г. решилась судьба Крыма. Войска генерала В. М. Долгорукова еще в июне овладели Перекопским валом и затем вступили в Евпаторию и в Кафу (Феодосию). В то же время войска генерала Щербатова, переправясь через Генический пролив, овладели Арабатом, Керчью и затем на Тамани — Темрюком и другими укрепленными пунктами. Азовская флотилия адмирала Сенявина получила возможность выйти в Черное море.

Крымский хан Селим-Гирей бежал в Турцию. Под давлением России новым ханом в Крыму был избран Сахиб-Гирей, с которым Россия 1 ноября 1772 г. заключила в г. Карасу договор о вечном союзе и дружбе. В силу этого договора «независимая татарская область» становилась под покровительство России, которая брала на себя обязательство «защищать вольность и независимость татарских областей». Для этого согласно статье 7 договора «Россия получает крепости Еникале и Керчь с

¹ См. П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. I, стр. 312—313.

гаваниями и с околичной землею, чтобы в тех крепостях запасное войско и суда находиться могли для стражи и отвращения всяких противных на Крымский полуостров покушений»¹.

Положение Кабарды и сопредельных с нею народов Северного Кавказа определялось статьей 3 договора, которая гласила: «До войны настоящей бывшие под властью крымского хана все татарские и черкесские народы, томанцы и некрасовцы по-прежнему имеют быть во власти хана крымского. Большая же и Малая Кабарды состоят в подданстве Российской империи».

В Турции этот договор был встречен враждебно; турки заявили об отказе признать его. Как только в силу договора русские войска покинули Тамань, туда немедленно были введены турецкие войска, намеревавшиеся приступить к завоеванию Северного Кавказа. К кумыкским и кабардинским князьям были направлены турецкие агенты с деньгами и письмами султана. Султан предлагал князьям заключить военный союз с вновь объявленным им в качестве крымского хана Девлет-Гиреем, который уже был ханом в начале войны и отличился своим враждебным отношением к России. Турки распустили на Кавказе слух о якобы имевшем место разгроме русских войск на Дунае и о том, что Россия просит мира.

15 декабря 1773 г. командующий войсками на Кавказе генерал Медем доносил, что им получены сведения о прибытии в Суджук-кале (Новороссийск) и другие черноморские порты турецких войск, количеством до 24 тыс. человек (в действительности их было не более 8 тыс.), которые соединились в Тамани с войсками Девлет-Гирея и готовились к вторжению в Кабарду. Одновременно стало известно, что аварский хан, набрав до 30 тыс. человек, намерен вторгнуться в Грузию и далее пойти в Ахалцих для поддержки турецких войск на случай появления там русских отрядов.

Чтобы разведать о положении в Кабарде, генерал Медем отправил за реку Малку отряд с 4 орудиями, который во владении князя Атажуко Хамурзина захватил турецкого агента Ширин-кая с тремя помощниками и самого этого князя. На обратном пути в Моздок этот

¹ В. А. Уляницкий, Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. См. Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел, вып. 3-й и 4-й, М. 1883, стр. CLXII.

отряд подвергся нападениям со стороны кабардинцев, пытавшихся отбить захваченных лиц.

В рапорте от 11 июня 1774 г. генерал Медем сообщал, что турецко-крымские войска, предводительствуемые Девлет-Гиреем, прибыли на реку Малку, где к ним присоединились абазинцы, бесленеевцы, темиргойцы и кубанские татары. Вначале они пытались угрожать Моздоку, но были отбиты, не причинив крепости никакого вреда.

Кабардинские князья Джанхот Татарханов и Девлет Касаев просили русских защитить кабардинский народ от вторжения турецких и крымских войск. Генерал Медем направил в Кабарду отряд численностью в 1356 человек, но, узнав, что большинство кабардинских князей вошло в соглашение с крымским ханом, вернул отряд в Моздок. В это время крымский калга (наследник), минув с войском Моздок, напал на казачью станицу Наур, но был отбит, потеряв до 800 человек. В числе убитых с нападавшей стороны оказался кабардинский князь Коргока Татарханов, ездивший делегатом в Петербург и доставивший в 1771 г. грамоту Екатерины II кабардинскому народу¹. Одновременно с этим кумыки и другие горцы Северо-Восточного Кавказа совместно с некоторыми кабардинскими князьями угрожали другой крепости — Кизляру.

Решительные столкновения русских войск с турецко-крымскими войсками Девлет-Гирея произошли 3 июня 1774 г. при урочище Бештамак и 29 августа того же года в Баксанском ущелье на р. Гунделен. В результате Девлет-Гирей был разгромлен и изгнан из Кабарды.

Блестящие победы А. В. Суворова на Дунае очистили путь русским войскам к турецкой главной ставке в Шумле и на Балканы. 10 июля 1774 г. Турция была вынуждена спешно заключить Кючук-Кайнарджийский мирный договор, положивший основание новому устройству Крыма и Северного Кавказа.

На основании этого договора все татарские народы: крымские, буджакские, кубанские, едисейцы, жамбуйлуки и едичкулы становились вольными, т. е. независимыми от Турции. Они должны были находиться под вла-

¹ См. П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. 2, СПБ 1869, стр. 494—496.

стью собственного их хана чингисского поколения, избранного всем татарским обществом. Ни Турция, ни Россия не должны были вмешиваться в избрание хана.

Россия обязалась вернуть татарам все города, крепости, селения, земли и пристани в Крыму и на Кубани. Но город Керчь и крепость Еникале переходили к России, что обеспечивало ей свободный выход из Азовского моря. Граница России на востоке передвигалась на берег р. Кубани. Азов с уездом признавался передвешшим к России на вечные времена, и Россия получала право укреплять его. Статья 21 договора касалась Кабарды: «Обе Кабарды, — говорилось в этой статье, — то есть Большая и Малая, по соседству с татарами, большую связь имеют с ханами крымскими; для чего принадлежность их императорскому российскому двору должна предоставлена быть на волю хана крымского, с советом его и с старшинами татарскими». При этом, очевидно, имелось в виду, что по договору России с крымским ханом от 1 ноября 1772 г. Большая и Малая Кабарда были окончательно признаны состоящими в подданстве России; следовательно, при такой формулировке этот вопрос считался решенным в духе, не допускающем вмешательства султанской Турции.

Наконец, был решен и вопрос о русских завоеваниях в Грузии. По статье 23, завоеванные русскими войсками грузинские и мегрельские крепости должны быть отданы тому, кому они издревле принадлежали. Если они с давних времен были под властью Турции, то ей и должны принадлежать. Но Турция была обязана дать амнистию всем боровшимся против нее в этой войне, а также отказаться от требования дани мальчиками и девочками и от «всякого рода других податей»; никого из жителей этих мест не считать своими подданными, кроме тех, кто «издревле ей принадлежал». Турция не должна была притеснять веру и препятствовать восстановлению старых и строительству новых монастырей и церквей.

Не трудно видеть условный характер этой статьи, отмеченный еще русским послом в Турции Обресковым: Турция должна была обосновать свое «право» на владение крепостями и землями, издревле принадлежавшими грузинскому народу.

Кючук-Кайнарджийский договор, открывавший Россию путь к Черному морю и предопределивший присоеди-

нение к ней не только Крыма, но и дальнейшем и Кавказа, был очень выгоден для России. Однако Турция и стоявшие за ее спиной Англия и Франция использовали некоторые его не совсем ясные положения для пересмотра вопроса о Крыме и Кавказе (требование о возвращении Тамани).

Как уже говорилось, Турция решительно отказалась признать русско-крымский договор 1772 г., согласно которому Крым признал Кабарду принадлежащей России. Вот почему, в то время как Россия толковала статью 21 Кючук-Кайнарджийского договора как закрепляющую Кабарду за Россией, Турция, наоборот, считала кабардинский вопрос еще не решенным. Вместе с тем она спешила прочно закрепиться не только на черноморском побережье Кавказа, где построила новые крепости, но и во всем Закубанском крае, не считаясь с нарушением договора, объявившего этот край вместе с Таманью и Крымом независимым.

Русское правительство, по-видимому, не опасалось появления новых турецких крепостей на черноморском побережье. Когда во время мирных переговоров турецкий реис-эфенди настаивал на сохранении в руках Турции крепости Еникале и Тамани, называя эти пункты «глазами безопасности» Турции, то русский уполномоченный Обресков ответил на это: «Ваше превосходительство глазами блистательной Порты называете Еникале и Тамань, с оных Россия берет один для себя, другой отдает татарам, а блистательной Порте позволяет построить для себя третий глаз, посредством которого могла бы она видеть проход в Черное море российских судов»¹.

¹ В. А. Ульянский, Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. См. Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел, вып. 3-й и 4-й, стр. CCXXIX.

ГЛАВА V

ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира Турция продолжала занимать угрожающую позицию в отношении Кабарды. Турецкие агенты вели среди кабардинского народа усиленную агитацию против России и распространяли слухи о якобы ожидаемой новой русско-турецкой войне.

Русское правительство было вынуждено приступить к осуществлению на Северном Кавказе ряда мероприятий оборонительного характера, в частности реорганизовать и усилить оборонительную линию по Тереку.

Основание этой линии было положено еще в 1711 г. Апраксиным во время его похода на Кубань, когда он принял меры к укреплению станиц гребенских казаков вдоль Терека. В 1722 г. была заложена крепость св. Креста; в 1735 г. появилась крепость Кизляр, превращенная в первый русский военно-административный центр; наконец, в 1763 г. основывается крепость Моздок. Геперь было приступлено к продолжению оборонительной линии, вплоть до реки Дона. На этой линии, получившей название Кавказской, началось строительство новых крепостей: Екатериноградской (на р. Малке), Павловской (на р. Куре), Марьинской (на р. Золке), Георгиевской (на р. Подкумке) и Александровской (на р. Томузловке).

В различных пунктах Кабарды были поставлены русские гарнизоны. Начальники этих гарнизонов одновре-

менно выполняли функции гражданской администрации. При этом они нередко допускали грубый произвол в отношении местного населения, что еще более осложняло и без того тяжелую обстановку, сложившуюся в Кабарде, и облегчало агитацию враждебных России сил. Исследователь В. Н. Кудашев пишет, что именно в действиях местных русских властей, которые не считались с освященными веками обычаями и образом жизни кабардинцев, «нужно искать главную причину тех обострений, которые наступили вскоре после окончательного присоединения Кабарды к России, обострений, повлекших к ряду кровавых столкновений между кабардинцами и русскими, одинаково вредных и тяжелых для той и другой стороны»¹.

События, развернувшиеся на Кавказе после 1774 г., показывают, насколько велики были силы, противодействовавшие политике России. Фактически оставшийся без территории, турецкий ставленник на ханский престол Девлет-Гирей, обосновавшийся еще в 1773 г. в Тамани, усиленно стремился с помощью турок создать на Северном Кавказе новое владение, которое наряду с Закубанской областью включало бы черкесские и кабардинские земли. На него же Турция возлагала задачу ликвидировать независимость Крыма и вернуть его под власть турецкого султана. Ввиду всего этого она медлила с выводом своих войск из Тамани. Это вынудило главнокомандующего русскими войсками фельдмаршала Румянцева-Задунайского пододвинуть войска с берегов реки Еи и из Полтавы к земле ногайцев и в самый Крым.

В Крыму был провозглашен ханом один из преданных России потомков крымских ханов — Шагин-Гирей, избранный перед этим при содействии России ханом ногайскими ордами (Эдисанской, Эдичкульской и Джамбулукской).

Начатое Шагин-Гиреем энергичное преследование его противников и попытка завести регулярные войска в Крыму вызвали под влиянием турецкой пропаганды народное недовольство. В Крыму вспыхнул бунт против хана и русских войск. Турция сконцентрировала на Черном море флот и десантные войска с намерением выса-

¹ В. Н. Кудашев, Исторические сведения о кабардинском народе, стр. 68.

дить их в Крыму. Однако восстание было усмилено, а турки так и остались в Феодосии (Кафе), не рискуя вступить в борьбу с русскими войсками. Вскоре турецкие войска были вынуждены покинуть Кафу и Тамань, а вслед за ними уехал в Турцию и Девлет-Гирей (1777 г.).

В это же время военные события разыгрались в Дагестане, где войска генерала Медема нанесли в 1775 г. чувствительный урон владельцу уцмию Амиру Гамзе Койтагскому и вторглись во владения тарковского шамхала. Увлекшись преследованием, русский отряд дошел до Дербента, но здесь был окружён и очутился в крайне затруднительном положении. Потребовалось выслать из Астрахани подкрепление с артиллерией и трехмесячным провиантом и фуражом. Прочитав донесение об окружении русских войск, посланных генералом Медемом под Дербент, императрица Екатерина II пометила на полях документа: «черт велел к Дербенту идти» и несколько ниже приписала: «Советую возвратить: его превосходительства кратчайшее дурачество из дурачеств есть лучшее»¹.

Хотя русское правительство вначале и объявило, что, несмотря на присоединение Кабарды к России кабардинцам даруются прежние их вольности и самостоятельное общественное управление, основанное на древних обычаях, но все же от Большой Кабарды по-прежнему были взяты аманаты.

Еще в сентябре 1776 г. Девлет-Гирей приспал своего дефтердара Касполата-агу в Кабарду и к русскому командующему на Кавказе генералу Медему с заявлением о принадлежности кабардинцев Крыму и требованием освободить кабардинских аманатов. С просьбой об освобождении аманатов прибыл к Медему и представитель из Большой Кабарды, которому русский командующий ответил, что кабардинцы почитаются в подданстве российском и что он их аманатов без особого повеления отпустить не может. Представитель кабардинцев был отправлен в Азов в главную квартиру командующего.

Узнав об этих происках, исходивших от Турции, Екатерина II предложила составить от имени Медема обращение ко всем кабардинским князьям и отправить его

¹ Сборник Русского Исторического Общества (в дальнейшем: Сборник РИО), т. 27, СПБ 1880, стр. 60.

во многих списках в Кабарду для объявления князьям и народу. В этой пространной декларации говорилось, что сами кабардинцы от самой древности, по крайней мере со времени царя Ивана Васильевича, считали себя подданными российскому престолу. Обыкновение брать у них аманатов идет издавна; оно не прекращалось и после Белградского мирного договора 1739 г., объявившего кабардинцев вольным народом. Последняя война отменила договор 1739 г., и кабардинцы вновь присягнули в российское подданство, что было признано Крымом по договору от 1772 г. Поэтому Порте в Кючук-Кайнарджийском договоре 1774 г. не оставалось ничего иного, как записать, что принадлежность Кабарды российскому двору предоставляется на волю крымского хана, с которым уже дело о Кабардах пред тем было решено.

В этой декларации говорилось также, что Девлет-Гирей захватил ханскую власть насильственным путем: он избран лишь некоторыми крымскими мурзами, а все прочие татары, особенно ногайцы, о том не знали и в выборе его не участвовали. Следовательно, он не вправе вмешиваться в кабардинские дела. Заключение этого объявления содержало увещание и предостережение кабардинцам, чтобы они от искушений Девлет-Гирея и его сообщников себя охраняли и содержали себя в верности императрице. В противном случае их может постигнуть казнь и месть, от чего они никуда не уйдут¹.

Успех русских войск в Крыму заставил кабардинских князей быть крайне осторожными. Это позволило Медему в 1776 г. привести князей Большой и Малой Кабарды к присяге и взять аманатов из дома одного из сильнейших князей Большой Кабарды — Мисоста Баматова из рода Атажукиных.

В сентябре 1777 г. русскому командованию на Кавказе² стало известно, что Турция, не желая уступать России ни Крыма, ни Кабарды, начала подготовку к новой войне. Для этого она стала приводить в оборонительное состояние свои крепости на Днепре, Дунае и на Черном море. Еще в августе ею был послан на Кубань

¹ См. П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. 2, стр. 41—42.

² 21 мая 1777 г. Медем сдал командование войсками астраханскому губернатору генерал-майору Якоби.

скую сторону, в Суджук-кале (Новороссийск) фрегат с военными припасами, да в Бендерах, Очаков и Аккерман по две «чайки», на которых находилось по 500 человек из константинопольских янычар для каждой крепости. Центром турецких приготовлений был избран Суджук-кале.

Турки стремились поднять против России ногайцев, кумыков, кабардинцев и черкесов. Был пущен слух, что в Анатолии один из крупнейших феодалов, Али-паша, собрал чуть ли не 80 тыс. человек для войны против России.

Командующий Кубанским корпусом русских войск и войсками в Крыму А. В. Суворов занял весь правый берег реки Кубани и создал в 1777—1778 гг. новые крепости: Александровскую, Марьинскую, Копыл, Новотроицкую. 28 января 1778 г. Суворов доносил главнокомандующему фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому, что, по сведениям, собранным им от горцев, они могут выставить до 20 тыс. человек, из коих 15 тыс. вооруженных ружьями, саблями и луками. Патронов у них немного, за горсть пороха дают овцу, а за 5 пуль — хорошую бурку, и то достается с трудом, так как боеприпасы им получать неоткуда, а в горах делают очень мало. Русских боятся и когда увидят их силу за Кубанью, то оставят свои жилища и уйдут в горы. Сейчас содержат везде против Кубани свои караулы. О татарах горцы говорят, что они сделались похожими на христиан и помохи от них получить не надеются. Пищи для людей и корму для скота имеют в большом излишестве. Явно напасть на русских не хотят. Собираются горцы главным образом вокруг Батыр-Гирея, который назначен турками сраскиром (командующим) на Кубани.

После Батыр-Гирея начальниками считаются султаны Чуку-Беслемис, Айти-Беслемис и Курль-Беслемис. «Сии три султана, — писал Суворов, — живут в деревне абазинской Псебэзь (Псыж. — Н. С.) и куреней имеет оная до ста, расстоянием от Курков в двух днях езды. Храбр из них больше Батыр-Гирея и умнее, у которого и силы больше; живут все согласно; но в случае, когда Батыр-Гирей с русскими воевать не захотел, или воровски нападать, то и против него последние три султана сбунтуются; чернь же вся слепо больше повинуется Батыр-Гирею и отдаются на его волю; а Тохтамыш-Гирей точно

умер и погребен в Суджук-кале. *Набеги* делать на русских силою побуждает больше Батырь-Гирей, но чернь не вдруг соглашается, страшась наших пушек, почему и злые их намерения иногда без действия остаются.

Черкесы разделяются на восемь орд: 1) Абаза, 2) Черкес, 3) Тукаи (Атукая), 4) Кабарда, 5) Беладук, 6) Шапсуг, 7) Темиргой, 8) Угай. Из них большая всех абазинская, но Кабарда и Угай с теми ордами не соглашаются, а живут смироно¹.

В течение всего 1778 г. Турция открыто требовала пересмотра договора 1774 г., отказываясь под всякими предлогами выполнять его отдельные статьи и конвенцию 1775 г. в отношении свободного плавания русских судов в Черном море и прохода их через проливы. Она содействовала изгнанию из Крыма неугодного ей хана Шагин-Гирея и, опираясь на своего ставленника Девлет-Гирея, вела разнужданную агитацию против России в Черкесии и Кабарде. Турция добивалась возвращения ей крепостей Керчи и Еникале и прекратила выплату контрибуции.

Во избежание дальнейших осложнений пришлось вывести из Крыма 20 тыс. армян и поселить их около Ростова, где образовался поселок Нахичевань.

Дело зашло так далеко, что фельдмаршалу Румянцеву было предписано еще раз предупредить визиря о необходимости строго выполнять договор. Русскому посланнику в Турции Стакиеву было указано, в зависимости от турецкого ответа, оставаться в Константинополе или «не медля в случае отрицания тотчас подать мемориал о своем выезде»².

29 апреля 1778 г. Стакиев писал графу Панину: «...в прошлую среду, 25 числа сего апреля, у муфтия в большом совете, Порта решительно определила весь свой флот, под собственным капитан-пашинским управлением, послать в Крым для высажения и подкрепления отправляемого из Синопа войска, под руководством именитого Джаныкли-Али-паши, которого в оном совете сделала сераскиром, а сына его трехбунчужным пашею... если им удастся свое войско высадить на берег без сопротив-

¹ Н. Ф. Дубровин, Присоединение Крыма к России, т. II, СПБ 1885, стр. 143.

² Там же, стр. 418.

ления с российской стороны, в таком случае имеют они объявить, что пришли туда для приведения себя в равенство и притом стараться полюбовно тамошние дела вершить; а ежели с российской стороны на них нападение учинено будет, тогда уже сказав, что Россия нарушила мир, начать и продолжать военные действия без всякой пощады и уважения».

Таким образом, турки вновь шли на столкновение с Россией, желая обставить дело так, чтобы виновной в глазах Европы оказалась русская сторона.

Говоря о турецком флоте, который собирался к выходу в Черное море, Стахиев отмечал: «Такожде со дня на день ожидаются сюда и купленные в Англии два фрегата (имеющие один 40 и другой 26 пушек. — *H. C.*), за которые Порта заплатить принуждена всего 30 000 фунтов стерлингов, хотя один из оных есть старый, починенный»¹.

1 мая 1778 г. Стахиев сообщил, что посланный им в Суджук-кале (Новороссийск) для разведывания человек, возвратясь, принес следующие вести: Батыр-Гирей и другие мурзы были у турецкого агента Сулеймана-аги, прибывшего в Суджук для того, чтобы узнать, насколько они выполняют присягу, данную ими блистательной Порте. Мурзы заверили Сулеймана-агу, что все данные ими слова они постоянно соблюдают, так как считают себя рабами и верными слугами блистательной Порты. Служить хану Шагин-Гирею они не будут и противоборствовать русским и воевать с ними не перестанут.

Сулейман-ага потребовал, чтобы они написали Порте «магзар» (прошение), в котором указали бы, насколько они преданные и усердные слуги Турции. По его же наущению кубанские султаны послали своих людей к темиргойцам и бесленеевцам за такими же прощениями. Стахиев сообщает, что Сулейман-ага написал кабардинцам и бесленеевцам письмо следующего содержания: «Я прибыл сюда наведаться о вас и узнал, что все здесь находящиеся суть верные рабы блистательной Порты, для того и послал нарочного кораблем, чтобы для вас прислали денег».

Турецкий черноморский флот, состоявший всего из 33 фрегатов, был разделен на три равные эскадры:

¹ Н. Ф. Дубровин, Присоединение Крыма к России, т. II, стр. 433.

первая направилась под Очаков, другая к побережью Крыма (к Евпатории), третья — к кубанскому берегу. Капудан-паше (командующему флотом) было предписано искать случая лишить жизни крымского хана Шагин-Гирея, «подобно тому, как ему удалось это сделать с известным Тагир-Омером в Азии».

На основании данных, собранных в Турции Стахисовым через его агентов, среди которых наиболее видной фигурой был старый греческий моряк Ипсиланти, участвовавший, видимо, в качестве лоцмана или переводчика в экспедиции турецкого флота к кавказским берегам, можно составить более или менее точную картину этой экспедиции.

1 июля 1778 г. в Суджук-кале, служивший главной базой турецкого флота на кавказском побережье, был отправлен один из турецких военачальников, сивасский вали (губернатор) трехбунчужный паша Ахмед, второй сын знаменитого сатрапа Малой Азии Али-паши из Джаника. Он прибыл туда с 7 кораблями и 20 мелкими судами, на которых находилось около 4,5 тыс. войск. В его задачу, видимо, входило, соединившись с абазинцами и черкесами, овладеть Таманским полуостровом, где находились русские войска. Командиром крепости Суджук-кале был поставлен двухбунчужный паша Мегмет. Назначение на Кавказ крупных турецких начальников свидетельствовало о том, что в Турции придавали большое значение предстоящим военным действиям.

25 июля главный турецкий флот получил приказ выступить к кавказским берегам с тем, чтобы, высадив там войска, привести к покорности абазинцев, черкесов и кубанцев, а затем двинуться в Крым.

На суда было посажено 11 тыс. янычар; кроме того, было предписано прибыть на Кавказ самому Джаникли Али-паше с 20-тысячным войском, да его младшему сыну Батал-бею из Эрзерума с 11-тысячным войском. Таким образом, во всей этой экспедиции приняло участие 42 тыс. человек. Во флоте началась эпидемия. Ипсиланти свидетельствует, что еще во время стоянки флота в Самсуне умерло 300 человек, в плавании с адмиральского корабля «Реал» было выброшено 200 трупов, да и с других кораблей не меньшее число.

3 августа флот встал на якорь у Суджук-кале; началась высадка войск.

Суджук, описывает Ипсиланти, это маленькая крепость, весьма ветхая и опустошенная. Там нет других строений, кроме двух или трех дощатых изб, нескольких шалашей для турецкого коменданта, имеющего малочисленный и ободранный гарнизон. Трехбунчужный Ахмед-паша возле крепости стоял со своим войском лагерем. Черкесы до прибытия большого флота отбили у него 200 человек и увели в свои горные жилища.

8 августа в ставку Джаникли Али-паши к турецким пашам явились абазинские и черкесские князья, хотя и без всяких подарков; между ними был и старший брат Шагин-Гирея. По словам Ипсиланти, они якобы изъявили свою покорность султану и обещали приготовить до 10 тыс. войска.

18 августа капудан-паша получил извещение из Константинополя, что там недовольны им за то, что он до сих пор не пошел в Крым. 25 августа пашам было доставлено повеление: если они не имеют другого средства к исполнению предприятия, то должны отправиться в Кафу, якобы за свежей водой. Если в воде будет отказано, считать это знаком недружелюбия и нарушением трактата со стороны русских, высадить войско и напасть на русских или же поступить так, как заблагорассудится. Словом, все было предоставлено на усмотрение капудан-паши.

8 сентября турецкий флот подошел к Кафе, и паша послал на берег письмо с требованием свежей воды. Однако русские не разрешили туркам сойти на берег на том основании, что в турецком флоте была моровая язва. Турки обратились к А. В. Суворову с просьбой дать им этот отказ в письменной форме, однако ответа на это не получили. Тогда турецкий паша под предлогом наступающего периода штормов решил отплыть в Синоп, куда и прибыл 11 сентября. Оттуда флоту было приказано возвратиться в Константинополь¹.

Желание Турции превратить кавказское побережье в плацдарм для наступательных действий как на Кавказе, так и против Крыма, естественно, вызвало решительное противодействие со стороны России. Ее представитель заявил по этому поводу протест, указав, что

¹ См. Н. Ф. Дубровин, Присоединение Крыма к России, т. II, стр. 784—787.

крепость Суджук-кале, в окрестностях которой живут абазинцы, должна рассматриваться, как принадлежащая Крымскому ханству, на территории которого не могут находиться турецкие войска. Турция в силу договора 1774 г. официально отказалась от всех крепостей, городов и селений, находящихся в Крыму, на Кубани и в Тамани. Однако турки всячески доказывали свои права на абазинцев, ссылаясь при этом на турецкого историка Рашида и на то, что и ныне Порта утверждает князя или начальника абазинцев.

21 марта 1779 г. между Россией и Турцией была заключена «пояснительная конвенция», но противоречия, вызванные притязаниями той и другой стороны на укрепления в Крыму и на кавказском побережье, были настолько велики, что достигнуть примирения было невозможно.

Правда, Россия добилась подтверждения условий мирного договора 1774 г., но сделала при этом существенную уступку, признав религиозную зависимость крымских татар от турецкого султана, являвшегося одновременно и халифом (духовным главою) всех мусульман вообще. Это впоследствии дало повод турецкому султану как халифу вмешиваться в жизнь мусульман, где бы они ни проживали. Согласно этой конвенции, известной под названием Айналы-Кавакской, каждый новый крымский хан должен был получать после избрания благословение от халифа в виде особой, строго установленной грамоты.

Русские войска, по условиям этой же конвенции, были выведены из Крыма и с Кубани.

Постройка русскими войсками крепостей Кавказской линии вызвала вооруженное сопротивление со стороны некоторых кабардинских князей. Соединясь с закубанскими черкесами и ногайцами, они переправились через р. Малку и совершили ряд нападений на русские крепости — Марьинскую, Павловскую, Георгиевскую, Ставропольскую и др.

Эти вооруженные выступления кабардинских князей вынудили Екатерину II издать в июле 1779 г. следующий секретный приказ:

«Нашему астраханскому генерал-губернатору князю Потемкину. По дошедшем к нам известиям о чинимых от кабардинцев беспокойствах и неоднократном напа-

дении их вооруженою рукою на учрежденную нами моздоцкую линию, повелеваем вам, для обуздания их, по рассмотрению вашему, учинить отряд войск, коим, наказав дерзость оных, привести их в надлежащее повиновение и тишину. Благоразумие ваше уверяет нас, что все сие произведено будет с тем самым человеколюбием, коим мы всегда побеждаем суроность нравов, а потому и достигнете желаемого в сем случае без дальнего кровопролития. Июля 8 дня 1779 Петергоф»¹.

9 декабря 1779 г. кабардинские князья еще раз принесли присягу. Теперь в тексте присяги было предусмотрено и обязательство простых кабардинских людей: если владельцы их уйдут в другое место, за ними не следовать и им не повиноваться. На кабардинцев была наложена значительная контрибуция. Они должны были уплатить 10 тыс. рублей деньгами, выдать 2150 лошадей, 4759 голов рогатого скота и 4539 овец и, кроме того, дать продовольствие для русских войск.

От владельцев и узденей и всего народа Большой и Малой Кабарды было взято письменное обязательство, утвержденное клятвою на Коране и печатями старших князей и узденей. Согласно этому обязательству кабардинцы должны были вернуть русских солдат-беглецов; граница между Кабардою и Россией устанавливалась: для Большой Кабарды — по р. Малке, для Малой Кабарды — по р. Тerekу. Въезд кабардинцев на Кавказскую линию разрешался по специальным билетам, выдаваемым назначенным в Кабарду русским приставом, при посредничестве старшего князя Джанхата Татарханова. Кабардинцам запрещалось пребывание в русских крепостях. Запрещалось им также входить в сношения с кубанцами.

Кабардинцы обязывались не притеснять и не трогать состоящих в российском подданстве осетин и других горцев, принявших христианство и переселяющихся в Моздок.

Во всех взаимных обидах кабардинцы обязаны были искать правосудие у старшего князя Джанхата Татарханова и у русских приставов, находившихся в Кабарде, а самим не управляться и особенно избегать кровомщения. Малой Кабарде предписано ни в коем случае

¹ Сборник РИО, т. 27, стр. 177—178.

не оказывать помощи Большой Кабарде, которая в случае нападения на нее получит помощь со стороны русских войск.

В заключительной части обязательства было написано: «Владельцам и узденям подвластный им черный народ не притеснять, излишней подати не требовать, а содержать точно на основании обычаев и учреждений от предков и отцов их; паче же всего, их самих холопов, жен и детей их и имеющихся при них обоего пола холопов же, не только куда в чужие руки отдавать, продавать и дарить, но и к себе в дом не брать; а что пред сим за 2 года у них отнято, ныне возвратить, и за принесенную ими справедливую жалобу отнюдь упреков и мщения не чинить. Если же кто вопреки всего вышеописанного поступит, то должен лишиться своих холопов вечно»¹.

Кабардинцам было позволено уходить от своих владельцев и переселяться внутрь Кавказской линии в случае, если их будут притеснять излишними поборами или принуждать к противным России действиям.

Нетрудно видеть, что эти новые правила, диктуемые русским правительством кабардинцам, были направлены к тому, чтобы ослабить кабардинских князей и пресечь их связи с соседними народами. Их положительное значение заключалось в том, что они усиливали водораздел между кабардинским народом и феодальными владетелями. Любопытно, например, что когда кабардинские князья обратились к князю Потемкину с просьбой об отмене пункта о невозвращении им беглых холопов, то Потемкин на это ответил, что когда владельцы уменьшат поборы с народа, тогда и подданные от них не будут бегать.

Но в остальном эти правила не достигли тех политических целей, которые возлагало на них русское правительство. Наоборот, они вызвали раздражение кабардинцев, так как разрушали давнюю связь Большой и Малой Кабарды и их отношения с другими кавказскими народами. К тому же эти правила далеко не соответствовали обещанию русского правительства соблюдать древние обычаи кабардинцев. Они не были той реформой, в которой действительно нуждалась Кабарда.

¹ См. П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. 2, стр. 65.

В течение двух лет Кабарда оставалась спокойной. Но затем под влиянием антирусской пропаганды часть кабардинских владетелей решила переселиться в Грузию, а часть — в Турцию. Лишь своевременно принятыми мерами русским властям удалось воспрепятствовать этому.

Конечно, требовались серьезные причины для того, чтобы кабардинский народ, который видел в русском народе своего защитника, искал сближения с ним и не раз на деле доказал свою преданность России, теперь, в конце XVIII в., когда практически осуществлялись его давние стремления к соединению с Россией, вдруг начал терять доверие к ней.

Основная причина этого заключалась в игнорировании русской администрацией экономических интересов кабардинского народа, среди которых главную роль играл вопрос о земле. Кабардинское население остро нуждалось в земле, а русские занимали ее для постройки крепостей. «Постройка крепостей и поселение в них воинов-землевладельцев, т. е. казаков, — пишет В. Н. Кудашев, — естественно, уменьшало и стесняло пастищные угодья и приволье кабардинцев. Постройка крепостей нарушила прежний их уклад жизни, их торговые и соседские отношения с ближайшими народами»¹.

Сама русская колонизация на Кавказской линии в это время в силу сложившихся условий носила военный характер, что заранее определяло настороженное, неми-ролюбивое отношение переселенцев к кабардинцам. Естественно, что и последние отвечали тем же. «Постройка крепостей русскими, встречаенная первоначально с радостью, вызывает самый решительный и упорный протест кабардинцев»².

Так начался в 70-х годах XVIII в. новый этап колониальной политики России на Северном Кавказе. Все же в нем были не одни только отрицательные черты. Присоединение к России ряда кавказских территорий способствовало оживлению торговли России с народами Кавказа, а через них и с соседними странами Востока.

В 1780 г. по распоряжению Г. А. Потемкина, которому было подчинено управление Кавказом, на Моздок-

¹ В. Н. Кудашев, Исторические сведения о кабардинском народе, стр. 70.

² Там же, стр. 71.

ской линии — в Ставрополе, Георгиевске и Моздоке были сооружены амбары и лавки для торговли с кабардинцами; были приняты меры к расширению шелкового казенного завода, основанного на Тереке выше Червленской станицы гребенских казаков купцом Сародонниковым еще в 1735 г.

В 1781 г. была сделана попытка наладить торговлю с Ираном и Индией через Каспийское море. Посланный для этой цели с морской командой М. Войнович пытался основать торговое поселение на острове у Астрабадского залива, назвав его Мелитопис (Пчелиный остров). Попытка не увенчалась успехом из-за враждебной позиции, занятой правителем Ирана Ага-Мохаммедом. По его приказу Войнович и его спутники были на время задержаны, а возведенные на острове постройки уничтожены.

Торговые мероприятия России на Востоке имели для нее большое политическое значение, поскольку наглядно показывали кавказскому населению выгоды связей с Россией. К этим выгодам надо прибавить и ту военную помощь, которую могла оказать Россия кавказским народам, защищая их от прискасов сultанской Турции и шахского Ирана, соперничавшими теперь за обладание не только Закавказьем, но и Дагестаном. В поисках этой защиты многие кавказские народы добровольно вступают в подданство России.

Так, в 1781 г. просьбу о подданстве возбудили чеченцы, вручившие кизлярскому коменданту Куроедову обязательство отныне жить в полном согласии с осетинами, кабардинцами и кумыками. Со стороны России были приняты энергичные меры к улучшению связи с Грузией, для чего в 1783 г. генерал-поручик П. С. Потемкин, командовавший войсками на Кавказе, поручил обер-квартирмейстеру Фохту приступить к работам по улучшению дороги в Тифлис. 3 ноября по этой дороге, получившей вскоре название «Военно-Грузинской», прибыли в Тифлис два батальона русских войск. Эти батальоны были отправлены в Грузию по просьбе царя Ираклия, заключившего с Россией в г. Георгиевске договор о дружбе и помощи (1783 г.), получивший известность как договор о протекторате. По этой же дороге должны были быть доставлены в Грузию 24 орудия, подаренные Грузии Екатериной II. Орудия были отправ-

лены из Петербурга в феврале 1785 г., но попали в Грузию лишь в 1788 г., да и то в количестве десяти штук. Остальные были задержаны в Екатеринограде¹.

В 1784 г. для защиты новых кавказских подданных и охраны торгового пути из России в Закавказье была построена Владикавказская крепость при деревне Зауре, а в Малой Кабарде — Григориопольское укрепление. Несколько раньше на границе Большой Кабарды была построена на р. Подкумке крепость Константиноградская (вблизи нынешнего г. Пятигорска).

Хотя Турция и очень ревниво следила за укреплением позиций России на Кавказе и сама старалась превратить причерноморский край и закубанскую территорию в плацдарм для наступления на Северный Кавказ, причиной обострения ее отношений с Россией в это время послужил все же Крым.

18 мая 1781 г. в Тамани и в Крыму началось восстание против хана Шагин-Гирея. Хан и русский посланник Веселицкий вынуждены были укрыться в крепости Еникале. В Крыму появился Батыр-Гирей, приведший с собой с Кубани 1,5 тыс. черкесов, абазинцев и др. Он занял Арабат.

Турки начали восстанавливать свое господство на Тамани; всех татар они объявили турецкими подданными. В Кабарду был командирован турками чиновник, который назначил Чубак-Андаржи, именуемого узденъ-агою, старшим над всеми черкесами. Поскольку Россия была вынуждена вновь ввести свои войска в Крым и на Кубань, причем во главе Кубанского корпуса опять был поставлен А. В. Суворов, с 1778 г. находившийся в Астрахани, этот чиновник должен был при встрече с русским командующим потребовать вывода русских войск с Кубани на том основании, что здешний народ якобы издавна принадлежит Османской империи.

В то же время турецкие войска прибыли в Анапу для сооружения крепости.

Таким образом, в 1782 г. Турция приняла новые меры к укреплению своих позиций на Северном Кавказе, в частности на черноморском побережье. После провала восстания, поднятого против Шагин-Гирея, турки поте-

¹ См. П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. 2, стр. 131—132.

ряли надежду вернуть себе Крым и сосредоточили все внимание на Кавказе.

Турецкий писатель Джевдет в своей «Истории Турции» («Викай-и девлетиалия-и-Османие») отводит видное место сооружению крепости в Анапе. Он пишет, что Анапа славилась торговлей рабами. Здесь турецкие паши закупали в большом количестве для своих гаремов кавказских женщин — черкешенок, кабардинок, грузинок. Продажа людей служила хорошим источником дохода для крымских татар. Местный князь из черкесского племени «ваннов» (натухайцев) Магомет-Гирей разрешил новому турецкому паше Суджукской крепости (с 1783 г.) Фераху Али построить в Анапе гостиный двор. Воспользовавшись этим, Ферах Али-паша приступил к сооружению крепости. Он учтивал выгодное стратегическое положение, которое Анапа, имеющая хорошую гавань, занимает у границ Тамани. Если бы русские овладели ею, то Сугуджак (Суджук-кале), Геленджик и Сухум-кале оказались бы под их контролем. В Анапе Ферах Али-паша нашел лишь остатки крепости генуэзцев. Он приказал привезти из Сугуджака заступы, лопаты и другие орудия. Ногайские улемы и миры по его требованию прислали ему от каждого ногайского племени по 200 молодых людей на жалование в 10 пара¹ в день. Были намечены батареи и приступили к компании рвов; в короткое время крепость, с трех сторон омывавшаяся морем, уже была недоступна для действий конницы. Так в 1197 (1782/83) г. было положено основание Анапе.

Джевдет пишет, что постройкой крепости руководил не сам паша, а его кехья². Когда паша посетил ново-построенное укрепление, кехья ради его приезда повесил у каждого ворот по два человека из осужденных на смерть преступников.

На другой стороне р. Бухур также с помощью ногайцев было устроено укрепление — Ногай-калеси.

В Анапе турки поселили до 500 татарских семейств, вахваченных ими на Таманском полуострове. Благодаря этому город сразу оживился. В 1783 г. в нем, кроме правительственные учреждений, имелись 3 мечети, 3 ба-

¹ Пара — мелкая турецкая монета. 10 пары составляли немногим более копейки.

² Доверенное лицо, управитель.

ни, 550 лавок и кофеен. Новая таможня в первый год дала 11 тыс. гурушей¹, а во второй — 25 тыс. гурушей чистой прибыли. По просьбе Фераха Али из Трапезунда прислали 150 тимариотов и заемов (владельцы поместий, обязанные в военное время являться на войну с вооруженными крестьянами), а с каждым из них — по 2—3 человека, способных носить оружие. Вследствие этого ожидалась торговля. Местным жителям была отдана часть продуктов, собранных с пространства земли на пушечный выстрел.

Чтобы привлечь главарей соседних племен, им платили из дохода таможни от 150 до 300 гурушей. Племена, принявшие ислам, платили законную десятину, а от других налогов были освобождены. Земли вокруг крепости были утверждены за их владельцами, а свободные отданы ногайским земледельцам. С черкесами был заключен договор, что они будут управляться своими начальниками, перестанут вновь захватывать освободившихся рабов из ногайцев, не будут продавать девиц русским ни за какую цену и во всем будут заодно с турками.

Ногайцам дали правителей из их среды. Из мурз назначили: 30 начальников (ага), 30 заместителей (кехья), а также алемдаров². Им было дано наименование кубанской стражи. Порта прислала грамоты с подарками в 40 акче агам, 30 — кехьям и 20 — алемдарам и по 7 акче простым людям. Было постановлено, чтобы каждую пятницу эти правители присутствовали в анапском диване с тысячию человек³.

8 апреля 1783 г. в Петербурге был издан манифест о присоединении к России Крыма, Тамани и Кубани. В рескрипте, данном в тот же день Екатериной II на имя Г. А. Потемкина, этот акт объяснялся необходимостью предупредить действия Турции, которая уже сделала попытки захватить Таманский полуостров и Кубань и организовала ряд заговоров в Крыму. При этом русское правительство учитывало возможность возникновения на этой почве новой русско-турецкой войны. Но

¹ Гуруш или пиастр — серебряная монета, равная 40 пара, что в то время составляло приблизительно 5½ копеек.

² Алемдар — буквально знаменосец, один из низших воинских чинов.

³ См. Н. И. Веселовский, Военно-исторический очерк города Анапы, П. 1914, стр. 10—14.

на этот раз Россия была подготовлена к войне и, по мнению Екатерины, эта готовность должна была поколебать решимость Турции. В реескрипте сообщается, что на этот случай послу в Турции Булгакову преподаны «в запас все нужные наставления с средствами на обращение в пользу личного лакомства турецких министров (т. е. для подкупа их. — *H. C.*), если только оные с надежностью успеха в игру ввести можно»¹. Пока турки будут вести переписку по этому делу, Россия должна укреплять свои позиции в Крыму, Тамани и на Кубани, но турок при этом нигде и никак не задевать.

Далее реескрипт содержал общие указания об использовании войск и флота в случае начала военных действий.

Особое внимание в нем было уделено Шагин-Гирею, который считался верным приверженцем России. Ему разрешалось набрать из крымцев и закубанцев отряд и отправиться в Иран для захвата там власти или создания себе владения, не меньшего по территории, чем Крымский полуостров. Для этой цели ему назначалось пособие по 200 тыс. рублей в год. Г. А. Потемкин должен был организовать поход Шагин-Гирея через территорию Кавказа. Командующему войсками генерал-поручику П. С. Потемкину предписывалось, независимо от того, последует разрыв с Турцией или нет, занять г. Дербент, поддержать грузин и армян в их борьбе за независимость против Ирана и Турции. Он же должен был оказать всемерную помощь Шагин-Гирею, а в случае войны с Турцией действовать совместно с имеретинским царем Соломоном, грузинским царем Ираклием, а также с независимыми грузинскими князьями и армянскими обществами против Турции.

В заключительной части реескрипта перед Г. А. Потемкиным ставился ряд вопросов, свидетельствующих о далеко идущих планах освоения Кавказа царским правительством: где может быть учреждена «надежнейшая и кратчайшая граница от Каспийского моря, и именно от Дербента или другого места, близ того моря лежащего, к Черному морю»; какие меры следует принять в отношении «рассыпанных по кавказским горам мелких, но именем только от России или Персии зависимых

¹ Сборник РИО, т. 27, стр. 241.

владельцев и народов»; каким должно быть внутреннее правление тех народов, которые могут быть прочно присоединены к России; о способах возобновления торговли подданных России в Персии, Грузии и смежных с ними областях и др.¹

Но в 1783 г. войны удалось избежать. После длительных переговоров с турками 8 января 1784 г. в Константинополе была заключена конвенция о присоединении к России Крыма. Россия отказалась от притязаний на Суджук-кале и, следовательно, на Анапу; границей была признана р. Кубань.

Присоединение Крыма к России и появление русских войск в Грузии обострили положение на Кавказе. Тревога охватила некоторых азербайджанских и даже анатолийских феодалов, ожидавших наступления русских войск. Народные массы, наоборот, ждали прихода русских. Один из русских агентов сообщал: «Черный народ от Дербента до Баки и Салиана, неведомо почему про слыша, радуется бытию в Персию российских войск, ждя чрез то тишины от междоусобий»².

Однако и некоторые закавказские феодалы стремились к сближению с Россией, рассчитывая при ее помощи расширить свои владения. Такими были хан Карабаха Ибрагим и кубинский хан Фет-Али. Обращаясь к генералу П. С. Потемкину с просьбой о принятии его в русское подданство, хан Ибрагим писал, что никогда не стремился «с таким жаром и ревностию, как в сие время повергнуться ко престолу е. и. в. и признать себя рабом ее», «предавая себя, все области мои и подданных моих престолу е. и. в., буду я повиноваться во всем, что благоугодно будет ее высочайшей воле мне повелеть»³. Это обращение хана Ибрагима было переслано в Петербург, откуда не поступило никаких определенных указаний на этот счет. Екатерина II писала в Херсон Г. А. Потемкину, что если не встретится никаких затруднений, то с Ибрагим-ханом можно заключить договор о подданстве, подобный тому, который будет

¹ См. Сборник РИО, т. 27, стр. 240—244.

² А. Р. Иоаннисян, Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, Ереван 1947, стр. 71.

³ Там же, стр. 72.

заключен с грузинским царем Ираклием¹. Карабах был присоединен к России лишь в начале XIX в.

Г. А. Потемкин в этот период времени создавал планы образования армянского государства под покровительством России. Это государство должно было служить надежным форпостом против посягательств на Кавказ со стороны Ирана и Турции. Наконец, из азербайджанских прикаспийских областей предполагалось создать еще одно государство под старинным названием Албания.

Однако в это время изменилась обстановка в Иране. Там в борьбе за шахский престол начал получать перевес каджарский хан Ага-Мохаммед. Его агрессивные планы в отношении Закавказья повели к обострению междоусобной борьбы закавказских феодальных правителей, из которых некоторые искали покровительства у Турции. Это помешало реализовать проекты образования в Закавказье буферных государств.

Хотя принятие царя Ираклия под покровительство России (договор 24 июля 1783 г.) не противоречило договорам России с Турцией, так как ни Кахетия, ни Картлия не зависели от Турецкой империи, эмиссары Порты распространяли султанские фирманы, приглашавшие всех азербайджанских и дагестанских ханов совместно с Турцией защищать ислам и вести борьбу с Грузией. Туркам удалось только создать реальную угрозу Имеретии, которую они еще держали под своим влиянием.

Осенью 1784 г. турецкий ставленник князь Абашидзе с 12 тыс. турецких войск пришел в Поти и Батуми и начал борьбу с имеретинцами, но в конце года потерпел поражение от грузинских войск.

В 1785 г. ахалцихский паша Сулейман набрал до 4 тыс. лезгин и турок и направил их в Грузию, где они разорили несколько сел. На обратном пути у р. Куры они были встречены русским отрядом майора Сенниенberга и наголову разгромлены. В плен было взято 200 человек, убито и ранено около тысячи; однако в следующем году налеты на Грузию были повторены.

Было очевидным, что действиями ахалцихского паша против Грузии руководит Турция, которая стремится при

¹ См. Сборник РИО, т. 27, стр. 256.

помощи оружия или денег создать себе опору в Закавказье среди отдельных групп местных феодальных правителей.

Феодальная разобщенность народов Кавказа, внутренние распри, спекуляция на религиозных чувствах кавказских мусульман, агитация, которую вели мусульманское духовенство, — все это благоприятствовало антирусским выступлениям на Кавказе.

Эти выступления поддерживали некоторые западноевропейские державы, которые, видимо, не хотели при мириться с выходом России к Черному морю и появлением в проливах русских торговых кораблей. Русский посол Булгаков писал из Турции 1 (12) марта 1785 г., что «французы все силы напрягают к поднятию турков на ноги» и всемерно стараются ободрить их к противодействию России. В частности, французский посол Вержен предлагал туркам свой проект обороны Босфора путем создания сети новых укреплений и размещения там в двух крепостях французского гарнизона в 3 тыс. человек.

Теперь, получая подобные донесения, русское правительство предписывало Булгакову решительные действия. В указе, направленном Булгакову 15 ноября 1785 г., говорилось:

«Мы не обыкли интересов своих отдавать на распоряжение и решение времени и обстоятельств, а руководствуясь доныне достоинством нашим, когда не предусматриваем дружескими представлениями и советами одержать справедливость, прибегаем тогда к средствам от Бога нам данным по охранению славы нашей, величия государства нашего и безопасности его пределов».

Булгакову поручалось заявить турецкому правительству, что если оно не решится изъять самый корень зла сменою и наказанием паши ахалцихского, то Россия будет считать, что Порта или не в силах удержать своих подчиненных, или же, не желая сохранения дружбы и доброго согласия с империей Российской, старается возбуждать там беспокойствие. В обоих случаях русское правительство, следящее за безопасностью пределов государства, вынуждено будет принять соответствующие меры.

Булгаков должен был заявить также, что Россия при заключении конвенции о Крыме согласилась на присвое-

ние Турции Закубанского края, надеясь, что она сумеет удерживать своих подчиненных и не допускать их набегов на русские владения. «Своевольства сих закубанских народов, — сказано в указе, — выходят из всех пределов, и начальники турецкие предъявляют себя не в силах их воздержать. Посему мы, для безопасности границ наших, не можем не предписать начальникам нашим военным, таковых своевольных в случае покушений их усмирять и наказывать».

Может случиться так, говорилось в заключительной части указа, что Турция, привыкшая прибегать к посредничеству французского посла, обратится к нему и на этот раз, «но мы вам решительно предписываем, просто и без всякого закрытия сказать, не только туркам, но и самому помянутому послу, что дела наши азиятские мы почитаем совершенно чуждыми для всех европейских народов»¹.

В течение всей второй половины XVIII в. Турции приходилось расплачиваться за свою экономическую отсталость, за феодальную раздробленность страны, сопровождавшуюся постоянными внутренними распрями, за созданный ею режим жестокого угнетения подвластных народов. Но чем сильнее развертывалась в стране внутренняя борьба, будь то сепаратистские выступления крупных феодальных правителей-пашей, наместников вилайетов (областей) или освободительное движение угнетенных Турцией народов, тем настойчивее искало султанское правительство повода к вооруженному столкновению с Россией, считая ее виновницей как освободительной борьбы народов против турецкого ига, так и тѣх территориальных потерь, которые приходилось нести Турции, особенно в Закавказье. Эта воинственная политика султанской Турции, требовавшая огромных средств, неизбежно приводила к усилению налогового тресса, к еще большему угнетению населения Турецкой империи. О том, насколько обострилось положение в стране, можно судить по указу (хатти-шерифу), с которым султан Абдул-Хамид I обратился к пашам-наместникам вилайетов в 1781 г. В этом необычном для турецких султанов указе, пытавшемся обуздать дикий произвол местных властей по отношению к населению импе-

¹ Сборник РИО, т. 47, СПБ 1885, стр. 144.

рии, констатировалось, что разоренные непомерными поборами и доведенные до полного отчаяния «беспрерывными обидами, грабительствами и мучениями» со стороны всевозможных начальствующих лиц, подданные султана разбегаются, что грозит опустошением империи¹.

Известия, поступавшие из Турции в 1782—1785 гг., свидетельствовали как о борьбе, поднятой народными массами, так и о различных беспорядках, во множестве происходивших в европейских и азиатских владениях султана. Еще в 1779 г. Булгаков писал, что всюду в Азии и в Румелии (турецкие владения на Балканах) появляются бунтовщики, «хлебный недостаток чем далее, тем тягостнее становится... в народе оглашаются различные беспорядки и неправосудие государственных правителей...» В 1782 г. в «Журнале константинопольских происшествий», который вело русское посольство в Турции, встречаются такие заметки: «По причине постоянных в Анатолии замешательств, происходящих от разбойников (так обычно называли восставших.—Н. С.) и от притеснений начальниками, ежедневно приходят сюда жалобы, не предвещающие добра везирю, который дабы успокоить несколько негодование, на сих днях уменьшил цену на молотое кофе». В июле отмечено: «К эрзрумскому губернатору Магомет-паше послан строгий указ, чтобы он, собрав войско и взяв сивасского и диарбекирского губернаторов с их войсками, следовал против бунтующих курдов, от коих причиняются сильные разорения жителям». В сентябре 1782 г. стало известно, что паша, которому было поручено истребление «разбойников» по Адрианопольской дороге, сам грабил население: имея в своем распоряжении войска с артиллерией, он собирали с населения дань в свою пользу.

Но чем труднее становилось положение внутри империи, тем настойчивее искала Турция повода к конфликту с Россией на Кавказе. Не случайно, что с 1785 г. отношения между Турцией и Россией вновь начинают обостряться. Обвиняя Россию в агрессивной политике, турки сами развернули исключительную активность в

¹ См. Н. Ф. Дубровин, Присоединение Крыма к России, т. IV, СПБ 1889, стр. 376—377. Приложение к донесению Я. Булгакова от 1(12) января 1782 г.

Закавказье и Дагестане с тем, чтобы подготовить местное население на случай войны. Главным объектом их устремлений была Грузия. Партии в 300—700 человек совершили набеги на селения по обоим берегам р. Куры, отгоняли скот, грабили имущество, уводили жителей. Эти набеги производились с дозволения турецкого правительства. Хотя Порта в результате требований со стороны России разослала к своим пашам запретительные фирманы, в которых приказывала не трогать «быка, если лежит, и не заставлять его подняться», тем не менее она покровительствовала всем враждебным действиям против России, и не жалела денег на подкуп местных ханов, князей и беков. Генерал П. С. Потемкин 20 декабря 1785 г. доносил Г. А. Потемкину-Таврическому, что один турецкий агент пробрался даже к осетинам и уговаривал их портить дороги и преграждать всякое сообщение России с Грузией. Однако осетины не пошли на это, заявив себя подданными России.

Считая, что еще рано открыто выступать против России, Порта предписала ахалцихскому паше Сулейману, не подавая повода к столкновению с Россией, тайно готовиться к открытию военных действий. В Поти прибыли два военных и 15 транспортных судов, нагруженных боевыми и продовольственными припасами. И в Поти и в Батум турки усиленно доставляли артиллерию и построили укрепление между р. Рионом и о. Палеостоми. Для этих работ из Константинополя были присланы 4 иностранца. Они же обучали турок действовать при орудиях. Ходили слухи, что в Анатолии было сосредоточено до 35 тыс. турок, а в Ахалцих прибыл капитан-баша, которому поручено набрать в окрестностях этого города до 12 тыс. человек.

Россия также готовилась к войне на Кавказе и принимала меры по укреплению своих связей с кавказскими народами, причем особое внимание было обращено на Дагестан, Кабарду, Грузию, Армению и Азербайджан. Булгакову поручалось вновь подтвердить Турции, что владения царя грузинского будут оберегаться, как владения самой России. Были приняты меры к упорядочению кавказской военной и гражданской администрации. 5 мая 1785 г. был издан указ об учреждении Кавказского наместничества или Кавказской губернии с центром в городе Екатеринограде с уездами: Кизляр-

ским, Моздокским, Ставропольским, Екатериноградским, Георгиевским и Александровским. 18 января 1786 г. начались торжества по случаю открытия наместничества, продолжавшиеся целую неделю; в них, помимо войск и гражданских лиц, принимали участие выборные представители от всех уездов, а также кабардинские и другие горские знатные князья и уздени¹.

24 мая 1786 г. первый наместник Кавказа генерал-поручик П. С. Потемкин устроил прием полномочным послам тарковского шамхала, официально именовавшегося владетелем Дагестана, по случаю вступления его в российское подданство и данной им присяги. Послы в торжественной обстановке представили П. С. Потемкину подписанный шамхалом текст присяги и, став на колени у подножия специально поставленного трона, прочитали от имени шамхала эту присягу над Кораном. После этого был произведен салют в 51 выстрел и произнесена Потемкиным соответствующая речь².

Царское правительство, будучи заинтересовано в подготовке кавказских народов к предстоящей войне, приняло в 1786 г. важные решения о формировании местных войск из горских народов, в частности в Большой и Малой Кабарде. Согласно реескрипту Екатерины II на имя Г. А. Потемкина-Таврического от 26 августа 1786 г., население Кабарды объявлялось «поселенным войском», из которого для действительной службы выделялись: от Большой Кабарды — шесть сотен при двенадцати князьях и двадцати четырех узденях, от Малой Кабарды — три сотни при шести князьях и двенадцати узденях. Всем находящимся на действительной службе назначалось жалованье: князьям по 120 рублей, узденям по 50 рублей и рядовым по 12 рублей в год, а кроме того, холста на 2 рубашки или дополнительно по 2 рубля в год. Князьям и узденям, имевшим офицерские чины, жалованье должно было выдаваться в соответствии с их чинами. На кабардинские сотни возлагалась задача обороны отведенных им участков от набегов закубанцев. Во время войны кабардинцы, если потребуется, должны

¹ См. «Отечественные записки» № 65, ч. XXIII, СПБ 1825 г., стр. 322—346.

² См. «Отечественные записки» № 66, ч. XXIV, СПБ 1825 г., стр. 154—157.

выставить столько войска, сколько смогут, в этом случае рядовым, помимо жалованья, полагается еще и про-виант. На европейский театр военных действий из Ка-барды было решено направлять только желающих, из числа отборных наездников в количестве двухсот человек с жалованьем, соответствующим положению каждого. Г. А. Потемкину-Таврическому разрешалось иметь при себе в качестве ординарцев шесть князей и шесть узденей с жалованьем: князьям — 300 и узде-ням — 150 рублей в год.

Из ингушей было решено содержать войска три сотни, и из осетин — пять сотен, с тем же жалованьем рядо-вым, что и кабардинцам. Их предполагалось употреблять на службу при крепости Владикавказ, «для военных дей-ствий в их стороне». В случае же надобности, разреша-лось сформировать и большее число войск из ингушей и осетин для действия в их крае с выплатой положен-ного жалованья.

Кроме того, было решено выдавать ежегодно тар-ковскому шамхалу для содержания его войск по 6 тыс. рублей. За то, что шамхал добровольно принес присягу о подданстве «в такое время, когда прочие оказались зломышленными», особой жалованной грамотой звание шамхала было признано наследственным, шамхалам присваивался чин тайного советника; к ним был опреде-лен из русских войск караул или конвой почета.

Картлийскому царю Ираклию было назначено де-нежное пособие в 60 тыс. рублей ежегодно, 30 тыс. руб-лей из этой суммы должны были употребляться на содер-жание его собственного войска, а остальные 30 тыс. — на содержание наемных войск (20 тыс. на наем лезгинских воинов и 10 тыс. на наем отрядов других горских народов), «наблюдая, чтобы они были в пользу Грузии, в повелениях однакож нашего начальства».

Сумму, выделенную для найма лезгин, было прика-зано выплачивать Ум-хану аварскому, который, таким образом, оказывался состоящим на российской службе. Наконец, Г. А. Потемкину были даны, полномочия «на приятие под державу и покровительство наше тамош-них народов и заключение с ними постановлений...»¹

¹ Сборник РИО, т. 27, стр. 376.

Русское правительство, как это видно из инструкций, направляемых Булгакову в Константинополь, еще делало попытки предотвратить войну. Но агрессивные действия Турции, объектом которых в это время, как уже говорилось, являлась главным образом Грузия, неуклонно вели к военной развязке событий. В этих агрессивных действиях видная роль принадлежала ахалцихскому паше Сулейману, продолжавшему набеги на Грузию, провоцировавшие столкновение с Россией. Не случайно, что в отношениях России с Портой вопрос об обуздании и наказании ахалцихского паша вырастал чуть ли не до размеров ультимативного требования России.

Инструкцией, направленной Булгакову 8 августа 1786 г., русский посланник уполномочивался внушить турецкому правительству, что границы владений царя картлийского «суть границы наши и что прикосновение к ним удостоверит нас в полной мере в нежелании Портою сохранять с нами мир и спокойствие». В случае если бы Порта «оказала податливость исправить свой непрличный поступок» (отказ наказать ахалцихского пашу), Булгакову поручалось «сказать к их успокоению, что мы никогда не искали войны, да и не имели бы ее с Портою, если бы они сами к тому нас не побудили, что и теперь от них зависит сохранить мир, оставшись спокойными и не подкрепляя ни прямо, ни посредственно свое-вольств тамошних народов, что распространение торговли на обе стороны выгодной, сопряженное с мирным и согласным с соседями пребыванием, мы, конечно, предпочитаем всякому завоеванию, не имея в сем последнем нужды по пространству и величеству империи нашей...» Насколько твердую позицию занимала Россия в отношении защиты Грузии от посягательств на нее со стороны Турции, видно из той же инструкции Булгакову. Последний должен был решительно дать знать французскому послу, «что дело, касающееся до принятия царя Ираклия с его владениями под державу нашу, есть из числа тех, в коих мы не потерпим ни малейшей перемены или уменьшения, что потому всякое в сем артикуле со стороны Порты беспокойство, препятствие, наипаче же присвоение помянутых областей будет неминуемым поводом к восстановлению войны... и ныне сохранение спокойствия и отвращение дальних пагубных следствий зависит единственно от поправления Портою учиненного со

стороны ее непристойного и с дружеством несогласного поступка»¹.

Беспокойство за положение в Грузии видно также и из секретного письма Г. А. Потемкина-Таврического от 13 декабря 1786 г. на имя Булгакова.

Г. А. Потемкин писал, что в силу данных ему полномочий о принятии народов Кавказа в подданство России он намерен их использовать прежде всего в интересах обеспечения Грузии от бедствий, которым эти народы были прежде подвержены, а также в интересах охраны русских границ и укрепления зависимости всего Закавказского края от России².

Спешный характер военных мероприятий, проводимых Россией на Кавказе, определялся еще и тем, что в 1785 г. в Чечне началось восстание под руководством местного жителя Ушурмы, назвавшегося шейхом Мансуром. Это восстание имело свои глубокие социальные корни; оно явилось результатом внутренних противоречий, значительно обострившихся в среде горских народов под влиянием роста экономических связей с Россией и развития товарно-денежных отношений.

¹ Сборник РИО, т. 47, стр. 170—173.

² См. «Русский архив», 1865, стр. 407—410.

ГЛАВА VI

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ВО ВРЕМЯ ВОССТАНИЯ ШЕЙХА МАНСУРА И РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1787—1791 гг.

Уровень социально-экономического развития народов Северного Кавказа в конце XVIII в. был далеко не одинаков. Если общественный строй кабардинцев, кумыков, отчасти аварцев можно характеризовать как феодальный, хотя и не получивший еще окончательного развития, то лаки, чеченцы, ингуши и другие народы, населявшие горные районы, жили в условиях только еще складывающихся феодальных отношений, хотя и у них уже имела место общественная дифференциация: феодализирующимся старшинам противостояла масса զбездоленной бедноты и абреков.

К 80-м годам XVIII в. противоречия между социальной верхушкой горского общества — князьями, ханами, беками, — с одной стороны, и простым народом — с другой, заметно обострились. Феодализирующаяся знать захватывала в свои руки землю и ставила в зависимость от себя простых горцев. Постоянно враждя между собой, кумыкские, кабардинские и осетинские феодалы втягивали в свою междоусобную борьбу зависимый от них простой народ.

Эти междоусобные распри, так же как отсталость и разобщенность горцев, их растущее недовольство все усилившейся феодальной эксплуатацией — ростом крепостной зависимости и притеснениями со стороны старшин, использовал русский царизм в своих колониальных интересах, утверждая свое господство на Северном

Кавказе. Так, например, генерал-майор Шемякин писал П. С. Потемкину 29 апреля 1786 г. по поводу раздоров между ведущими княжескими кабардинскими фамилиями: «Я расстройство их приемлю по настоящему положению нужным, стараясь усилить оное, извещая их между тем, что доношу Вашему высокопревосходительству и что с прибытием вашим должны они ждать Вашего высокопревосходительства рассмотрения»¹.

Как уже говорилось, одной из форм протesta горского населения против феодального угнетения было массовое бегство крестьян от своих владельцев к русским, на «линию». Там их принимали и обращали в христианство, что освобождало беглого от подчинения его бывшему феодалу и от принудительного к нему возвращения.

В Моздоке была создана специальная миссионерская контора для распространения христианства среди осетин. Опираясь на поддержку местной русской администрации, миссионеры успешно действовали и среди других кавказских народностей. Правда, они иногда сами признавали, что успех их деятельности следует относить за счет холста, выдававшегося в подарок каждому новохрещенному, что нередко приводило к повторному крещению одних и тех же лиц. Команданты крепостей, расположенных на «линии» в 1783—1786 гг. часто доносили о массовом бегстве крестьян, а иногда и узденей со своими семьями от местных князей-эксплуататоров и об их желании принять христианство и поселиться около «линий» под защитой русских.

На этой почве происходили постоянные конфликты между кабардинскими феодалами и царской администрацией. В 1786 г. П. С. Потемкин вынужден был написать кабардинскому старшему князю М. Баматову и через него всем владельцам и узденям: «Ежедневно почти из Кабарды черный народ выбегает и, принося жалобы на владельцев и узденей в притеснении ими чином, просят и защиты им и позволения здесь селиться»². П. С. Потемкин предложил направить к нему по одному представителю от четырех главных феодальных фамилий и одного-двух представителей от духовенства для рас-

¹ ЦГАДА, разр. XXIII, д. 13, ч. 17, лл. 111—112.

² Там же, ч. 12, л. 493.

смотрения жалоб крестьян и показаний владельцев и узденей.

В том же 1786 г. полковник Таганов доносил из Моздока, что из Малой Кабарды прибыли 70 человек простого народа и старшин с жалобой на своих владельцев Алхасова и Коргокина и узденей, которые «без всякой причины довели их к крайнему в убытках разорению»¹.

Кабардинские владельцы, в свою очередь, жаловались на то, что бегство крестьян ставит их в трудное положение. 12 ноября 1786 г. Мисост Баматов, Коргока и Муса Карамурзины, Касаев, Аджиев и другие писали П. С. Потемкину: «Осмеливаемся донести Вашему Высокопревосходительству, что холопья наши кабардинцы, разбегавшись от нас, находятся жительством около крепостей: Георгиевской, Павловской и в Моздоке. Кабардинцы же, лишаясь их приходят во оскудение. Мы все-нижайше просим Ваше Высокопревосходительство приказать нам с холопьями нашими помириться»².

Эти факты говорят о том, что в конце XVIII в. классовые противоречия среди горского населения Северного Кавказа, особенно у кабардинцев и кумыков, достигли большой остроты и что царская администрация использовала эти противоречия в своих интересах. Разумеется, интересы феодалов были ей ближе; с феодалами и старшинами у представителей царских властей был общий язык, интересы феодалов обеспечивались царским законодательством, в силу которого за ними закреплялись земли, а сами они привлекались на военную службу, получали дворянство, а с ним различные льготы, денежные вознаграждения, пенсии, чины, ордена. Кроме того, именно в знатных семьях царские власти брали аманатов.

Среди горских князей, старшин и узденей были и открытое враги царской России, которые предпочли бы господство Турции; однако таких было меньшинство. Они находились под постоянным наблюдением приставов; их дети преимущественно и брались в аманаты. После пребывания в Науре или другой русской крепости заложники нередко возвращались домой со званием офицеров царской службы.

¹ ЦГАДА, разр. XXIII, д. 13, ч. 15, л. 94.

² Там же, л. 100.

Наиболее ярым противником России было мусульманское духовенство. Его антирусская пропаганда встречала сочувствие не только у некоторой части феодалов, но и среди простых горцев, особенно в наиболее отсталых племенах. Мусульманское духовенство разжигало недовольство кумыков и кабардинцев действиями царской колониальной администрации. Поводов для этого было достаточно. Так, например, один из кумыкских владельцев по имени Али-султан так объяснял причину недовольства кумыков: «...видали мы наперед сего немалые себе обиды во время бытности господина генерала де Медема к притеснению нашему. Под предлогом убийства нами армянина взыскано с нас напрасно до шести тысяч баранов, да сто восемьдесят рублей денег. Да сверх того, захватили у узденя нашего аксаевские владельцы, наглым образом, до шести же тысяч баранов и пять человек «есырей» (плленных); да отняли у нас хлебопашные места, состоящие за рекою Койсу, да и других обид было нам немало»¹.

Игнорирование царской администрацией интересов горцев, захваты их земель для русских поселенцев, насижение на Кавказе русских помещиков из числа генералов и высших царских чиновников — все это вызывало недовольство кавказского населения.

В 80-х годах XVIII в. почва для вспышки стихийного движения на Северном Кавказе была достаточно подготовлена. Напряжение еще более усилилось после землетрясения, произшедшего в начале 1785 г. Это землетрясение и послужило поводом к выступлению Ушурмы (шайха Мансура).

Ушурма начал свою деятельность как религиозный проповедник. Первые сведения о нем были получены от генерал-майора Пеутлинга, который 8 марта 1785 г., вслед за сообщением о землетрясении, писал: «За рекою Сунжою, в алдынской деревне сказался предзназатель о будущих событиях, преклоняющий, в невежестве по грубой слепоте погруженной суеверный народ, к повиновению себе; сказывал, что имеет откровение»².

Религиозная проповедь Ушурмы имела особенный успех среди наиболее отсталых в экономическом отно-

¹ ЦГАДА, разр. XXIII, д. 13, ч. 12, л. 261 об.

² Там же, ч. 10, лл. 143—144.

щении и политически забытых горских народностей; она явилась понятной для них формой агитации против России. Лишь немногие позволяли себе открыто высказывать сомнения в пророческом даре Ушурмы.

Выступление Ушурмы не замедлили использовать некоторые кавказские феодальные правители. Агенты генерала Пеутлинга доносили ему, что в чеченском ауле Алды, где впервые объявился проповедник, было получено письмо от аварского Ум-хана. В этом письме Ум-хан извещал Ушурму и всех жителей о получении им из Турции подарков, требовал собрать войско и объединиться со всеми мусульманами; сам он также собирался прибыть в аул Алды. Жители всех окружающих аул Алды деревень открыто готовились к походу и изготовляли знамена; они собирались выступить в горы и в Кабарду «для приведения всех тамошних жителей в магометанский закон».

Генерал Пеутлинг предполагал, что собранный Ушурмой народ может быть направлен и против русских крепостей. Комендант Владикавказа подполковник Матцен сообщил ему, что «ложепророк» стал известен и у них. Одновременно он доносил об участившихся случаях нападения горцев на небольшие группы солдат, выходивших из крепости для рубки леса.

Подобные известия заставили царское военное командование принять меры предосторожности. Генерал Пеутлинг предписал Астраханскому и Томскому полкам и Кабардинскому егерскому батальону быть готовыми к выступлению. Полковник Савельев должен был «приложить старание сего народного возмутителя захватить»¹. Ряд донесений из различных мест Северного Кавказа свидетельствует о тяге в этот период времени простых горцев к Ушурме. Так, бывший в Малой Кабарде майор Жильцов сообщил 26 июля 1785 г.: «А черный народ в селениях доловых (т. е. принадлежащих кабардинскому князю Долу, примкнувшему к Ушурме. — Н. С.) и узденя Виорда — все поспешно приуготовляютца к бегству»². Комендант Кизляра бригадир Вешняков отправил своих агентов в деревни, население которых примкнуло к Ушурме. Один из этих агентов, Али

¹ ЦГАДА, разр. ХХIII, д. 13, ч. 10, лл. 144—145.

² Там же, л. 258.

Алхасов, доносил 15 октября 1785 г.: «У имама войска не более трехсот человек и то совсем не из знатных, а из бродяг разных деревень»¹. Тарковский шамхал Бамат в своем письме подтверждал, что из его подвластных «хороших людей» к Ушурме никто не присоединился: «Да уехать за силою моих повелений не осмелится, разве какой-нибудь бездельник отважится пуститься на такую дерзость. Но с теми, со всеми не упущу поступить со всей строгостью своей воли»².

Ушурма понимал, что в борьбе против России нельзя было целиком положиться на феодальных владельцев и старшин, ибо большинство из них не были противниками колониального режима царизма. Поэтому он решил использовать в своих целях недовольство простого народа, действуя при помощи религиозной пропаганды. Многие местные феодалы и старшины, поняв, что это загрывание Ушурмы с простым народом для них не опасно, заняли по отношению к нему благожелательную позицию, не принимая, однако, активного участия в его враждебных России выступлениях. Они, видимо, выжидали, на чьей стороне будет перевес.

В августе 1785 г. генерал-поручик Леонтьев, замечавший отсутствовавшего в то время главноначальствующего на Кавказе П. С. Потемкина, сообщал, что во время его пребывания в Кизляре владельцы из кумыкских сел Андреевского и Аксайского заявили ему, что сколько они ни задерживали своих холопов, те тайно уходили в толпу «развратника», т. е. Ушурмы. Владельцы и старшины этих сел подтвердили свою присягу в преданности русским властям, заверив, что «будут стараться скопищам лжепророка препятствовать проходить через их земли и давать тотчас знать нам о всех его намерениях против нас»³.

Вскоре Ушурма предпринял боевые действия против Кизляра. Крепость Кизляр, одна из старейших на Кавказе, занимала важное стратегическое положение между Северным Кавказом, Дагестаном и Закавказьем. Через Кизляр проходил путь, связывавший Кавказскую линию с Астраханью; он являлся военно-административным

¹ ЦГАДА, разр. ХХIII, д. 13, ч. 10, л. 372.

² Там же, л. 392.

³ Там же, лл. 250—251.

и важным экономическим центром Северного Кавказа. Однако главная квартира П. С. Потемкина находилась не здесь, а в Екатеринограде, расположенному в центре Кавказской линии.

Предпринятая Ушурмой военная операция против Кизляра не могла вызываться соображениями его религиозной деятельности. Для распространения ислама среди горцев целесообразнее было бы действовать в горных районах, примыкающих с востока к Кабарде, и в самой Кабарде. Но Ушурма открыто пошел на военное столкновение с русскими властями.

6 мая 1785 г. князь Г. А. Потемкин-Таврический предписал П. С. Потемкину двинуть против находившегося в ауле Алды Ушурмы отряд войск. Командир отряда полковник Пиери должен был «требовать лжепророка в руки, и буде бы какое тут открылось затруднение и упорство, то стараться хоть силою достать сего обманщика и восстановить нарушенное им в том краю спокойствие». «Весьма желательно, — добавлял Потемкин, — чтобы дело сие было кончено без пролития крови»¹.

Первое выступление против Ушурмы отряда русских войск в составе Астраханского пехотного полка, батальона егерей, кавалерии и двух орудий оказалось неудачным. Возвращавшийся после разгрома аула Алды отряд 26 июня был окружен в лесу и уничтожен горцами. Около 200 человек попало в плен, больше 300 было убито, в том числе полковник Пиери и 8 офицеров. Престижу царской армии был нанесен тяжелый удар. Сподвижники Ушурмы поспешили выдать эту победу за исполнение его пророчества.

Торопясь развить военный успех, Ушурма 15 июля 1785 г. подступил к Кизляру. Несмотря на отчаянную атаку, взять Кизляр Ушурме не удалось; он захватил лишь Каргинский редут, находившийся в 5 км от крепости. Неудачной была и попытка овладеть 29 июля небольшой крепостью Григориополисом. В течение 19 и 20 августа Ушурма вторично пытался овладеть Кизляром, имея на этот раз в своем распоряжении несколько тысяч человек. Однако сильным артиллерийским огнем и действиями кизлярского гарнизона, особенно терских казаков под командой кабардинского князя Бековича-

¹ ЦГАДА, разр. ХХIII, д. 13, ч. 10, л. 177.

Черкасского, атака была отражена, и на рассвете 22 августа горцы отступили.

Систематические военные неудачи и большие потери в людях решительно поколебали авторитет Ушурмы. Его сторонники начали понимать, что их жертвы напрасны, что пророчества Ушурмы о близкой победе, как и его уверения, что русские пушки и ружья неспособны причинить вреда правоверным мусульманам, не что иное, как обман. Наступило разочарование в Ушурме, вера в него была потеряна. Горцы поняли, что цели, которые он ставит, вовсе не отвечают их интересам; его даже стали подозревать в желании поссорить горцев с русскими властями только для того, чтобы вызвать жестокие репрессии со стороны царских генералов. Начался массовый отход горцев от Ушурмы.

Тогда он попытался перенести свою деятельность на кумыков и ногайцев с тем, чтобы с их помощью продолжать борьбу против царской России. Он стремился также привлечь к себе и кабардинцев. Ушурма, видимо, надеялся на то, что некоторые преданные ему кумыкские и кабардинские князья сумеют поднять своих людей. В сентябре 1785 г. генерал Шемякин сообщал, что кабардинцы получают письма от Ушурмы. Он считал, что по сборе жатвы они «собратятся на злодеяние»¹.

Комендант Константиноградской крепости Рок со своей стороны доносил, что в Кабарду ожидается прибытие Ушурмы для совместных с кубанцами действий против русских укреплений. В то же время один из узденей Большой Кабарды, Шабаз Гирей Куденетов, сообщил, что кабардинские владельцы Атажуко Мисостов, Наврузов и Акдемиров со своими людьми в числе более 300 человек собрались на р. Нальчике и решили напасть на станицу Прохладную, а сын Мисостова, по имени Арсланбек, с сотней людей уже отправился к Ушурме, который якобы поднимает всех дагестанцев для нападения после праздника («байрама») на русские границы². Еще раньше к Ушурме примкнул уже известный нам князь Малой Кабарды Дол. Все же надо сказать, что основная масса кабардинцев не признала Ушурму; тем самым он был поставлен в затруднительное положение.

¹ ЦГАДА, разр. XXIII, д. 13, в. 10, л. 447.

² Там же, л. 426.

Довольно быстрый отход от Ушурмы чеченцев, колебания кумыков и пассивность кабардинцев в тот момент, когда русское командование еще пребывало в состоянии растерянности, ясно свидетельствуют, что военное выступление Ушурмы против царской России не встретило сочувствия среди горского населения. Последнее еще не было подготовлено к такого рода борьбе. Выступление Ушурмы в то время было на руку султанской Турции, оно могло быть использовано ею во вред народам Кавказа.

Русские власти на Кавказе с самого начала рассматривали Ушурму как турецкого агента. Князь Г. А. Потемкин-Таврический еще в своем первом ордере на имя П. С. Потемкина от 26 апреля 1785 г., в связи с началом деятельности Ушурмы, спрашивал: «Нет ли каких сторонних тут подстреканий?»¹ В ордере от 2 августа того же года он высказался более определенно: Ушурма, по его мнению, «ложепророк, или лучше сказать — орудие, присланное от турок»². Эти слова в подлиннике подчеркнуты.

Конец 1785 г. был особенно тяжел для Ушурмы. Военные поражения, а также слухи о приближении царских войск и карательных экспедиций, грозивших полным разорением восставших селений, усилили разложение в его лагере. От Ушурмы начали отходить самые преданные ему люди.

Из своего аула Ушурма был вынужден перейти к кумыкам. Он надеялся удержать кумыков около себя и, опираясь на преданного ему андреевского владельца, князя Чепалова, поднять ногайцев.

В такой обстановке он сделал попытку усилить религиозную агитацию и навербовать людей для своего войска. Комендант Кизляра Вешняков в рапорте от 22 сентября сообщил, что недавно Ушурма послал во многие горские деревни своих людей для «призыва в свою толпу». Агент Кайтуко Баков доносил, что в письмах, полученных от Ушурмы, горское население призывалось после «байрама» идти к нему; пришедшие люди якобы увидят большого человека — «махдия» (мессию), который поможет им овладеть Кизляром³.

¹ ЦГАДА, разр. ХХIII, д. 13, ч. 10, л. 426.

² Там же, лл. 234—235.

³ Там же, ч. 11, л. 70.

Стремясь удержать перешедших на его сторону князей, а быть может, и не очень им доверяя, Ушурма взял от князя Чепалова, уздена Казбека Умашева и некоторых других владельцев их детей в качестве аманатов¹.

В октябре 1785 г. генерал П. С. Потемкин начал наступление против Ушурмы и сам во главе войска в 5698 человек пришел в Кабарду на р. Малку. В ноябре в Кабарде произошло столкновение сил Ушурмы с отрядом полковника Нагеля. Ушурма потерпел поражение и был вынужден покинуть Кабарду. Этим закончился первый период вооруженного выступления, поднятого Ушурмой — шейхом Мансуром.

С декабря 1785 г. начинается второй период деятельности Ушурмы. Покинувшие Ушурму князья и владельцы различных горских народностей направили царским властям просьбы о помиловании. Такие же письма с выражением полной покорности и с просьбой переманить аманатов поступили в ноябре—декабре 1785 г. и от старшин почти всех аулов, примыкавших ранее к Ушурме, в том числе и от старшин его родного аула Алды.

Представители царских властей объявили награды за поимку Ушурмы, а также тех князей и владельцев, которые остались ему верными. Полковник Матцен из Владикавказа за поимку кабардинского князя Дола назначил вознаграждение: 200 рублей деньгами, или 600 аршин холста, или 150 аршин сукна². За Ушурму бригадир Вешняков обещал 300 рублей. Однако это не дало результатов.

В то же время все чаще и настойчивее стали поступать донесения о появлении на Кавказе пришедших к Ушурме турецких агентов. В лагере Ушурмы о них говорили открыто, их видели, с ними беседовали. Русское командование, следя полученному наказу избегать «безвременного разрыва» с Турцией, долго не хотело предавать этот факт огласке. Генерал П. С. Потемкин даже сделал выговор коменданту Кизляра Вешнякову за донесение, в котором последний сообщал, что по его сведениям Ушурма ожидает военной помощи от Турции.

¹ ЦГАДА, разр. XXIII, д. 13, ч. 10, л. 364.

² Там же, ч. 11, л. 204.

Обескураженный Вешняков отвечал, что эти сведения идут из вполне достоверного источника, но раз они неугодны, то он впредь передавать их не будет.

Многие донесения, которые кавказское высшее командование получало в 1786 и 1787 гг., свидетельствовали о связях Ушурмы не только с местными турецкими властями, но и с центральным турецким правительством.

Так, полковник Савельев рапортовал 3 января 1786 г. из Наура, что вернувшиеся из Константинополя люди джангутского владельца Ахмат-хана привезли с собой от Порты в Дагестан, в Андреевское и Аксайское селения и к другим горцам письма, в которых обещается присылка денег и войск. 24 января Арслан Гирей Бабуков сообщил, что в секретном разговоре с ним кабардинский князь Мисост Куденетов сказал, что три недели тому назад из Константинополя от турецкого двора к шейху Мансуру приехали с лисьмами турки¹.

Позднее поступило донесение о том, что турецкое правительство отправило из Константинополя на Северный Кавказ муллу с приказом узнать, что представляет собой Ушурма, сумевший произвести «замешательство» среди горцев и поднять закубанцев. Об этом же говорилось и в «Записке», представленной русским послом в Константинополе Булгаковым Екатерине II. По словам «Записки», к Ушурме был направлен софта (кандидат в ученые богословы), чтобы определить, тот ли он, о ком предсказывал пророк Мухаммед. Софта пробыл у Ушурмы 25 дней и установил, что он не особенно набожен и вовсе не учен, хотя и не уклоняется от совершения молитв, предписанных законом.

Из приведенного в «Записке» разговора между Ушурмой и софтою видно, что последнего больше всего интересовали намерения Ушурмы в отношении России и проведенные им военные действия. Ушурма говорил, что не может ничего предпринять, пока к нему не прибудет человек, которого он ожидает, что часть его войска против его желания напала на русские границы и разбила несколько русских полков (?!). Ушурма просил, чтобы халиф (турецкий султан) приспал ему денег и начальника над войсками.

¹ ЦГАДА, разр. XXIII, д. 13, ч. 16, л. 42.

Софта пришел к выводу, что Ушурма вовсе не то лицо, которого ожидали по предсказаниям пророка, а обманщик, не пользующийся большим доверием в Дагестане¹.

Этот факт, как сообщает далее Булгаков, очень обрадовал Порту, так как появление настоящего пророка могло бы вызвать большие беспорядки во всей империи и «весьма гибельные последствия»². Однако к этому сообщению Булгакова следует относиться критически: подобные заявления Порты могли быть рассчитаны на то, чтобы усыпить бдительность посла и показать, что турецкое правительство вовсе не интересуется Ушурмой. Во всяком случае, сообщенные Булгаковым сведения, основанные на турецких источниках, независимо от достоверности отдельных фактов, подтверждали сообщения различных информаторов о появлении у Ушурмы турецких агентов.

Возможно, что турецкому влиянию следует приписать и новый метод мобилизации мусульман, который Ушурма начал применять в 1786 г. Ушурма стал требовать со всех горских аулов, с каждой мечети по два человека, а также десятую часть имевшегося у жителей хлеба для прокормления находившихся при нем людей³. Жители Андреевского и Аксайского селений должны были выставить по 10 человек с мечети и по 60 копеек с каждого двора. То же самое Ушурма потребовал и с Костековского селения, но его жители ответили ему, что ввиду отсутствия князя выполнить такое требование не могут. Лишь под угрозой строгого наказания они согласились выполнить требование при условии, что и другие селения пришлют Ушурме людей и деньги. Жителям Брагунского селения было предъявлено такое же требование с угрозой, что в случае отказа селение будет разорено.

В апреле 1786 г. комендант Кизлярской крепости бригадир Вешняков получил от Ушурмы письмо. Подлинник этого письма сохранился. Оно написано по-татарски; вместо подписи в правом верхнем углу — четырехугольная печать с арабским текстом, в конце которого ясно

¹ Под Дагестаном турки обычно понимали также и земли, примыкающие к Дагестану, вплоть до Терека.

² Сборник РИО, т. 47, стр. 181.

³ ЦГАДА, разр. ХХIII, д. 13, ч. 17, л. 38.

выделяются слова: «Имам ал Мансур». Содержание этого письма таково: «Через сие ваше высокородие уведомляю, что между нами и вами простирается война, а через это с обеих сторон смертоубийство и захваты людей. Так, по сему, не согласитесь ли вы за захваченных людей положить цену, чему мы, кумыкские, чеченские и кабардинские народы, все согласны. Если вы сами хотите воспользоваться, то о том дать нам знать, дабы после сего о цене ничего уже с обеих сторон не происходило. У вышеописанного желаю мы видеть в скором времени»¹.

Как видно из этого письма, Ушурма, без всяких оснований присвоив себе право говорить от имени горских народов, считал их в состоянии войны с Россией. Вешняков ответил ему, что он весьма удивлен упоминанием о какой-то войне, которая якобы имеет место. Хотя и происходили, писал Вешняков, с вашей стороны неустройства и грабежи, однако «не считаю, чтобы добрые и честные люди в оном приняли или лаки пожелали принять участие, и особенно, когда все горские народы через опыты знают, сколь велико могущество и сила нашей высокомилостивой государыни, е. и. в. равно и сколь, напротив, велико ее милосердие к прибегающим под ее величества покров». В заключение Вешняков сообщал, что обо всем донес главнокомандующему Потемкину².

Нельзя не отметить, что восстанию, поднятому Ушурмой, во многом содействовали жестокие репрессии, применявшиеся к горскому населению некоторыми русскими военными начальниками. Одним из таких начальников, жестоко расправлявшимся с простым народом, был бригадир Кнорринг, который в рапорте от 7 августа 1786 г. доносил, что на реке Куме, «вчера и севодни истребляли посланными для того казачьими полками и калмыками к потоптанию лошадьми абазинского хлеба. А который за сим остаетца, предписал я господину премьер-майору и походному атаману Янову — зжечь»³. Подобные действия представителей царского командования лишь восстанавливали горцев против России и мешали ликвидации восстания.

¹ ЦГАДА, разр. ХХIII, д. 13, ч. 17, лл. 73—74.

² Там же, л. 73.

³ Там же, ч. 28, л. 208.

К весне 1786 г. положение Ушурмы несколько улучшилось. Известные результаты дали, с одной стороны, принятые им меры к насильственной мобилизации людей и денег, а с другой — обещание активной помощи некоторыми феодалами. Но несмотря на это, обстановка на Северном Кавказе и особенно в районах, охваченных восстанием, складывалась все же в пользу России. К середине 1786 г. не только кабардинские князья, но и тарковский шамхал Мухаммед, а также владельцы и уздени селений Аксайского и Андреевского, примыкавшие ранее к Ушурме, обратились к русскому командованию с письмами, в которых просили высочайшего повеления «о даровании нам в преступлениях наших прощения, воображая, что рабы и слуги без прегрешения, а владельцы без милосердия не бывают»¹. Что касается князей Малой Кабарды, то они, за исключением Дола, писали: «К имаму мы не касаемся и никак его не слушаемся»². Решающую роль в отходе от Ушурмы многих князей и владельцев, до этого времени еще занимавших выжидательную позицию, сыграло вторичное вступление в Кабарду русских войск П. С. Потемкина.

Большой потерей для Ушурмы был уход от него двух феодальных владельцев — кабардина Дола и кумыка Чепалова. Правда, второй несколько раз после декабря 1785 г. вновь возвращался к Ушурме, но Дол был принужден под давлением русских властей в июле 1786 г. окончательно покинуть «пророка». Князь Дол в его показаниях русским властям не пожалел красок, чтобы описать развал в лагере Ушурмы. Он говорил, что к моменту своего ухода он при Ушурме никого «из дальних народов не видел». Хотя нынешней весной Ушурма разглашал, что к нему из Турции и из Ирана будет прислано войско и хотел по-прежнему собрать народ, «но никто ему в том не верит и не собирается».

Сдача Дола русским и помилование его произвели сильное впечатление на сподвижников Ушурмы. В августе 1786 г. полковник Нагель доносил, что кумыки-аксаевцы собрали совещание и под присягой вместе с андреевцами «как владельцы, так и простой народ, согласились принести повинную и просить о помилова-

¹ ЦГАДА, разр. ХХIII, д. 13, ч. 12, л. 261.

² Там же, л. 194.

нии»¹. Он писал, что Ушурму этот народ (кумыки) никогда не считал законоположником и теперь таковым не считает. Ушурма для них тот человек, «который сверх чаяния успел было всех собрать в то время, когда уже частое было негодование».

В письме, с которым аксайские и андреевские кадии обратились от своего имени и от имени старшин и всего народа к коменданту Кизляра Вешнякову, была сделана попытка объяснить причины, побудившие народ поддержать Ушурму. Прежде всего, это были частые обиды и притеснения со стороны местных владельцев. «Просили мы запретить отнимать им у нас безвинно скот наш; за воровство же и шалости наложить на творящих оное штраф... Но не видя укroщения, дошли до совершенной крайности и принудительными нашлись, согласясь с другими присягнуть имаму с тем, чтобы разбирались ссоры и тяжбы наши по закону, обидчики от обид и наглостей былидержаны, воры были наказаны, включая притом и то, чтобы быть к России в верности». В заключительной части письма говорилось, что «если угодно будет с имамом примириться, то они, кадии, с усердием это выполнят»².

В сентябре 1786 г. с нескольких пунктов «на линии» стали поступать донесения, что все покинули Ушурму и он с несколькими спутниками поехал на Кубань³. Как впоследствии показал сам Ушурма, в это время он действительно ездил за Кубань, к туркам. Об этом же рассказал и горец Чаге, уроженец Алды: вскоре после возвращения из-под Кизляра Мансур отправился в первый раз в Анапу, оставив его (Чаге) при своем семействе⁴. 10 сентября 1786 г. полковник Матцен сообщил П. С. Потемкину, что по донесению брагунского владельца Арсланбека Мудатова «всех возмутительских деревень жители выехали пахать, а также и скот весь из гор выпущен на степь»⁵.

В свете этих событий и следует рассматривать предпринятую Ушурмою в октябре 1786 г. попытку добиться амнистии. С этой целью он отправил своего шурина

¹ ЦГАДА, разр. XXIII, д. 13, ч. 18, л. 257.

² Там же, ч. 12, л. 329.

³ Там же, ч. 14, л. 206.

⁴ Там же, разр. VII, д. 2788, лл. 6—11.

⁵ Там же, разр. XXIII, д. 13, ч. 14, л. 43.

Этту Батырмузина в русский лагерь. В первом своем показании, 20 октября, Этта сообщил, что отправлен Ушурмою тайно с просьбой о прощении. «Он (Ушурма) считает себя избранником бога не для разбоев, но для удержания мусульман от злых дел и шалостей. Однако, те народы брали неволею его (Ушурму) с собой в российские места против войск российских (имеется в виду нападение на Кизляр. — Н. С.). Ныне видит он, что те народы на него не смотрят и не слушаются. Он от них спасается, чтобы его не убили, или не выдали русским. И для этого просит пощады и помилования». В заключение Этта сказал: «Если он, Ушурма, будет прощен, то ни с какой стороны род татарский (вернее — горский. — Н. С.) не будет делать шалость России, а всех он может от того удержать и будет стараться их успокоить»¹.

При вторичном допросе, 17 ноября того же года, Этта ответил на поставленные ему вопросы, которые охватывают всю историю выступления Ушурмы, начиная с того, как и почему он «возмечтал себя назвать пророком». Из ответов видно, что Ушурма был связан с турками. Этта сказал, что в скором времени после объявления Ушурмы пророком к нему прибыл от ахалцихского паша турок с письмами и подарками. После поражения в Малой Кабарде Ушурма бежал к владельцу Долу, от него — к карабулакам и затем в свой аул Алды, «где принят был от народа без того почтения и доверенности, какую они прежде ему чинили».

Весною этого года, показал Этта, Ушурма хотел вновь привести в послушание народы и начал требовать с деревень в «каманаты» по десяти человек. Одновременно он условился, что закубанцы соединятся с ним в Кабарде для общего нападения на русские укрепления. В данное время Ушурма народом оставлен и не имеет средств к возобновлению военных действий, но по-прежнему себя называет имамом².

Эти показания свидетельствуют о полном провале всех планов Ушурмы; горцы его окончательно покинули. Трудно сказать, чем руководствовался генерал П. С. Потемкин, когда не принял просьбу Ушурмы о помиловании, требуя безоговорочной сдачи. Этим шагом он только

¹ ЦГАДА, разр. XXIII, д. 13, ч. 14, л. 459.

² Там же, ч. 15, лл. 146—151.

затянул ликвидацию восстания. Сложная обстановка на Кавказе в связи с восстанием Ушурмы была использована султанской Турцией, рассчитывавшей на поддержку со стороны кавказских народов.

В 1787 г. Турция начала усиленно готовиться к войне с Россией. Послы Франции, Швеции и Пруссии предлагали туркам свои услуги, обещали деньги, флот, вооружение, инструкторов и даже войска. Пока в Константинополе велись сложные дипломатические переговоры, турецкое правительство развивало кипучую деятельность на Кавказе. Полученные от иностранных покровителей деньги щедрой рукой раздавались вместе с халатами, саблями, султанскими фирмантами и прочими подарками кавказским ханам и князьям. Рассчитав, что восстание на Кавказе не только затруднит положение русских в Грузии, но и отвлечет часть русских сил от европейского театра военных действий (в это время продолжалась война России со Швецией) и от Крыма, Турция уделила Кавказу особенное внимание.

В пограничные с Кавказом турецкие крепости, в том числе и в Ахалцих, был отправлен султанский фирмант о близком разрыве с Россией и уведомлением, что 52 тыс. турок будут двинуты к Арпачаю. Ахалцихский паша Сулейман был назначен сераскиром (командующим). Порта потребовала от него, чтобы он заготовил провиант и все необходимое для войск и не отпускал находившихся у него лезгин, предназначавшихся для вторжения в Грузию.

Одновременно через Баязет, Нахичевань и Шушу был отправлен в Дагестан капиджи-баша для возбуждения горцев против России. С ним было послано 80 тыс. червонцев и 30 халатов для подарков разным ханам и влиятельным лицам.

Назначенный Турцией главным сераскиром в Азербайджане Ахмед-хан хойский должен был вместе с азербайджанскими ханами перейти в подданство Турции и действовать против России. Точно так же должен был поступить и Омар-хан аварский, потерпевший сильное поражение в Грузии в 1786 г. Он получил от султана саблю и шубу.

В марте 1787 г. турецкие агенты с подарками появились в Дагестане и Кабарде у крупных горских князей.

Что касается Ушурмы, то ему султан послал в подарок часы и подзорную трубу.

Турки возлагали большие надежды на Ушурму. Однако, несмотря на то, что он вновь развел активную деятельность, она не увенчалась успехом.

В апреле полковник Савельев известил, что из-за Кубани, от суджукского паша, приехал человек с письмом к Ушурме. В его задачу входило помочь Ушурме вновь войти в доверие к горским народам¹. Из донесения бригадира Нагеля от 11 апреля видно, что Ушурма говорил своим близким людям о прибытии к нему войск от турок, а также от аварского хана, шамхала и уцмия. Это известие, однако, не произвело никакого впечатления на горцев. Более того, они посыпали нарочных и к шамхалу, и к уцмию спрятаться о том, готовы ли те оказать Ушурме помощь, «и всюду нашли его обман». Но такое отношение горцев не остановило Ушурму; он заявил, что разорит всех приверженцев русских.

В мае — июне 1787 г. Ушурма усиленно агитировал население горских аулов, настаивая на необходимости собрать новое войско, якобы для защиты имущества горцев от русских войск. Была устроена сходка и в его родном ауле Алды, но жители «разошлись ни в чем не согласясь; колеблются, потеряв к обманщику веру»². Тогда Ушурма обратился к горцам с особым посланием, в котором сделал попытку поднять их, используя религиозную аргументацию. «Да будет всем ведомо, — писал Ушурма, — что в день пятницы намерен я итти на брань с беззаконными, почему приглашаю вас непременно в пятницу ко мне съехаться. Ибо, как писано в Коране, когда мусульмане начнут бой с неверными в пятницу, то беззаконных одолеют»³.

Но не помогли эти религиозно-демагогические воззвания. В мае 1787 г. все горцы, жившие в области, простиравшейся до р. Сунжи, в том числе и жители аула Алды, начали пахать землю⁴. Это был признак прекращения восстания.

Наконец, 3 июля 1787 г. старшина Кайтуко Баков сообщил о том, что весь народ от Ушурмы разошелся

¹ ЦГАДА, разр. ХХIII, д. 13, ч. 22, л. 114.

² Там же, л. 135.

³ Там же, ч. 20, л. 382 (подлинника в деле нет).

⁴ Там же, ч. 22, л. 270.

по домам, а сам он вот уже четыре дня как скрылся из своего аула Алды. Вскоре было установлено, что 5 июля 1787 г. Ушурма переправился через Кубань и находился в доме владельца Камамета Мансурова на р. Большой Инжик.

Сведения, поступившие из различных кумыкских и других горских аулов, подтверждали, что горцы довольны уходом Ушурмы.

Его протурецкая деятельность не нашла поддержки у горских народов. Трудящиеся горцы поняли, что Ушурма дать им ничего не может. Но уход Ушурмы за Кубань еще не свидетельствовал о его желании покончить с «пророческой» антирусской деятельностью. Напротив, Ушурма для того и был призван турками за Кубань, чтобы усилить эту деятельность среди закубанских и ногайских племен.

Накануне войны с Россией Турция рассматривала Закубанский край как удобный плацдарм для вторжения в Кабарду и разгрома Кавказской линии. Наряду с регулярными войсками, которые могли быть двинуты на Кавказ, турецкое правительство возлагало большие надежды на закубанцев, враждебно относившихся к русским.

Ушурма был нужен туркам для того, чтобы при помощи официально присвоенного ему султаном звания имама, спекулируя на религиозном фанатизме, объединить закубанские племена и использовать их в войне. Кроме того, турки полагали, что, действуя отсюда, Ушурма сумеет установить связь с горцами и в качестве имама сможет руководить их борьбой против России. Действительно, обосновавшись за Кубанью, Ушурма стал открыто сотрудничать с турками.

Начиная с 16 июля 1787 г., к русскому командованию систематически стала поступать информация о выступлениях Ушурмы с религиозными наставлениями, в которых он пытался внушить каждому своему последователю, что тот обязательно победит 10 русских.

Кроме того, Ушурма рассыпал письма своим горским и кабардинским единомышленникам. Такие письма были получены в Андреевском и других горских селениях. В них Ушурма требовал от всех правоверных мусульман быть единодушными и строго следовать его наставлениям. Закубанские народы, сообщал он, уже

почитают его как имама. Как только он получит от турок войско и снаряды, он немедленно прибудет на Северный Кавказ «защищать народ от русских».

Бригадир Нагель, который докладывал русскому командованию об этих письмах, отмечал, что сообщения Ушурмы об ожидаемой им турецкой помощи беспокоили горское население¹. Народ боялся Ушурмы, который мог прийти вместе с крымцами и всех разорить; поэтому горцы поспешили убрать с полей просо. Правда, добавлял Нагель, среди горцев есть и такие, которые Ушурме не верят и сомневаются в том, что он здесь вновь появится². В рапорте Нагеля от 10 августа говорилось, что в новом письме Ушурма просил горцев потерпеть с месяц и не давать России никакого обещания и не быть ей верными³. Можно полагать, что Ушурма был хорошо осведомлен о времени открытия военных действий против России, которые начались в сентябре 1787 г.

Решив объявить войну России, Турция начала с того, что нарушила постановление о Молдавии и Валахии, согласно которому жители этих княжеств на два года освобождались от податей и воспрещалось сменять господарей. Не было выполнено Турцией условие об удалении запорожцев за Дунай; напротив, они были поселены вблизи русских границ.

15 июля 1787 г. реис-эфенди вручил русскому посланнику Булгакову ultimatum, в котором требовал: 1) выдачи молдавского господаря Маврокордато, бежавшего в Россию; 2) отзыва русских консулов из Ясс, Бухареста и Александрии; 3) допущения турецких консулов во все русские гавани и торговые города; 4) признания грузинского царя Ираклия II поданным Турции; 5) осмотра всех русских кораблей, выходящих из Черного моря; 6) установления для турецких купцов пошлины, не превышающей 3%.

Булгаков, естественно, не согласился принять этот ultimatum. Спустя несколько дней он опять был призван к реис-эфенди, который на этот раз потребовал, чтобы Россия возвратила Турции Крым и уничтожила договор о вечном мире. Удовлетворить это требование

¹ ЦГАДА, разр. XXIII, д. 13, ч. 23, лл. 312—313.

² Там же, л. 335.

³ Там же, л. 374.

Булгаков не мог, и 5 августа 1787 г. он был арестован турками и заключен в Семибашенный замок.

9 сентября 1787 г. Екатерина II издала манифест о разрыве с Турцией и открытии военных действий. Но турки еще 21 августа без объявления войны напали на два бота, находившиеся в Очаковском лимане, и отправили отряд из Суджука к черкесам для немедленного вторжения в пределы России совместно с Ушурмой и его людьми. Узнав об этом, генерал-поручик П. С. Потемкин с отрядом в 8 тыс. человек при 35 орудиях переправился 20 сентября через Кубань. Цель его была уничтожить Ушурму, который во главе закубанских и ногайских орд численностью в 8 тыс. человек находился между реками Урупом и Лабой. В течение 20—22 сентября произошло несколько столкновений, закончившихся поражением Ушурмы. В октябре он был окончательно разбит на р. Урупе и бежал в Анапу.

С этого времени и вплоть до падения Анапы в 1791 г. Ушурма оставался в этой крепости. Турки, видимо, решили использовать его исключительно как религиозного агитатора. От его имени рассыпались из Анапы во все концы Кавказа возвзвания, в которых Ушурма, ссылаясь на свое звание имама, требовал от мусульман «встать на защиту ислама».

В конце октября 1787 г. кабардинцы численностью в 5 тыс., в том числе 36 князей, под командой генерала Горича, кабардинца по происхождению, напали на находившихся на противоположном берегу Кубани абазинцев и башилбайцев, перевели абазинцев на кабардинскую сторону р. Кубани и письменным договором обязали их быть верными России.

24 декабря 1787 г., узнав, что небольшое количество турок и 300 абазинцев при 2 орудиях (médные пушки) следуют в Суджук-кале, генерал Горич с 500 кабардинцами, в числе которых было 22 владельца, разбил этот отряд; пушки были доставлены в Георгиевскую крепость¹.

Представляя Екатерине II доклад об этих успешных действиях кабардинцев, князь Г. А. Потемкин просил удовлетворить их землею, которая была от них отнята.

¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 369—370.

В 1789 г. новый турецкий султан Селим III издал фирман, обращенный ко всем мусульманам, живущим на Кавказе, в частности к кабардинцам, чеченцам, кумыкам, дагестанцам. Он призывал все горские народы соединиться с турками для общего выступления против России: «Ныне наступила священная война против неверных московитов; для того ко всем исповедующим Мухаммеда высочайший сей фирман послан с тем, чтобы по получении его, не медля ни одного часа итти на брань и начать немедленно поражать противника... Разоряйте и расхищайте их области; берите в плен жен и детей, обогащайтесь их пожитками, истощайте все силы оказать вашу ревность».

Далее в фирмане сообщалось о скором появления на Кавказе «победоносного» Гусейна Батал-паши с 60-тысячным войском и многочисленными пушками для избавления горцев от России и с большой казнью для награждения отличившихся.

В заключительной части фирмана говорилось: «Кто видев сей мой фирман будет затем держаться стороны неверных, тот сущий богоотступник и я никогда не перестану таковых преследовать и коль скоро попадется в мои руки, в тот же час повешен будет. А кон окажутся непослушны нашему Мансуру эфендию, таковых пожитки разграбить и самих поработить дозволяется в пользу верного воинства; всякий без греха и зазора именем и животом таковых обогащаться может»¹.

Для предупреждения этого выступления турок было предписано генералу Бибикову предпринять движение за Кубань, которое окончилось неудачно. Не овладев Анапой, русские войска вынуждены были отступить с большими потерями.

Эта неудача была использована для усиления антирусской агитации среди кабардинских князей. Однако эта агитация, в том числе и султанский фирман, и письма Ушурмы, не возымели должного действия. Лишь отдельные кабардинские князья, в частности род Жанбулатов, выступили в пользу турок. В ноябре 1789 г. в Кабарду были введены два батальона егерей с пушками.

¹ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1789—1796, д. 485, лл. 88—89.

Летом 1790 г. турки перешли на Кубанском фронте в наступление, и их командующий Батал-паша отправил чиновника к кабардинцам с подарками и письмами от Ушурмы, приглашая их к совместным действиям против России. В то же время Батал-паша старался склонить к нападению на Кизляр дагестанцев и хана Ширвана.

Узнав об этом, князь Г. А. Потемкин писал новому командующему войсками генерал-поручику Бальмену, сменившему Бибикова: «Что кабардинцы... переписываются с турками, на сие не смотрите и скажите, что позволяю им от турок деньги брать, лишь бы пребывали верны к России. Объявите им, что я имею высочайшее повеление им сделать возможные выгоды, если пребудут верны и отвести земли, и чтобы они от себя ко мне прислали шесть человек доверенных людей: четырех от Большой и двух от Малой Кабарды, которым и дайте на путь пристойную сумму и как можно скорее отправьте»¹.

Батал-паша имел в своем распоряжении 8 тыс. пехоты, 10 тыс. турецкой кавалерии (под командой анапского паша Хаджи-Мустафы) и до 15 тыс. закубанской конницы. Его артиллерия насчитывала 30 орудий. С этими силами Батал-паша должен был вторгнуться в Кабарду и, подчинив ее господству турок, двинуться дальше к Кизляру. Именно на Кизляр был направлен главный удар турок. Захватив эту крепость, они могли бы оказывать давление на Дагестан и Закавказье; побережье Каспийского моря оказалось бы в их руках. Кизляр и был назначен местом встречи Батал-пши, Ушурмы и дагестанских владельцев.

Над Кабардой нависла серьезная опасность. Турки были уверены в успехе задуманного предприятия. «Самонадеянность, — говорится в одном документе, — была так велика, что ахалцихский паша Сулейман приглашал не только персидских ханов, но даже кумыкских владельцев напасть на Грузию, которая вероятно была бы разорена, несмотря на запрещение султана действовать с этой стороны, если бы мы потерпели серьезную неудачу на линии»².

¹ Н. Ф. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. II, СПБ 1886, стр. 265.

² «Кавказский сборник», т. XX, Тифлис 1899, стр. 317.

Ушурма действовал в контакте с турецким главнокомандующим. Об этом свидетельствует письмо, направленное им Батал-паше еще в июле 1790 г.:

«Свидетельствуя вам искренне мое почтение, даю через сие знать, что присланные от вас ко мне через Ахмета две тысячи французских червонцев я получил, которые и употреблены мною здешним жителям в раздачу, смотря по достоянию и мужественным подвигам. Причем утвердил я их пред Кораном присягою, чтоб идти им на празднике их Курбан-Байраме на Кизляр, то есть через двадцать дней от нынешнего числа. Вы же, почтенный паша, не оставьте известить нас письмом своим по прибытии вашем к Кубани, в укрепление, называемое Хажи-кала, и упредить нас известием вашим за двадцать дней до начатия вашего действия. Впрочем, не оставьте также изготовить для дагестанцев и персиян казны и провианта; казна же им, по бедности их, нужна будет на лошадей и сбрую ратную; я же имею из сих народов в готовности пятьдесят тысяч войска, весьма способного и храброго, которое и утвердил я на ополчение по долгу закона нашего заповедями божими и священным писанием; вы же, знаменитый паша не жалейте казны, от Порты на народ здешний присыпаемой, а народ здешний будет молить за вас бога»¹.

Однако встреча в Кизляре не состоялась.

28 сентября войско Батал-паши переправилось по двум бродам через р. Кубань и двинулось в Кабарду. Но вступить в нее ему не пришлось. На границе Кабарды турецкое войско было встречено русским отрядом, которым командовал генерал И. И. Герман. Произошло жестокое сражение. Турки были разбиты, сам Батал-паша сдался в плен русским.

Разгром турецких войск на границе Кабарды имел большое значение для ее дальнейшей судьбы. Кабардинский народ был избавлен от реальной угрозы вторжения турецких войск на его территорию, которое неизбежно принесло бы ему неисчислимые бедствия.

Эта победа над турецкими войсками значительно укрепила военный авторитет России на Кавказе и удержала от выступления на стороне турок многих еще

¹ «Кавказский сборник», т. XX, стр. 407—408. (Неизданные документы академика Буткова.)

колеблющихся феодалов. Как память об этом событии на месте разгрома турок возникла станица Баталпашинская.

В дальнейшем русским войскам было приказано переправиться через Кубань и идти на турецкие крепости и Анапу, «дабы истребить сие гнездо туроков, положив навсегда предел беспокойствам, которые Порта, подкупая и подушая закубанцев, в том крае производила». Руководил этим походом уже новый командующий генерал-аншеф И. В. Гудович.

Когда И. В. Гудович прибыл в январе 1791 г. на Кавказ, то узнал, что султан Селим III разослав открытый фирман мусульманскому населению Северного Кавказа, в котором грозил разлучить с женами и детьми всех тех, кто останется в бездействии в войне правоверных с гяурами (русскими).

Анапский Мустафа-паша уверял горцев, что уже собрано множество войска, обещал выслать деньги и требовал аманатов от кабардинцев. Ушурма уже не решался выйти из Анапы. Он рассыпал оттуда свои возвзвания, в которых писал:

«Я знаю достоверно, что война русских уже страшит; собираю теперь силы; ожидаю прибытия сюда войск правоверных и с ними соединясь, предприму наступление на русских. Не бойтесь угроз их. Настало уже время ослабления беззаконных и торжества мусульманов»¹.

Однако это уже не могло произвести желанных для Порты действий. Главнокомандующий И. В. Гудович полагал, что уничтожение турецких укреплений в Анапе внесет окончательное успокоение среди кабардинцев и черкесов. Весной 1791 г. он двинул на нее свои войска.

Надо сказать, что Анапа тогда представляла солидную крепость. Она имела семь бастионов, соединенных куртинами, и на протяжении более 1,5 км была ограждена глубоким выложенным камнем рвом, упиравшимся своими концами в море. За рвом тянулся вал, а за валом был устроен палисад. Со стороны моря Анапу ограждали скалистые берега; морская отмель препятствовала подходить к городу большим судам. Гарнизон

¹ Н. Ф. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. II, стр. 270; П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 до 1803 год. ч. 2, стр. 231.

крепости состоял из 10 тыс. турок и 15 тыс. татар, ногайцев, закубанцев и других горских племен. В крепости было 83 пушки и 19 мортир. Значительное число мелких вооруженных судов обеспечивало безопасность Анапы со стороны моря. Комендантом крепости был трехбунчужный Мустафа-паша.

22 июня 1791 г. в 8-м часу утра русские войска после штурма овладели Анапой. Им достались 95 орудий и 130 знамен. Неприятель потерял более 8 тыс. убитыми и ранеными. Взято в плен 5900 мужчин и 7588 женщин. В числе пленных были комендант крепости Мустафа-паша, его помощник — сын Батал-паша Таяр-паша, владелец анапской земли Магомед-Гирей Занов и много турецких чиновников. Был взят в плен и Ушурма. Основная масса пленных была отправлена в Крым. Ушурму как важного пленника срочно направили в Петербург. Там его судьба была определена секретным реескриптом Екатерины II на имя коменданта Шлиссельбургской крепости полковника Колюбакина.

В этом реескрипте от 15 октября 1791 г. говорилось, что шейх Мансур возмущал горские народы против России и после начала войны с Турцией «разные ко вреду нашей империи делал покушения». Находясь для допроса в Петербургской крепости, Ушурма, как сказано в реескрипте, «поразил ножом караульного, за что и окован в железо». В таком состоянии он и был препровожден в Шлиссельбургскую крепость «на безысходное в ней пребывание». В крепости было приказано снять с Ушурмы цепи, но иметь строгое за ним наблюдение, «дабы от него побегу или какого зла учинено не было».

13 апреля 1794 г. полковник Колюбакин сообщил в Тайную экспедицию о болезни и смерти Мансура¹.

Так закончилась деятельность Ушурмы (шейха Мансура), протекавшая с марта 1785 г. по июнь 1791 г. среди различных горских народностей, на сравнительно большой территории от р. Сунжи и Терека до Кубани.

Первый период деятельности Ушурмы показал, что он не ошибся в своих расчетах на поддержку горцев, недовольных колониальным режимом. Горцев толкала к Ушурме колониальная политика царизма, бесконеч-

¹ ЦГАДА, разр. VII, д. 2777, л. 44.

ные конфискации и контрибуции, а также антирусская пропаганда мусульманского духовенства. Что касается находившихся в условиях феодально-крепостнической эксплуатации кумыков и кабардинцев, то они на первых порах надеялись получить от Ушурмы облегчение своего тяжелого положения, найти справедливое решение извечного спора с эксплуататорами о праве их владения землей и скотом.

Но Ушурма не оправдал надежд простых людей. Он проповедовал ислам, который далеко еще не получил распространения на Северном Кавказе; его требование строгого выполнения предписаний шариата вызвало в народе недоумение и упорное противодействие.

Ушурма не стал на путь отмены налогов и обременительных повинностей, в том числе и накладываемых законами шариата; он не выступил против феодалов — главных угнетателей и классовых врагов кумыкского и кабардинского крестьянства; он не пытался обуздать старшин и кадиев различных горских племен, не задавался целью сделать земли, пастбища, леса, воду доступными каждому горцу.

Во всех крестьянских движениях почти всегда в той или иной форме проповедуется идея равенства. В. И. Ленин писал: «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства, — и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков¹. Эта идея равенства совершенно отсутствовала в выступлениях Ушурмы и его сообщников.

Ни Ушурма, ни поддерживавшее его мусульманское духовенство не призывали вовсе к борьбе за землю, к борьбе с эксплуататорами для осуществления идеи равенства. Их лозунги, вся их политическая программа не отвечали первоочередным, насущным интересам горцев. Движение, поднятое Ушурмой, не вылилось в прогрес-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 317.

сивное крестьянское движение. Отсюда и неудача выступления Ушурмы, хотя, как уже отмечалось, на первом этапе ему удалось поднять некоторую часть горцев, откликнувшихся на его призыв к восстанию в надежде добиться освобождения от колониального угнетения и растущей феодальной эксплуатации.

* * *

Узнав о падении Анапы, турки покинули Суджук. Уходя, они сожгли почти все дома и взорвали пороховые погреба. 30 июня русский отряд вошел в Суджук и разрушил его укрепления, после чего вернулся в Анапу. В Анапе по приказу Г. А. Потемкина также были срыты все укрепления. После этого русские войска 16 сентября 1791 г. возвратились на Кавказскую линию.

На обратном пути командование русской армией приводило к присяге племена, жившие между Анапой и Кубанью, и брало у них аманатов. Однако Г. А. Потемкин не одобрил этого: в отношении этих племен было велено «признавать их народами вольными, ни от кого не зависимыми».

Интересы объединения сил европейской реакции для борьбы против французской буржуазной революции ускорили окончание русско-турецкой войны. 29 декабря 1791 г. в Яссах был заключен между Россией и Турцией мирный договор, которым прежде всего подтверждалась трактат 1774 г. и акт 1783 г. о присоединении Крыма и Тамани к России и установлении русско-турецкой границы по р. Кубани.

Подтверждалась также принадлежность к Турции черноморского побережья вплоть до р. Кубани. Турция обязывалась «употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов, на левом берегу реки Кубани обитающих при границах ее, дабы они на пределы Всероссийской империи набегов не чинили, никаких обид, хищничеств и разорений российско-императорским подданным и их селениям, жилищам и землям не приключали ни тайно ни явно, и ни под каким видом людей в неволю не захватывали».

Статьей V договора было предусмотрено, чтобы «ахалтыкский губернатор, пограничные начальники и

прочие отныне впередь ни тайно, ни явно, ни под каким видом не оскорбляли и не беспокоили земель и жителей, владеемых царем Карталинским...»¹

На западе Россия возвращала Турции Бессарабию, Молдавию и Валахию.

После заключения Ясского мира турки восстановили разрушенные укрепления Анапы, вооружив ее 132 пушками, и направили туда новые войска под предлогом обуздания закубанцев, оказавших якобы неповиновение анапскому паше.

Так была закончена русско-турецкая война 1787—1791 гг. В этой войне в боевых действиях русских войск участвовали кабардинские отряды; они же отличным образом несли охрану Кавказской линии.

Но эта война серьезным образом дезорганизовала жизнь Кабарды. И во время войны и по ее окончании возникали поводы для раздражения кабардинского населения. Сюда надо отнести репрессии со стороны русских властей, а также частые реквизиции скота (так называемая «баранта»).

Вскоре после окончания войны царские власти решили усилить Кавказскую линию, построив на ней новые крепости. В течение 1792—1793 гг. должны были быть построены: крепость Шелководская — при владении р. Сунжи в Терек, крепость Кавказская — на правом берегу Кубани, в 35 км ниже Григориополисского укрепления, крепость Усть-Лабинская — в 2 км от впадения р. Лабы в р. Кубань².

В 1792 г. в ведение Черноморского казачьего войска был передан Таманский полуостров и земли по правую сторону нижнего течения р. Кубани. Здесь были созданы 42 куреня, составившие 10 конных и 10 пеших полков. Центром черноморского казачества стал город Екатеринодар. Таким образом, Кавказская линия фактически была продолжена до Азовского моря. К этому времени она была заселена крестьянами-переселенцами, занимавшимися хлебопашеством. Общее количество крестьян мужского пола, живших по всей Кавказской

¹ Т. Юзефович, Договоры России с Востоком политические и торговые, стр. 45.

² См. П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. 2, стр. 245.

линии, составляло по данным Буткова на 1791 г. 23 960 человек¹.

Ряд новых административных мероприятий, проводимых царским правительством, а также захваты земель для учреждения новых крепостей и для раздачи царским генералам и чиновникам порождали у кабардинцев и других горцев недовольство, которое использовалось враждебными России элементами, сеявшими рознь среди кабардинских князей и восстановившими их против русского правительства.

К тому же произвол и злоупотребления кавказской военной администрации и слишком частые репрессии, применявшиеся ею в отношении местного населения, приняли, очевидно, столь широкие размеры, что вынудили даже царское правительство рекомендовать своим облеченным властью представителям более осторожные и разумные меры обращения с горскими подданными империи.

В указе кавказскому генерал-губернатору от 28 февраля 1792 г. говорилось: «...не единою силою оружия предлежит побеждать народы, в неприступных горах живущие... но паче правосудием и справедливостью нужно приобрести их к себе доверенность, кротостию смягчать, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с русскими». Для этого предлагалось: 1) всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей из этих народов, тех же, кто больше предан, жаловать чинами, деньгами, особенно принимающих христианство; 2) твердо наблюдать, чтобы ни от войск, ни от казаков на линии не чинились притеснения и обиды. Начальникам не допускать никаких своевольствий против кабардинцев и иных горских народов отогнанием табунов, хищением и тому подобным образом, подвергая под суд и жесточайшее наказание всякого кто будет поступать против, как преступника, который поведением своим даст повод к нарушению спокойствия².

Этим же указом было признано полезным учредить для горских народов новую систему судов: родовые суды для владельцев и родовые расправы для узденей.

¹ См. П. Г. Бутков, Материалы для новой Истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. 2, стр. 255.

² См. Акты, собранные Кавказскою археографического комиcсиею, т. II, Тифлис 1868, стр. 1123—1124.

В Кабарде попытка ввести новые суды была сделана в 1793 г. Однако она встретила противодействие со стороны кабардинцев: введением этих судов нарушались местные кабардинские обычаи и наносился ущерб привилегиям князей. Поскольку власти оказывали давление на эти суды, они представляли собой не столько органы правосудия, сколько полицейское орудие в руках русской военной администрации. Естественно, что все это вызывало большое недовольство среди местного населения.

В 1793 г. в Кабарду прибыл из Турции дервиш Фриз-Оглу с султанским фирмансом, призывающим кабардинцев и дагестанцев быть готовыми к новой войне против России. В фирманде говорилось о том, что султан Селим III потребовал от России полного отказа от Кабарды и Крыма, что Ахты-хан¹ уже приготовился к походу в Закавказье и Дагестан, что Франция и другие державы также хотят воевать против России и только ждут, когда султан начнет эту войну. Султан уверял, что для этой цели его войска обучаются военному делу наподобие русских².

Подобные возвзвания способствовали усилению недовольства в Кабарде. Начались призывы к неповиновению родовым судам и расправам, перешедшие в общие волнения, которые усилились после смерти старшего князя Касая Мисостова, твердо державшегося русской ориентации.

В 1794 г. в Кабарде произошли восстания, для усмирения которых туда были введены войска. Последовали жестокие экзекуции, конфискации, высылка из пределов Кабарды видных князей. Но эти репрессивные меры, которые принимала местная администрация, скорее могли привести к противоположным результатам. Они лишь раздували вражду и усиливали ожесточение.

Противники России отправили одного из князей Большой Кабарды, Пшемахо Наурузова, к анатскому паше с просьбой довести до сведения Турции об их недовольстве новыми русскими мероприятиями.

¹ Ахты-хан (хан-скопец) — прозвище Ага-Мухаммеда, захватившего власть в Иране.

² См. Л. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. 2, стр. 266.

Турецкий султан Селим III со своей стороны призывал кабардинцев перейти за Кубань, где Порта гарантирует им избавление от России. При этом он сообщал, что Турция создает поводы для войны с Россией, чтобы первым делом «избавить» от нее Кабарду и Крым. «Что же касается до происхождения у нас с Россией, то уведомляем вас, что через присланного от двора российского посланника требовала Россия позволения приезжать подданным своим во Иерусалим на поклонение, но отправлен посланник тот в Россию почти ни с чем. А потому, если Россия в силах, то рассердясь на то поднять вражды не преминет, а мы также иметь ее намерены. И когда так случится, то тогда как Кабарда, так и Крым оставлены от нас, в рассуждении избавления от России, не будете. До того же старайтесь вы, не склоняясь с подвластными вашими к России, перейти в горы и относитесь о расположении и состоянии вашем к анатолийскому сераскиру Мурат-Гирей-султану, к которому можете присыпать от себя по надобностям и посланников, не сомневаясь ни мало в том от России...»¹

Озабоченный тем, что тарковский шамхал вступил в русское подданство и хан Дербента ведет переговоры о том же, султан Селим III направил подобные же фирманы в Дагестан, а также и в Иран, чтобы отклонить правителей этих стран от союза с Россией. Объясняя в этих фирманах причины заключения мира с Россией тем, «что народы магометанского исповедания в расстройстве и рассыпаны по разным местам», он призывал мусульман к единению, пока его войска обучаются военному делу и укрепляются города. «Я же с моей стороны, — писал султан, — сколько можно стараться буду освободить от России Крым, Кабарду и прочие мусульманские области и селения, потому что сие меня крайне беспокоит».

Султан просил кабардинцев и владетелей Дагестана войти в сношение с Ахты-ханом (Ага-Мохаммедом) и быть готовым к действиям². Но у нового иранского шаха Ага-Мохаммеда были свои виды на Дагестан, которыми он, видимо, не хотел делиться с турецким султаном. В 1795 г. он отправил к дербентскому хану Шейху-

¹ См. Н. Ф. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. II, стр. 296.

² См. там же, стр. 298.

Али фирман, в котором уведомлял всех дагестанских владельцев о своем восшествии на шахский престол, о том, что азербайджанские ханы и владельцы ему уже якобы покорились и что он сам «прибыл теперь к здешней стороне с войском, с тем чтобы наказать противников». Дагестанские владельцы приглашались прислать к нему своих нарочных «с обстоятельным прошением», т. е. с изъявлением покорности¹.

12 сентября 1795 г. иранские войска Ага-Мохаммеда вторглись в пределы Закавказья и разорили многие города и селения Азербайджана, Армении и Грузии, передав особенно жестокому разрушению столицу Грузии — Тифлис. Десятки тысяч людей были уведены в неволю. Это событие сильно встревожило дагестанских ханов, которые просили помощи у России. Они, видимо, знали, что у Ага-Мохаммеда имеется тайное соглашение с Турцией о вторжении в пределы Кавказа, и опасались за участь своих земель.

Чтобы не допустить объединения иранских и турецких сил и предотвратить развертывание войны в Закавказье, Россия направила в 1796 г. в Иран свои войска, которые прежде всего должны были избавить народы Закавказья от повторного нашествия.

В манифесте, изданном по этому поводу в марте 1796 г. и обращенном к персидскому народу, говорилось, что российские войска вступают в персидские пределы по просьбе царя грузинского и многих ханов и владельцев дагестанских, «взывающих защиту и покровительство российской императрицы... ради надлежащего отвращения, распространения и утверждения в оных беззаконно похищенной власти Ага-Магомет-Ханом»².

Важно отметить, что от возглавлявшего персидский поход графа Зубова требовалось проявлять сдержанность в отношении кавказских народов. Ему было указано: «Не заниматься покорением народов, оружием неукротимых и от сотворения мира не признававших ничьей власти; неважные грабежи их презирать, против коих полезнее умножать собственные предосторожности и оными наказывать дерзающих, чем отмщать целому народу за грабежи нескольких хищников и возбудить

¹ См. П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. 2, стр. 351.

² Там же, стр. 371.

против себя взаимно отмщение цетого народа, а трудными походами в ущельях терять людей напрасно, тратить время и одерживать победы бесполезные¹. Но в этом же 1796 г. умерла Екатерина II. На престол вступил Павел, который отменил персидский поход. Войскам Зубова было приказано вернуться в российские пределы. Они еще не достигли р. Койсу, как в Дагестане уже был получен угрожающий фирман от Ага-Мохаммеда, в котором он не замедлил с выгодой для себя истолковать отход русских войск: «Небезызвестно вам, какой успех имею я в Хорасане, и вы довольно усмотреть можете, что и российское войско, убоясь могущего им последовать от меня одоления, принуждено было возвратиться вспять, в немалой робости и расстройке. Верьте, что я буду скоро в Адербиджане, и всегда не оставлю послушных мне мою милостию, а противников строго буду наказывать. Почему и даю через сие знать, чтобы преданные ко мне по надлежащему себя от противников отличили, и о состоянии своем меня уведомили, каковых и не оставлю я мою помощью, и будут они жить спокойно»².

Хотя этот призыв грозного шаха особого действия не возымел, да к тому же сам Ага-Мохаммед погиб в 1797 г. при второй попытке вторжения в Закавказье, обстановка не только в Закавказье, но и в Дагестане, в Кабарде и на всем Северном Кавказе продолжала оставаться весьма напряженной; угроза агрессии со стороны Ирана и Турции еще далеко не миновала.

Царское правительство опасалось, что некоторые кабардинские князья могут быть использованы против России. Поэтому оно приняло меры предосторожности. Еще в 1795 г. в Кабарду были направлены русские войска. Наиболее видные князья из числа неприязненно настроенных по отношению к России — Измаил Атажукин³, брат его Адиль-Гирей Атажукин, Атажуко Хамур-

¹ Иван Попко. Терские казаки с стародавних времен, чыл. I, стр. 273—274.

² П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. 2, стр. 425—426.

³ Измаил Атажукин служил в русских войсках: во время русско-шведской войны проявил большие военные способности, был награжден Георгиевским крестом, впоследствии получил чин полковника. Он играл видную роль в народном движении в Кабарде.

зин из Жамболатова рода были отправлены в Екатеринослав для содержания под присмотром.

Со знатнейших узденей Большой Кабарды было взято клятвенное обязательство, зафиксированное в письменном договоре, не допускать притеснения простого народа. Они же обязались держать народ под защитой (в кунаках), удовлетворяя его справедливые и по обычаям предков присягою подтвержденные претензии. При этом все сословия постановили, что если кто из владельцев удалится в горы и покинет место жительства, то он теряет право на подвластный ему народ, который с той поры будет находиться в непосредственном русском управлении.

Только после заключения русско-турецкого союзного и оборонительного договора от 23 декабря 1798 г., вызванного экспедицией французских войск во главе с генералом Бонапартом в Египет, наступил перерыв в русско-турецкой борьбе на Кавказе. С этого времени можно считать, что в русско-турецких отношениях кабардинский вопрос потерял свою остроту: он был решен в пользу России.

Однако это не означало, что Турция прекратила свои притязания на обладание Кавказом или что все феодальные правители Северного Кавказа, в том числе и некоторые кабардинские князья, перестали искать у Турции поддержки своим корыстным устремлениям.

В 1798 г. анапский Осман-паша двинулся было во главе 1500 турок на закубанцев, оказавших неповиновение туркам, но, испугавшись угрозы со стороны черкесов-шапсугов, предпочел возвратиться в Анапу.

В 1799 г. прибыл в Кабарду самовольно покинувший Екатеринослав князь Адиль-Гирей Атажукин. Он стал уговаривать народ противиться новым выборам в суды и требовать восстановления суда по Корану.

Появление в Кабарде трех батальонов пехоты, расположившихся лагерем на р. Баксане, и начавшиеся репрессии принудили Адиль-Гирея с пятью лицами из высшего мусульманского духовенства Кабарды уйти за Кубань. После этого в Кабарде наступило относительное спокойствие.

Конечно, карательные экспедиции, направляемые местными начальниками в различные районы Кабарды, суровые наказания провинившихся и несправедливые

действия военных администраторов, не желавших счи-
таться с интересами, жизненным укладом и обычаями
кабардинского народа, постоянно раздражали кабар-
динцев и не могли способствовать изживанию взаим-
ного недоверия.

Не случайно даже царское правительство в Петер-
бурге было вынуждено время от времени одергивать
своих кавказских администраторов, внушая им необхо-
димость применения более осторожных мер воздействия
на местное население. Так, в особом повелении от
28 мая 1800 г. было предписано стараться как можно
меньше вмешиваться во внутренние дела горцев между
собой, если это не вредит интересам и границам Рус-
ского государства, «разумея, что сии народы находятся
больше в вассальстве российском, нежели в под-
данстве»¹. Конечно, подобные отдельные вмешатель-
ства в действия местных властей не могли изменить об-
щего направления и характера колониальной политики
царизма, ликвидировать недоверие народов Кавказа к
российскому правительству и тем более улучшить их по-
ложение. Вот почему на протяжении следующего века на-
роды Кавказа не раз поднимались на борьбу за свои
права, за свободу и независимость.

¹ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722
по 1803 год, ч. 2, стр. 562.

ГЛАВА VII

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В XIX в. Кавказ не только являлся объектом споров и вооруженных столкновений между собой соседних с ним держав — России, Ирана и Турции; он занимал также немаловажное место в восточной политике крупнейших европейских держав — Англии и Франции. Экономическое развитие этих стран все настойчивее толкало их к овладению восточными рынками. В результате возник запутанный узел противоречий, в котором противоположные интересы европейских стран переплетались с интересами стран Ближнего и Среднего Востока. Турция владела Балканами и держала в своих руках ключ к проливам, за которым тянулась Россия; Иран прикрывал пути в Индию и среднеазиатские ханства; здесь сталкивались интересы России и Англии. Иран и Турция соперничали в захвате Закавказья, на которое накладывала руку Россия, продвигавшаяся на Восток.

Таким образом, Закавказье неизбежно втягивалось в орбиту внешнеполитических интересов Англии и Франции. Оно служило для них ставкой в их дипломатической игре с Ираном и Турцией, рассчитанной на экономическое закабаление стран Востока.

Относительно восточной политики Англии середины века К. Маркс писал, что настоятельная необходимость беспрерывного расширения торговли — этот рок, преследующий современную Англию, эта внутренняя

необходимость «принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон; с Инда и с Черного моря»¹.

Опасным конкурентом Англии, к концу XVIII в. уже пустившей глубокие корни в Индии, Иране и Турции, в ее колониальной экспансии являлась Франция.

Уже в конце XVIII в. французская буржуазия добилась известного успеха в Иране, еще при жизни шаха Ага-Мохаммеда. В это время деятельность французских агентов в Иране Оливье и Брюльера была направлена главным образом против России и ее закавказской политики.

Особенно успешно действовали французские агенты в Иране во время египетской экспедиции Наполеона Бонапарта и еще более — после захвата им власти во Франции. Французы Жобер, Ромье, генерал Гардан, французский консул в Багдаде Руссо, а также французские миссионеры в Грузии (в 1805 г.) значительно содействовали обострению противоречий на Среднем Востоке.

Стремясь в 1806 г. к военному союзу с Турцией, Наполеон обещал вернуть ей Крым, но турки должны были осуществить вторжение в Крым и в Грузию. Одновременно в письме к иранскому шаху Наполеон сулил вечный союз трех государств — Франции, Турции и Ирана, основанный на их совместной борьбе против России и разделе Закавказья. Во франко-иранском договоре 1807 г. Грузия рассматривалась как владение иранского шаха.

Напуганная деятельностью Франции на Ближнем и Среднем Востоке, Англия в целях противодействия своему сопернику в начале XIX в. также активизировала свою восточную политику.

В 1800 г. в Иран был направлен из английских владений в Индии капитан Малькольм. Его задачей было обеспечивать английские интересы в Иране и в частности не допустить превращения французами Ирана в плацдарм для нападения на Индию. Малькольм заключил с правительством шаха 4 января 1801 г. политический и торговый договор, предусматривавший отказ Ирана от всякого сотрудничества с Францией. Англия

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, изд. 2, стр. 13.

обязалась снабжать Иран вооружением, если он подвергнется нападению; взамен этого она получила новые торговые льготы: право ввоза в Иран без уплаты пошлины сукна, свинца, железных и стальных изделий.

Но английские и французские дипломаты находили общий язык, когда дело касалось России. Борясь между собою за экономическое и политическое преобладание на Востоке, Англия и Франция вместе с тем поддерживали восточные феодальные порядки и феодальных правителей — турецкого султана и иранского шаха, снабжая их средствами для агрессии, когда дело шло о борьбе против России — их общего врага и соперника на Востоке.

Таким образом, войны начала XIX в. между Россией, с одной стороны, Турцией и Ираном — с другой, были обусловлены не только захватническими планами той и другой стороны, но и колониальными интересами Франции и Англии.

Французский министр иностранных дел Талейран в циркуляре от 8 августа 1805 г. писал, что Наполеон уже давно «наблюдает за распространением России на юг Азии. Со справедливым беспокойством видит он опасности, угрожающие Персии и Турции; а эти две большие империи таковы, что порабощение одной неизбежно влечет за собой погибель ее непосредственной соседки, которая составляет единственный оплот материка против России»¹.

В 1804 г. иранский шах, сосредоточив воинские силы на границах Закавказья, потребовал, чтобы Россия немедленно очистила Грузию и вывела оттуда свои войска. Россия ответила отказом; иранская армия вторглась на территорию азербайджанских ханств, началась война. Русские войска осадили занятую персами Ганджу и с помощью местного населения взяли ее штурмом. Стремясь освободить также Восточную Армению, русские сделали попытку овладеть Эриванью, но она не увенчалась успехом.

Несмотря на обращение шаха к правителям Дагестана, Ширвана и других азербайджанских ханств с предложением объединиться для борьбы против России,

¹ Сборник РИО, т. 82, СПБ. 1892, стр. 103; см. также А. И. Шебунин, Россия на Ближнем Востоке, Л. 1926, стр. 18.

многие азербайджанские феодальные правители вступили в переговоры с русским правительством. Еще в 1802 г. Кубинское и Талышское ханства приняли покровительство России; этому примеру последовало Джаро-Белоканское вольное общество. Хотя среди высших феодалов и духовенства Азербайджана, несомненно, были сторонники Ирана или Турции, уже в 1805 г. были заключены договоры о переходе под покровительство России Карабахского, Шекинского и Ширванского ханств. В 1806 г. к России присоединилось и Бакинское ханство.

Так, почти все крупные ханства Северного Азербайджана в 1805—1806 гг. вошли в состав России. Это значительно обезопасило Кавказ от посягательств со стороны иранских шахов.

Успехи русских войск ускорили заключение франко-иранского договора от 4 мая 1807 г. на условиях, выработанных французским представителем в Иране. Иран обязывался объявить Англии войну, двинуть свои войска на Индию и содействовать продвижению через территорию Ирана французских войск. Наполеон взял на себя обязательство снабдить иранскую армию инструкторами и вооружением для борьбы против России и подтвердил согласие на захват Грузии. Наполеон писал Фатх-Али шаху: «Атакуй энергично своего неприятеля, которого я с своей стороны обессилил. Возьми от него снова Грузию и все провинции, которые составляли твою империю и укрепи против него Каспийские ворота». В 1807 г. в Иране сразу действовали две военные миссии: французская и турецкая, присланная султаном Селимом для реорганизации иранской армии.

Агенты наполеоновской Франции продолжали в Иране свою деятельность против России и после Тильзитского договора 1807 г. Но это не помешало Наполеону в феврале 1808 г. обратиться к Александру I с предложением организовать совместную экспедицию в Азию. Он писал: «Армия в 50 000 человек, состоящая из русских, французов и, быть может, даже от части и из австрийцев, направленная через Константинополь в Азию, не успеет дойти до Евфрата, как приведет в трепет Англию и заставит ее преклониться перед континентом. Я имею возможность собрать армию в Далмации; вы, ваше величество на Дунае. Через месяц после того,

как мы условимся, они могут быть на берегах Босфора. Слух об этом разнесется по Индии, и Англия будет сломлена... Все может быть решено и подписано до 15 марта. К 1 мая наши войска могут быть в Азии и к тому же времени войска вашего величества в Стокгольме. Тогда англичане, угрожаемые в Индии, изгнанные с Леванта, будут раздавлены тяжестью событий, которыми будет пропитана атмосфера». Письмо заканчивается словами: «Так как Англия не хочет мира, признаем, что настало время великих перемен и событий»¹.

Дело в том, что англичане предъявили Ирану ультиматум с требованием удалить новую французскую миссию генерала Гардана. Правительство Ирана согласилось удовлетворить это требование. Генерал Гардан выехал во Францию, но французские военные инструкторы продолжали оставаться в Иране.

Вскоре в Иран прибыл английский посол, который настаивал на продолжении войны против России, советуя обратить ее в «джихад», т. е. священную войну. В 1809 г. между Англией и Ираном был подписан договор «о союзе и дружбе».

Согласно этому договору Иран порывал с Францией и на все время войны против России получал от Англии денежную субсидию в сумме 160 тыс. туманов, а также инструкторов и вооружение. Новый английский посол привез в Иран 20 пушек и 30 тыс. ружей; с ним прибыло 30 инструкторов. При помощи этого договора Англия стремилась воспрепятствовать утверждению России в Закавказье и помешать использованию Ирана Наполеоном в качестве плацдарма для нападения на Индию.

Однако военные события сложились не в пользу Ирана. В октябре 1812 г. русские войска под командованием генерала Котляревского разбили главные иранские силы, возглавляемые наследником престола Аббас-мирзой. Взятие штурмом Ленкорани в 1813 г. привело к окончанию войны и заключению в конце октября 1813 г. мирного договора в местечке Гюлистан. Согласно условиям Гюлистанского договора, Иран признал переход к России ханств Карабахского и Ганджинского (превращенных в Елисаветпольскую провинцию), а также Ше-

¹ А. Н. Шебунин, Россия на Ближнем Востоке, стр. 26.

кинского, Дербентского, Кубинского, Бакинского и Талышского. Иранское правительство также признало за Россией Дагестан, Грузию с Шурагельской провинцией, Имеретию, Гурию, Мегрелию и Абхазию. Право торгового мореплавания на Каспийском море было признано обоюдно за русскими и иранскими купеческими судами. Но военный флот на Каспийском море могла держать только Россия. Кроме того, договором были определены условия для развития торговли, причем пошлина на ввозимые в оба государства товары была определена в 5%.

Гюлистанский мир оказал большое положительное влияние на судьбу народов Кавказа. Но вместе с тем он, как и Бухарестский договор России с Турцией 1812 г., был широко использован Англией для развертывания антирусской политики на Кавказе.

25 ноября 1814 г. Англия заключила новый договор с Ираном, дававший еще больший простор для ее колониальной политики на Среднем Востоке. Англия обещала Ирану посредничество в переговорах с Россией о пересмотре русско-иранской границы, а также ежегодную военную помощь или субсидию в 150 тыс. фунтов стерлингов (200 тыс. туманов) на случай войны против «европейской державы» или на случай попыток вторжения этой державы в Индию через Иран. Одновременно Англия связала Иран обязательством начать войну против Афганистана в случае выступления последнего против англичан в Индии.

Англо-иранский договор 1814 г. неизбежно должен был вызвать обострение русско-иранских взаимоотношений. Он облегчал воинственным кругам иранских феодалов подготовку нового вооруженного конфликта с Россией. Вместе с тем этот договор содействовал утверждению Англии на Персидском заливе, росту английского влияния и торговли в Иране, обеспечивал базу для развертывания активной английской политики на Кавказе и в бассейне Черного моря. Не случайно английский посланник в России выступил в 1815 г. с утверждением, что естественная граница между Ираном и Россией должна проходить по р. Тереку¹.

¹ См. Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. VI, СПБ. 1888, стр. 199.

Напряженное положение на восточной границе Турции осложнялось не только войной с Россией (1806—1812 гг.), но и освободительной борьбой армянского народа.

Фактическое отпадение от Османской империи некоторых арабских областей, рост освободительной борьбы на Балканах, широкое недовольство турецкого населения, страдавшего от произвола и грабежа феодальных правителей не менее, чем подвластные народы, — все это знаменовало наличие глубокого кризиса, охватившего турецкое феодальное общество.

При слабом развитии производительных сил в сельском хозяйстве и ремесле, концентрации земельной собственности в руках верховной власти, господстве натуральной формы земельной ренты, старые формы производства продолжали здесь удерживаться в неизменном виде, что, по заключению К. Маркса, составляло «одно из таинственных средств самосохранения Турецкой империи»¹.

В целях сохранения целостности Османской империи турецкие феодалы пытались искать помощи то у Англии, то у Франции. Небольшая группа из турецкой знати, стоявшая непосредственно у власти, стремилась путем частичных реформ военной организации и в административно-финансовой области укрепить султанскую власть, обуздеть сепаратизм феодалов, наместников провинций и предотвратить распад государства.

Хотя эти реформы проводились в весьма широких целях, они не предусматривали ломки основ феодализма, не были направлены на ограничение системы эксплуатации и угнетения миллионных масс трудящихся и, разумеется, не могли способствовать превращению Турции в централизованное государство, так же как были бессильны разрешить вопрос о ликвидации экономической, политической и культурной отсталости страны. Кризис феодального строя Турции продолжал углубляться. Но даже эти ограниченные реформы, получившие в 30-х годах название «танзимат», в тяжелых условиях Турецкой империи имели положительное значение прежде всего для народов, боровшихся за свое освобождение от турецкого ига.

¹ К. Маркс, *Капитал*, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 148.

Первый удар султанское правительство получило со стороны Египта: в 1805 г. население его главного города Каира восстало против насилий, чинимых турецким пашой и его янычарами. Они были изгнаны, а бывший начальник албанского ополчения по имени Мухаммед Али, прибывший в Египет еще для борьбы против французов, был провозглашен правителем Египта.

Султан был вынужден признать его в качестве своего наместника. Но этот наместник фактически стал независимым правителем, проводившим свою внешнюю политику и, в частности, проявлявшим несомненный интерес к борьбе Турции с Россией за обладание Кавказом.

В конце XVIII и начале XIX в. не только Иран и Турция, но и Египет, Армения и балканские страны были втянуты в политический кризис, который принято называть на дипломатическом языке «восточным вопросом». Хотя под «восточным вопросом» обычно понимают борьбу интересов, территориально ограниченных турецкими владениями в Европе и проливами, фактически же он был неотделим от политической обстановки, сложившейся на Кавказе и в Северном Иране.

Не случайно Англия и Франция проявляли повышенный интерес к Закавказью, а Россию, которая ужеочно обосновалась там, рассматривали как своего серьезного противника, с которым необходимо вести систематическую вооруженную борьбу. И вовсе не случайным совпадением было то, что одновременно с войной России против Ирана (1803—1813 гг.) проходила война с Турцией (1806—1812 гг.). Правда, в это же время (1807 г.) Англия сама предприняла неудачную попытку овладеть Дарданеллами и городом Александреи в Египте, однако при этом она все же сумела заключить выгодный для себя мир с Турцией, хотя та и сблизилась с наполеоновской Францией.

Война, которую Турция вела с Россией, осложнялась для нее необходимостью подавлять национально-освободительные движения балканских народов и не могла принести туркам успеха. Договор, подписанный с Англией в 1809 г., не оградил турок от поражений, которые они понесли как на Балканах, так и в Закавказье. Но, несмотря на то, что Бухарестский мир, заключенный между Турцией и Россией в мае 1812 г. в условиях нависшей угрозы вторжения наполеоновских войск в

Россию, был очень выгоден для нее, он не изменил положения, существовавшего в Закавказье до войны, и в этом отношении не решал спора между Россией и Турцией.

В 20-х годах XIX в. в России особенно интенсивный рост сельскохозяйственного производства наблюдался в южных и юго-восточных областях, где производительные силы встречали гораздо меньше препятствий для своего развития со стороны крепостников-помещиков. Эти сельскохозяйственные области тяготели к морским портам Черного и Азовского морей, что благоприятствовало сбыту хлеба и других видов сырья за границу (сало, кожи, воск). Если в 1814 г. из Одесского порта было вывезено русских товаров на сумму 7 220 356 рублей, то уже в 1822 г. вывоз достиг суммы 13 108 388 рублей и имел тенденцию к повышению. Ввоз товаров в Россию через Одесский порт за это время возрос с 3 541 112 рублей до 6 822 298 рублей¹.

Царское правительство усиленно развивало помещичью колонизацию на юге России, в том числе и на Кавказе, раздавая землю дворянской служилой аристократии и бюрократии и переселяя туда крестьян из внутренних губерний. Туда же устремлялись беглые крестьяне, находившие там сезонную работу в имениях помещиков или же пополнявшие ряды казачества, захватывавшего у местного населения лучшие земли.

В южных областях России развивалось товариное земледелие и животноводство; вырастали новые торговые и промышленные центры. В то же время развивавшаяся русская капиталистическая мануфактура требовала все новых и новых рынков сбыта, поскольку крепостная деревня с ее натуральным хозяйством, естественно, не могла обеспечить сбыт промышленной продукции. В этих условиях царское правительство вынуждено было удовлетворять интересы растущих буржуазных элементов путем экономического освоения окраин и новых территориальных приобретений главным образом в Азии. В этих условиях первоочередной задачей России было овладение западным побережьем Кавказа, остававшимся в руках Турции, а также Арменией, Западной Грузией и Азербайджаном, вопреки желанию Англии

¹ См. Н. А. Шебунин, Россия на Ближнем Востоке, стр. 41.

рассматривать Кавказский хребет как предел распространения России на юг, в азиатские страны.

Какой бы характер ни носили войны царской России с Ираном и Турцией в 20-х годах XIX в., они сыграли объективно положительную роль в жизни народов Кавказа, так как способствовали освобождению тех из них, которые еще находились под иранским и турецким владычеством.

Мирные договоры — Туркманчайский 1828 г. и Адрианопольский 1829 г. имели чрезвычайно важное значение для народов Кавказа; они как бы подвели итог присоединению к России Закавказья. Установленная с 1828 г. русско-иранская граница, за исключением незначительных исправлений, остается неизменной вплоть до наших дней.

Азербайджанцам и армянам, жившим на территории, оставшейся за Ираном, разрешалось в течение года переходить со своим имуществом в пределы России. Этим правом воспользовалось около 90 тыс. армян, переселившихся в отошедшие к России армянские земли. Примерно около 75 тыс. армян переселилось сюда же из армянских провинций, оставшихся по договору 1829 г. за Турцией.

В связи с переходом к России Грузии, Имеретии, Мегрелии, Гурии и других областей Закавказья, включая ханства Эриванское и Нахичеванское, была установлена новая русско-турецкая граница. Город Ахалцих и крепость Ахалкалаки отошли к России, но большая часть Ахалцихского пашалыка, равно как и Карский, Трапезундский, Баязидский и Эрзерумский пашалыки, занятые во время войны русскими войсками, былиозвращены Турции. Кавказский берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая (около Поти) включительно переходил к России. Однако фактически это побережье было занято только в результате новых военных действий.

Так к 30-м годам XIX в. получила завершение политика России, направленная к присоединению Закавказья, встретившая сочувствие закавказских народных масс, разоряемых бесконечными войнами и подвергавшихся опасности полного истребления. Лишь некоторые представители господствующих классов, боявшиеся потерять свои феодальные права и привилегии на эксплуа-

тацию трудового народа, были недовольны совершившейся переменой.

Присоединение стран Кавказа и Закавказья к России обеспечивало им преодоление их экономической отсталости, замкнутости и политической раздробленности, включение их в общероссийскую экономику, во всероссийский и мировой рынок. Быстро возрос вывоз закавказского шелка: если в 1821 г. было вывезено всего 79 пудов, то уже в период 1831—1835 гг. было вывезено 1782 пуда, а в 1857 г. вывоз достиг более 11,5 тыс. пудов. Внутри России, по данным «Коммерческой газеты», в конце 30-х—начале 40-х годов употреблялось около 17 тыс. пудов закавказского шелка¹.

Создавались новые условия для хозяйственного развития Кавказа, для совместной с русским народом борьбы против крепостничества и царского самодержавия. Однако не следует забывать, что эти положительные результаты присоединения Кавказа к России вовсе не учитывались заранее и не выступали в качестве обдуманной цели политики царизма. Они явились следствием объективных условий, в которые попали народы Кавказа и Закавказья, приобщившись к стране, стоявшей на несравненно более высокой ступени экономического развития, где росли производительные силы и создавался капиталистический уклад, к стране с неизмеримо более развитой культурой и общественным движением.

Что же касается самой колониальной политики царизма, то она не сулила покоренным народам ничего доброго. При утверждении царизма на Кавказе в первой четверти XIX в. она приобрела новые, более жестокие формы, чем те, которые были известны кавказским народам в предыдущем столетии. Это порождало среди местного населения не только недоверие, но нередко и враждебное отношение ко всему русскому. Многие видные представители класса феодалов (царевич Александр в Грузии, хан Казикумуха Сурхай и др.) выступали в качестве инициаторов и организаторов движений, направленных против России. Поскольку эти движения

¹ См. М. К. Рожкова, Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия, М.—Л., 1949, стр. 129, 130.

ставили своей целью борьбу с колониальным режимом царизма, а крестьянские массы вносили в них идею борьбы против эксплуататоров, в том числе и против собственных феодалов, эти движения пользовались большой популярностью.

Но представители класса феодалов стремились прежде всего обеспечить свои классовые интересы. Под лозунгом «самобытности» они добивались сохранения своей самостоятельности, независимости своих владений, незыблемости своих «прав» на эксплуатацию крестьян. Не имея сил самостоятельно вести борьбу против могучего противника, феодалы шли на сговор с соседними странами Востока — шахским Ираном и султанской Турцией, надеясь на их вооруженную помощь и вмешательство в кавказские дела. Так, царевич Александр, обосновавшийся в 1818 г. в Иране, где он и умер (в 1844 г.), упорно призывал к борьбе против России не только грузинских князей, но и дагестанских ханов, осетинских и кабардинских феодалов.

Князь Орбелиани, участник дворянского заговора 1832 г. в Грузии, показывал на следствии, что доверенный царевича Александра азербайджанец Бала Мамед и грузин Гарсан Чокашвили ездили в 1832 г. в Дагестан с письмами к Кази Мулле и к некоторым дагестанским старшинам¹.

Господство в горных районах Кавказа патриархально-феодальных отношений и родовых институтов, власть религии и духовенства, неизменно служивших интересам господствующей верхушки, — все это тормозило экономическое развитие горных районов и тем самым препятствовало сближению горцев с русским народом, с его передовыми, прогрессивными кругами.

Обстановка, сложившаяся на Кавказе в первой половине XIX в., не была повсюду одинакова. Страны Закавказья, находившиеся на более высокой ступени экономического и политического развития, имели гораздо больше возможностей для движения вперед, чем народы Центрального и Северного Кавказа. Царизм в интересах укрепления своих позиций провел в Закавказье ряд мероприятий: запретил провоз через Закавказье евро-

¹ См. О. П. Маркова, Восстание в Кахетии 1812 г., М. 1951, стр. 198.

пейских товаров, отменил внутренние таможенные перегородки, ввел новое административное деление и т. д.

Все это создавало определенные предпосылки для роста национальной буржуазии и развития капиталистических отношений в недрах феодального общества.

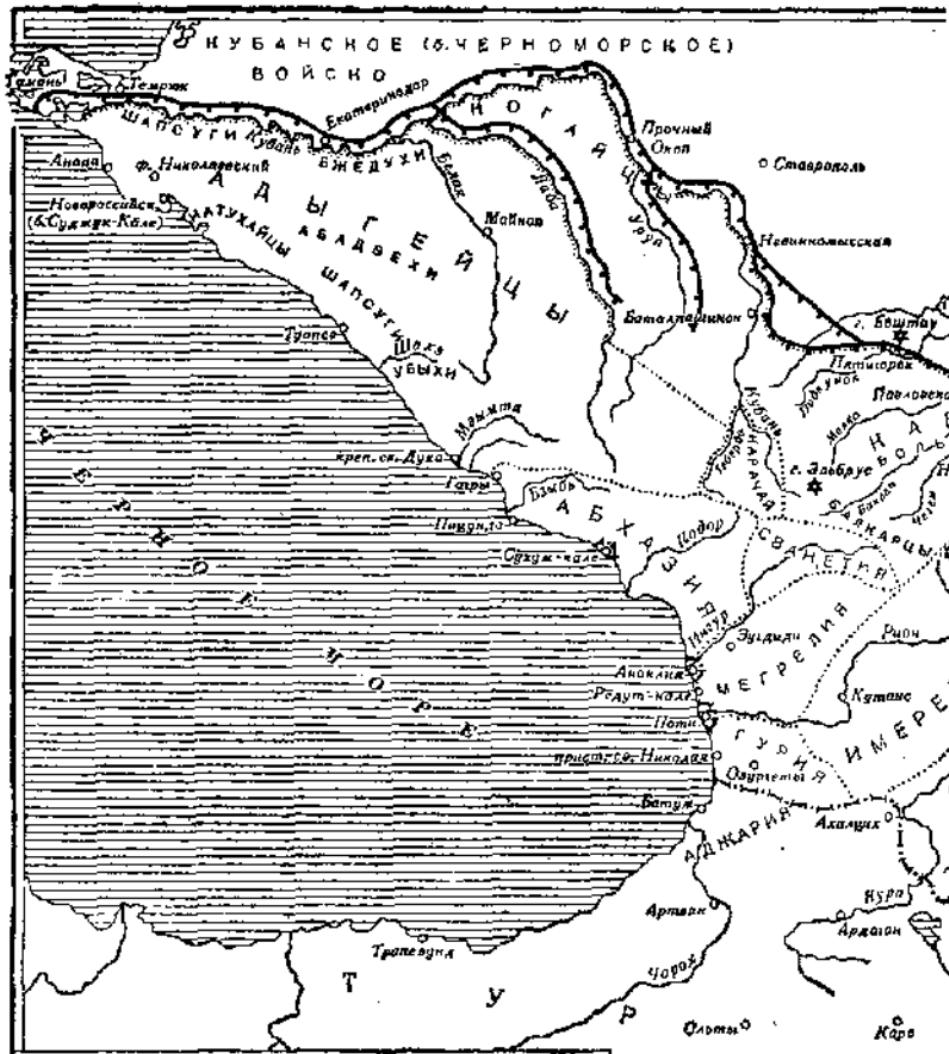
Из народов Северного Кавказа кабардинцы, кумыки и осетины, раньше других вошедшие в состав России и связанные с русским рынком, жили в начале XIX в. в условиях феодального строя, при наличии феодальной раздробленности и острой междуусобной борьбы, которую возглавляли крупные феодальные фамилии. Особенno это было типичным для Кабарды.

Что касается Восточного Кавказа (Дагестана, Чечни и др.), то там наблюдалась прежде всего большая этническая и языковая дробность, что служило одной из причин разобщенности народов, порождавшей их экономическую и культурно-политическую отсталость. У мелких народностей горного Дагестана, равно как и у адыгов и племен Западного Кавказа, феодально-патриархальные отношения переплетались с сильными пережитками родовых отношений, причем простые горцы уже остро ощущали социальный гнет и порождающую им нужду. Раздробленные на мелкие и сельские общины и даже семейные союзы, они имели крайне слабые общественные связи.

В ханствах и мелких владениях Дагестана и особенно в союзах сельских общин, которые обычно называли «вольными обществами», господствовали средневековые формы хозяйства и быта. Здесь горцы находились в большой зависимости от ханов, уцмиев, беков и старшин. Вся эта социальная верхушка бесконтрольно распоряжалась землею и пастбищами и безжалостно эксплуатировала простой народ, держа его в повиновении при помощи местных обычаев — адатов и мусульманского закона — шариата.

Как и в XVIII в., царизм не скучился на различные льготы и раздачу чинов, орденов и денежных подарков местным феодалам и духовенству, стремясь привлечь их на свою сторону. Однако в отношении многих феодальных правителей ему этого сделать не удалось.

Не удалось царизму и преодолеть отчужденность и замкнутость горных районов Кавказа. Представители царских властей не заботились об освобождении горцев

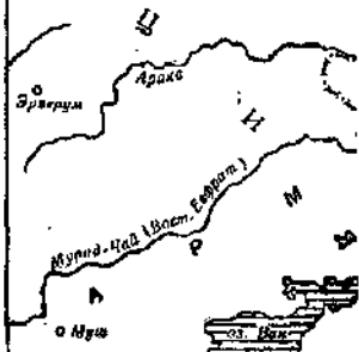

КАВКАЗ В НАЧАЛЕ XIX в.

— Русские укрепленные линии на Сев.-Кавказе

— Военно-Грузинская дорога

— Государственные границы (к 1880 г.)

от пережитков патриархального быта. Они только усиливали колониальный гнет и репрессии против горцев.

Вот почему в горных районах Северного Кавказа и Дагестана, где правили местные феодалы — беки, ханы, старшины, где большое засилье имели муллы, то и дело вспыхивало недовольство, вызывавшееся или посягательствами местных феодалов на патриархальную свободу горцев, или действиями царской колониальной администрации.

Чаиная с 30-х годов XIX в., Кавказ был включен в единую таможенную систему России, что обеспечивало ему регулярные торговые связи с российскими областями. Устройство дорог, особенно расширение и улучшение Военно-Грузинской дороги и организация морских перевозок товаров по Черному и Каспийскому морям послужили новым толчком для развития на Кавказе виноделия и производства технических культур (хлопок, красители, шелк, табак). Что же касается огромных ископаемых богатств Кавказа, то, несмотря на то что многие горнорудные месторождения, равно как и нефть, были давно выявлены и частично разрабатывались кустарным способом, все эти богатства в условиях крепостнических отношений, господствовавших в России, не могли быть должным образом использованы.

Не случайно В. И. Ленин отмечал, что экономическое завоевание Кавказа Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое¹.

Это обстоятельство наложило громадный отпечаток на всю историю народов Кавказа. Одним из результатов политического завоевания явилась поддержка русской военной администрацией местных феодалов, усиленно стремившихся закрепостить горцев. Против боровшихся за землю горцев направлялись карательные экспедиции, в результате которых горцы оттеснялись в ущелья, а их земли, скот и имущество захватывались русскими властями.

Разумеется, далеко не все представители царской администрации на Кавказе действовали только подобным образом. Встречались и такие, которые считали необходимым вступать с горцами в другие отношения,

¹ См. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Госполитиздат, 1953, стр. 512.

основанные на разумных экономических началах. К сожалению, их доклады и планы, представляемые в центр, не встречали там должного внимания. Руководство кавказскими делами обычно вверялось лицам, которые метод военного насилия предпочитали мерам гражданского и экономического характера. Положительным примером является указание, данное в 1807 г. командующим на Кавказе генералом Гудовичем коменданту Кизляра полковнику Ахвердову: «... приложите всемерную вашу попечительность на восстановление в народе сем доброго порядка и спокойствия, ласкайте их елико можно и по-просьбам их делайте по возможности вашей удовлетворение; по таким же их делам, в которых вы сами удовлетворять их не можете, делайте куда следовать будет ваши представления и отношения... внушайте им всемерно о спокойной их жизни, о домостроительствах, скотоводстве и хлебопашестве, как о таких вещах, от которых все их благосостояние зависит; вперите в мысль их, колико гнусно и постыдно воровство и разбой...»¹

В последующие годы были созданы на Тереке меновые дворы, куда горцы и прежде всего кабардинцы могли привозить на обмен свои сельскохозяйственные продукты и предметы кустарного производства, среди которых особенно ценились бурки и холодное оружие. Горцы со своей стороны очень нуждались в соли, которую одни только кабардинцы приобретали ежегодно в количестве 50 тыс. пудов. В селении Прохладном было разрешено проживать армянским торговцам, где они организовали продажу холста, шелка и других товаров, доставляемых из России через Астрахань.

Мысль об удовлетворении экономических запросов населения Кавказа настойчиво высказывалась в течение всей первой половины XIX в. людьми самого различного служебного положения и политического направления.

В 1816 г. адмирал Мордвинов высказал свое мнение «О способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей»². Мордвинов писал, что вместо того, чтобы содержать на Кавказе боль-

¹ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссию, т. III, стр. 669.

² См. Романовский, Кавказ и кавказская война, СПБ. 1860. Приложения стр. XXVIII—XXXV. См. также Чтения Московского общества истории и древностей российских, 1858, кн. 4, стр. 109—112.

шое количество войск, для России выгоднее проложить дороги в Персию и Индию, с тем чтобы Азия теснее могла соединиться с нею. «Нашему рукоделию, промышленности и торговле предлежат богатейшие истоки на Юг, нежели на Север. Каспийское и Черное моря прилежат к плодороднейшим пределам России, согреваемым теплейшими лучами солнца, и по селам и градам долговременное и успешное в году могущим заниматься работами».

Чтобы покорить народы, которые находятся «ближе к дикому, нежели образованному состоянию», надо ознакомить их с тем, что производит Россия, и чем может их всегда снабжать, для чего необходимо увеличить число вещей, им необходимых. Это сможет сблизить горцев с понятиями, образом жизни, нуждами и потребностями русских людей. Прежде всего необходимо удовлетворить наиболее острые потребности горцев — в соли и железе.

Еще более конкретно проблема мирных взаимоотношений России с горцами Кавказа была выдвинута в статье С. Иванова «О сближении горцев с русскими на Кавказе»¹, появившейся в 1859 г.

Главное место автор отводит общественному и торговому сближению горцев с русскими; эти сближения могут «много содействовать к смягчению характера первых, и высказывая им выгоды цивилизованной жизни, выставить Русских, не как грозных победителей, жаждущих войны, ищащих кровопролития, но как нацию, заботящуюся об улучшении их состояния. Эти сближения могут послужить началом образования края и значительно облегчить военные операции, и даже иногда устранить их печальную необходимость». В 1844 г., сообщает автор статьи, на месте аула Чах-Кири возникла крепость Воздвиженская, а по обеим сторонам крепости появилось два аула, насчитывавших до 500 семей. Вначале жители аулов недружелюбно относились к русским, но уже вскоре они стали снабжать гарнизон крепости съестными припасами, бурками, местным сукном, кукурузой и другими предметами, что содействовало развитию местной промышленности и подъему благосостояния горцев. В качестве мероприятий, которые могли бы способствовать развитию общественной

¹ См. «Военный сборник», т. VII, СПБ. 1859, стр. 541—549.

жизни горцев и их сближению с русскими, автор рекомендует постройку мечетей, открытие начальных училищ, назначение базарных дней во вновь населенных и более уже устроенных аулах.

Причину того, что Кабарда не принимала участия в Кавказской войне (т. е. в движениях горцев на Кавказе в XIX в.), автор видит в том, что эта страна достигла известного довольства без всякой посторонней помощи; в каждом многолюдном ауле неизменно можно встретить хотя бы одно из названных им учреждений (школу, мечеть или базар), которые оказывают свое влияние на мелкие окрестные аулы.

Разумеется, оба эти автора в своих предложениях исходят из политики русификации кавказского населения, что обличает их колонизаторский подход к решению проблемы взаимоотношений России с горскими народами. Но в данном случае важно то, что для решения этой проблемы они предлагают меры не военного, а исключительно экономического и культурного характера.

Любопытно возражение, последовавшее вскоре на второе из приведенных здесь рассуждений. Автор этого возражения¹ полагает, что царизм не может опираться на мусульманскую религию, являющуюся источником фанатичной ненависти к русским. Он приводит пример, как жители аула у крепости Воздвиженской сожгли выстроенную для них мечеть только потому, что ее белили кистями, сделанными из свиной щетины.

Рекомендуя осторожность в деле сближения с горцами, автор считает необходимым изменение всего строя их жизни и управления ими: «Одним лишь улучшением быта покорившихся, справедливостью в управлении, покровительством земледелию, садоводству, торговле и проч., можно положить конец злобе и фанатизму. Улучшив быт мирных, мы заставим завидовать им непокорных, и тем облегчим окончательное покорение края».

Улучшение быта горцев, по его мнению, зависит от увеличения хлебопашества и развития ярмарочной торговли в таких городах, как Моздок, Георгиевск, Ставрополь, в станице Николаевской. Он считает, что именно ярмарочная, а не розничная торговля в крепостях

¹ См. «Военный сборник», т. VIII, СПБ. 1859, стр. 201—214.

может служить толчком для развития промышленности горцев. Они настолько разорены войной с Шамилем, что им нечем торговать, кроме дров и леса, поэтому им необходима материальная помощь со стороны правительства.

Голоса протesta против жестокой колониальной политики царизма, в защиту интересов горцев и их прав на самостоятельное экономическое развитие раздавались и из среды выходцев из местного кавказского населения. Дагестанец Мирза Магомедов, служивший в царской армии на Кавказе, представил в 1835 г. командующему войсками генералу Розену записку относительно действий русских властей на Кавказе. Эта записка получила официальное название «Проект поручика Мирзы Магомедова». Ее автор полагает, что русские в своей политике на Кавказе имели бы больший успех («успели бы покорить независимые племена Кавказские»), если бы вникали в политическую и частную жизнь покоренных и соседних с ними племен, не нарушили их обычая и воспользовались бы несогласием между различными классами населения — владельцами князьями, узденями, муллами, свободными горцами и рабами. Рабов, число которых, по мнению автора, велико и которые не имеют никакой собственности, весьма легко выделить, предложив им свободу и землю. Магомедов указал на неправильные действия экспедиционных отрядов, забиравших бесплатно продовольственные запасы и тем самым возбуждавших недовольство горцев. Наконец, он полагал, что с самого начала действий на Кавказе необходимо было принять меры к распространению земледелия, промышленности и торговли и принуждать владельцев к тому, чтобы они побуждали подвластных горцев к земледельческому труду, созданию мануфактур и «заведению фабрик», что способствовало бы улучшению их состояния¹.

В записке Магомедова также проскальзывают великоледственные русификаторские тенденции, но вместе с тем она содержит справедливые требования и полезные предложения. Так, например, Магомедов, указывает на необходимость обращать больше внимания на политику

¹ См. «Кавказский сборник», т. XXXII, ч. II, Тифлис 1912, стр. 198—213.

иностранных государств на Кавказе, которая «питает честолюбивые виды горцев» и их надежды на помощь со стороны Турции и Ирана, тайные агенты которых под званием хаджи¹ проникают на Кавказ.

Но царское правительство плохо прислушивалось к трезвым голосам, говорившим о необходимости коренного изменения режима в отношении горцев и проявления заботы об их экономическом положении: это не отвечало характеру проводимой на Кавказе колониальной политики, игнорирующей национальные интересы горцев.

Захват в огромных масштабах земли, принадлежащей народам Кавказа, а затем и природных богатств, хищнический характер внутренней торговли, которую вели русские, армянские и другие купцы, обосновавшиеся в городах Центрального и Северного Кавказа (Моздоке, Кизляре, Дербенте, Владикавказе и др.), поддержка торговли невольниками (пленными) — все это не могло внушать уважения к царскому колониальному режиму.

Постыдное рабство было уничтожено «как несвойственное, по законам, Российскому подданному» лишь в 30-х годах XIX в., когда было воспрещено употребление самого названия «ясырь» (раб, невольник)². А до этого открыто существовала работторговля, которая велась не только приезжавшими из Турции купцами, но и местными жителями в г. Кизляре и селении Эндери (Андреевском), где существовали специальные «ясырь-базары».

Плата за невольника была установлена размером до 60 рублей. Невольник получал свободу, когда отрабатывал заплаченные за него деньги; считалось, что, получая пищу от хозяина, невольник в год отрабатывает 24 рубля.

Но и после официальной отмены невольничества работоторговля еще длительное время существовала на

¹ Хаджи — звание мусульманина, совершившего «хадж» — паломничество в Мекку, что придает ему особый авторитет в глазах верующих.

² См. Ю. Шидловский, Записка о Кизляре, «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 4, 1843 г., стр. 161—208; см. также Положение от 17 мая 1835 г. в Полном собрании законов Российской империи, изд. 1842 г., т. IX, ст. 915, прим. 4.

черноморском побережье, откуда ежегодно продавалось в Турцию до 4 тыс. пленников.

Представление о том, как захватывались земли у кабардинцев, может дать история Нальчика. Укрепление Нальчик возникло в 1818 г., заняв известную территорию под крепостные сооружения и казармы. 14 декабря 1838 г. был отдан приказ об образовании при крепости военного поселения для женатых солдат Кабардинского егерского полка (вскоре переименованного в 80-й пехотный Кабардинский полк), прослуживших 15 лет и более. Сперва было выделено 30 солдатских семейств, а в 1849 г. число их достигло 49. Вначале им было отведено 12,5 кв. верст земли, а вскоре общий земельный фонд военного поселения возрос до 29 кв. верст, при этом и речи не было о каком-либо возмещении или выдаче вознаграждения кабардинцам за отнятую у них землю. Значительная часть этой земли отводилась под пастьбища для скота, насчитывавшего 1116 голов. Когда же кабардинцы заявили о желании использовать эту землю под посевы зерновых культур, им в этом было отказано.

К началу 30-х годов XIX в. в Кабарде (Большой и Малой) насчитывалось 50 князей, 1885 узденей четырех степеней, 4650 свободных кабардинцев, 1630 чагаров (зависимых), 6405 крепостных — всего 14 620 человек мужского пола. Если к этому еще прибавить народности, частично находившиеся под властью кабардинских князей (балкарцы, осетины-дигорцы, чеченцы, урусбиецы, безынгеецы), тогда общее количество горцев, эксплуатируемых кабардинскими феодалами, возрастет до 23 765 человек мужского пола, а к господствующей верхушке надо будет еще прибавить 91 старшину названных выше народностей.

Все это население жило оседло в 125 аулах, насчитывавших 10 737 домов и саклей. Поскольку все жители Кабарды, за исключением христиан-дигорцев, были мусульмане, в Кабарде в это время существовало 113 мечетей: 101 мечеть в кабардинских аулах и 12 у других народностей, населявших Кабарду. У дигорцев было 5 церквей¹. По количеству мечетей можно представить

¹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 1136, л. 2—8 (по копии Кабардинского научно-исследовательского института, д. № 778).

себе, какое место занимала религия в жизни кабардинцев.

Основным занятием населения Кабарды при господствовавших феодальных отношениях было земледелие. Скотоводство, еще в XVIII в. преобладавшее во многих районах, теперь отошло на второе место.

Укрепление экономических связей Кабарды с Россией и развитие внутренней и внешней торговли толкало князей и прочих феодалов на захват крестьянской земли, на усиление феодальной эксплуатации, что неизбежно вызывало обострение классовых противоречий и классовую борьбу.

Феодальное землевладение поглощало общинные земли; развитие имущественного неравенства внутри общины приводило к ее распаду и содействовало захвату земель феодалами, которые делились на несколько групп: пши (князья), тлекотлеши (дворяне первой степени), уорки и т. д. Пользуясь тем, что феодальные отношения в Кабарде были сильно опутаны многочисленными пережитками, основанными на первобытно-общинных, патриархально-родовых отношениях, семейных традициях и обычаях, кабардинские феодалы сумели не только прочно закрепить за собою право собственности на землю, но и обеспечить землею своих васалов на правах наследства или даже купли и продажи. Этому процессу способствовал царский колониальный режим, который узаконял превращение крестьян в крепостных, обязанных обрабатывать землю своих феодалов и выполнять всякие повинности.

Все это усиливало классовую борьбу и направляло выступления горцев и против феодального, и против колониального режима. Крестьянские бунты с отказом от выполнения феодальных повинностей, уход в горы, поджоги и уничтожение имущества и жилья феодалов, вооруженные выступления против местных властей, вызванные тем или иным колонизаторским мероприятием, значительно увеличились в 20—40-х годах XIX в., особенно когда приставы и комендантские управления начали вмешиваться во внутреннюю жизнь горцев, а Кавказская линия и казачьи поселения продвинулись на юг от Терека и Кубани.

Как уже говорилось, кабардинские и другие феодалы использовали недовольство простых горцев колониаль-

ным гнетом в своих классовых интересах. Тем не менее в восстаниях и выступлениях первой половины XIX в. на Кавказе — в Дагестане, Кабарде и Осетии, а также в Грузии, Армении и Азербайджане всегда можно различить две струи: антифеодальную и антиколониальную. Активную роль в народных движениях стремились играть местные феодально-клерикальные элементы, обычно хорошо связанные с султанской Турцией или Ираном, откуда шла пропаганда воинствующего исламизма и засылались не только проповедники, но и военные руководители.

Особенно энергичное противодействие царским военным властям оказывали горные районы Центрального Кавказа. Изолированные и замкнутые, они фактически не были освоены царизмом и не подчинялись русским властям. Еще в 1819 г. генерал Ермолов так рапортовал Александру I о своих «успехах» в борьбе против аварцев: «Я сделал марш в горы, пользуясь общим ужасом и бегством и местами почти непроходимыми, так что с трудом мог провезти два легких орудия, истребил несколько селений, весь на полях хлеб, и ни одного на пути не встретил человека: до такой степени рассеялся неприятель. Сентября 5-го возвратился я в крепость Внезапную»¹.

О том, какими средствами царские генералы считали необходимым утверждать господство царизма над кавказскими народами, можно судить по записке, представленной 20 мая 1833 г. генерал-лейтенантом Вельяминовым командиру Кавказского корпуса Розену:

«1) Главное и надежнейшее средство к прочноному свладению горами и к покорению обитающих в оных народов состоит в занятии укреплениями важнейших в топографическом отношении мест.

2) Средство ускорить покорение горцев состоит в отнятии у них плоскостей и заселение оных казачьими станицами.

3) Истребление полей их в продолжение пяти лет сряду даст возможность обезоружить их и тем облегчить все дальнейшие действия.

4) Полезнее всего по моему мнению начать с истреб-

¹ «Записки Алексея Петровича Ермолова». С приложениями. ч. II, М. 1868, стр. 432.

ления полей. Овладев плоскостями поселить на оных казачьи станицы. Наконец по поселении станиц устроить в приличных местах укрепления»¹.

Многие небольшие народности и племена, затерянные в горах Кавказского хребта, жили в условиях патриархальной организации маленькими общинами, представлявшими как бы самостоятельные центры, существовавшие на основе домашней связи между скотоводством, земледелием и ремеслом. У них господствовало натуральное хозяйство. Суровая, полная лишений жизнь, потребность в ряде жизненно необходимых предметов, особенно в вооружении, заставляли их организовывать набеги на соседей, на казачьи поселения, на созданные царскими войсками укрепленные пункты. Эти набеги были для них не только средством мщения колонизаторам за притеснения, угон скота, за истребление их жилищ, но и одним из способов добывания средств к жизни.

Под влиянием соприкосновения с русскими поселениями, социальная структура общин и целых горских обществ Кавказа подвергалась некоторым изменениям, что вызывало резкое противодействие прежде всего со стороны выделившейся социальной верхушки, превращавшейся в феодалов и цепко державшейся за традиции, освящавшие ее неограниченную власть над простыми горцами. Нередко эти горские старшины оказывались во главе борьбы против русских, которая вспыхивала в горных районах Дагестана и Чечни, а также на причерноморской территории, и подчас носила характер настоящей горной партизанской войны.

В этой войне горцы выработали своеобразную военную тактику, на которую обратил внимание Ф. Энгельс.

Разбирая партизанские войны, происходящие в условиях горной местности, Ф. Энгельс отмечает борьбу на Кавказе, «которая из всех войн этого типа покрыла горцев наибольшей славой; их относительные успехи объясняются наступательной тактикой, которой они по преимуществу держались при обороне своей территории»².

¹ См. Романовский, Кавказ и кавказская война. Приложения, стр. XXV.

² Ф. Энгельс, Избранные военные произведения, М. 1956, стр. 100.

Когда русские войска нападали на кавказцев, последние терпели поражение и их аулы подвергались разрушению.

«Сила кавказских горцев, — говорит Ф. Энгельс, — заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах на пути русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и они полностью использовали это преимущество. Фактически, во всех случаях даже временно успешных восстаний горцев эти успехи, таким образом, были результатом наступательной тактики»¹.

Можно сделать вывод, что эта тактика горцев, дававшая им указанные преимущества, обусловливала до известной степени и длительный характер борьбы, которую пришлось вести русскому царизму за утверждение своего господства на Кавказе.

Приступая в самом начале 30-х годов XIX в. к установлению этого господства над Центральным Кавказом и черноморским побережьем, русское военное командование сосредоточило на Кавказской линии до 60 тыс. войск, которые были распределены по четырем ее участкам от Черного до Каспийского моря. Участок от г. Анапы на черноморском побережье до р. Кубани с центром в г. Екатеринодаре назывался «правый фланг». Участок от р. Кубани до р. Малки и г. Моздока и на юг до Ардона (Северная Осетия) с центром в г. Ставрополе носил название «центр». Вся Кабарда, таким образом, подчинялась начальнику центра. Территория от г. Моздока до берега Каспийского моря и по р. Койсу (Сулаку) с центром в крепости Грозной принадлежала «левому флангу». Наконец, последний участок «управление владикавказского коменданта» начинался от р. Ардон и Назрановского укрепления и продолжался вплоть до поста Коби².

Что касается черноморского побережья, то здесь до 1830 г. войска были только в Сухуме, а в 30-х годах обосновались в Бомбара, Пицунде и Гаграх; лишь незначительное расстояние отделяло их от Анапы.

¹ Ф. Энгельс, Избранные военные произведения, М. 1956, стр. 100.

² См. «Кавказский сборник», т. XXXII, ч. II, стр. 92—93.

Необходимо отметить, что военные мероприятия России на Кавказе и усиление установленного ею там военно-колониального режима в известной мере вызывались политикой иностранных государств, главным образом Англии и Франции, которые вмешивались в кавказские дела, восстанавливали горские племена и народы против России и тем самым еще более обостряли и без того напряженную обстановку, сложившуюся на Кавказе.

Известно, что английские торгово-промышленные круги были кровно заинтересованы в оттеснении России от Черного моря и поэтому требовали от своего правительства не признавать Адрианопольский договор 1829 г., по которому черноморское побережье Кавказа отошло к России.

В 1836 г. к кавказскому побережью в районе Сухуми прибыло торговое судно «Виксен», принадлежавшее англичанину Джорджу Беллю, которое было захвачено русскими, блокировавшими побережье. Попавший впросак хозяин шхуны объяснил, что, совершая путешествие к кавказским берегам, он полагался на опубликованную в английском периодическом органе «Portfolio», близком министерству иностранных дел Англии, декларацию Черкесии о независимости, с приложением карты, на которой Черкесия была обозначена как независимая страна.

Поддерживая и разжигая антирусские настроения среди кавказских народов и племен, особенно живших в причерноморских районах, обещая им покровительство со стороны Англии, действовавшие там в большом количестве английские агенты стремились ослабить позиции России на Кавказе. При их участии произошло вооруженное выступление в 1840 г. в районе Сочи — Геленджик под руководством убыхского старшины Берзека, которое привело к ликвидации трех русских береговых укреплений.

В этих же целях Англия активизировала политику правительства Ирана и Турции, стремясь добиться между ними соглашения для общей борьбы против России за отторжение Кавказа. Однако ни Иран, ни Турция — эти отсталые в экономическом и военном отношении феодальные государства — не могли без посторонней помощи начать вооруженную борьбу на Кавказе. Но зато

они могли широко использовать свои старинные взаимоотношения с кавказскими феодальными верхами, особенно свои тесные связи с высшим мусульманским духовенством, обладавшим большими средствами идеологического воздействия, чтобы возбуждать ненависть к царской России и ее колониальной политике.

Такие мероприятия колониальных властей, как упразднение в 1830 г. Гурийского княжества, вызывали не только недовольство со стороны феодальных кругов, часть которых ориентировалась на Турцию, но и обострение классовой борьбы, что и привело к восстанию в 1841 г., направленному как против колониального режима, так и против феодального гнета.

В том же 1830 г. произошло восстание в Тагаурии (Северная Осетия), в котором наряду с крестьянством принимали участие и алдарты (феодалы) и старшины, требовавшие восстановления урезанных феодальных прав, особенно права взимать пошлину за проезд по Военно-Грузинской дороге.

Тагаурия давно уже привлекала к себе внимание как турецкой, так и русской стороны; это можно объяснить стратегическим значением ее территории, через которую проходила Военно-Грузинская дорога, связывавшая Россию и Северный Кавказ с Закавказьем. Турецкие агенты разжигали недовольство тагаурских феодалов и крестьян, умело направляя его против России. В Северной Осетии в 20—30-х годах XIX в. была переселена на плоскость часть горцев, в том числе и тагаурцев, которые образовали несколько новых аулов. Вскоре, однако, царские власти решили отнять у переселенцев часть земли под военные поселения 1-го Владикавказского полка. Осетинам были предложены земли в Малой Кабарде, что, естественно, вызвало их недовольство; население некоторых аулов вернулось обратно в горы. Таким образом, захват лучших земель царизмом порождал недовольство народных масс.

Простые осетины выражали справедливое возмущение тяжестью дорожной повинности, обязывавшей их по любому требованию властей поставлять гужевой транспорт для проходящих через перевал войск, ремонтировать и строить мосты и пр. «Даже официальные представители царского правительства вынуждены были подчеркивать, что причинами волнений горцев-крестьян, в

частности по Военно-Грузинской дороге, обычно были произвол и жестокости царских чиновников»¹.

Что же касается осетинских феодалов-алдаров, то они, видимо, надеялись на внешние силы, которые могли бы помешать укреплению позиций России на Кавказе и оказать им существенную помощь.

В эти же годы в Южной Осетии развернулось крестьянское антифеодальное движение, направленное как против своих эксплуататоров князей Мачабеловых и Эристовых, так и против поддерживавших их колониальных властей. Подавление восстания как на севере, так и на юге Осетии сопровождалось жестокими репрессиями, вплоть до истребления людей и их имущества.

¹ M. C. Тогоев, К истории дореформенной Северной Осетии, Орджоникидзе 1955, стр. 55.

ГЛАВА VIII

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА КАВКАЗЕ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Среди народных движений, развернувшихся на Кавказе, особое место занимает движение в Дагестане и Чечне в период 1832—1859 гг., которое иногда неправильно называется «движением мюридизма» только на том основании, что его религиозной идеологической оболочкой было определенное течение в исламе — мюридизм.

Преувеличеннное представление царских генералов о том, что царизм якобы сумел внушить горцам Кавказа страх и покорность, твердая уверенность в безнаказанности своих действий, направленных к притеснению горцев, — все эти «принципы», прочно усвоенные царскими генералами, большими и малыми начальниками на Кавказе, не могли не вызвать взрыва народного недовольства. Не желая считаться с тяжелыми экономическими условиями, в которых очутились горцы, нередко вынужденные бросать насиженные места, уходить в горы и вести там полную лишений полукочевую жизнь, колониальные власти рассматривали их попытки вернуть свои земли и добить иной раз при помощи силы жизненно необходимые предметы как разбой, как проявление своеолия и непокорности. Такая политика не могла не восстановить горцев против русских властей.

Не лучше было положение аулов предгорных районов, где развито было земледелие. Один из наиболее внимательных наблюдателей в 30—40-х годах XIX в. — офицер А. Биссерман писал о крайне тягостном положении жи-

телей Дагестана: «Обременяемые нашими требованиями, они роптали на нас и охотно передавались неприятелю, при первой к тому возможности». Автор указывает, что доставка дров в аварские укрепления лежала на койсубулинцах и аварцах, которые должны были идти в лес за 30 и 40 верст, получая за выюк 20 колеек серебром. Нередко женщины тащили такие выюки на себе. Не менее обременительной для жителей была и перевозка провианта. Они же были обязаны содержать по дербентскому и кизлярскому трактам «чапаров» (вооруженных людей для охраны дороги и конвоирования грузов), починять дорогу, особенно весною и осенью¹.

Большую роль в агитации против колониального режима царской России сыграл чисто религиозный момент. В Дагестане и прилегающих районах в 30-х годах XIX в. широко развернулось учение мюридизма, призывающего к объединению всех мусульман на священную борьбу за веру, против России. Многие ханы, беки и старшины начали получать в начале 30-х годов XIX в. специальные обращения о том, что приблизилось время «джихада» (войны за веру), что они обязаны «восстановить народ против неверных, дабы не уничтожилась мусульманская вера темнотою неверия и властью их над магометанами». Так, глава рутульского магала получил послание от Гамзат-бека и Чобана, в котором говорилось: «Главное желание наше от истинной твоей дружбы состоит в том, чтобы ты поспешил к джихаду и пригласил к нему народ единственно для исполнения воли всевышнего, как сказано в Коране: 1) учините на пути божием джихад с имуществами и душами вашими; 2) сражайтесь с неверными вообще; 3) убивайте неверных и 4) приглашайте правоверных к сражению. Ты знаешь все, что в нем написано, ибо ты из знающих. А мы, бог даст, въедем в горы в субботу и объявишь тебе, Зуто-эфенди, все, что там делается. Да [будет] бог с нами»².

В 1834 г., после гибели в Аварии имама Гамзат-бека, убитого в мечети братом знаменитого Хаджи-Мурата, имамом Дагестана и главою мюридов стал Шамиль, которому удалось возглавить борьбу горцев и создать на

¹ См. А. Зиссерман: История 80-го пехотного Кабардинского полка, т. II, СПБ. 1881, стр. 247.

² «Кавказский сборник», т. XVII, Тифлис 1896, стр. 353.

территории значительной части Дагестана и Чечни, очищенных от русских войск, свое теократическое государство — имамат, своеобразный пример непрочного восточного военно-феодального государственного образования. Выступив в защиту горских народов от колониальных устремлений царизма, Шамиль вместе с тем поддерживал свою власть над горцами Дагестана и Чечни и заставлял их вести вооруженную борьбу с русскими войсками при помощи целой системы религиозного и экономического воздействия, нередко сопровождавшегося в качестве дополнительной меры жестокими репрессиями в отношении колеблющихся или отказывающихся выступить против русских. В процессе борьбы нарушались торговые связи горцев с их соседями и городами, расположеными за Кавказской линией; многие аулы были целиком переселены Шамилем с плоскости в горы.

Возникшая в результате этого изоляция имамата неизбежно вела к разорению горцев и заставляла Шамиля и его наибов (наместники имама в округах) стремиться к расширению подвластной им территории. Отсюда — нападения, совершившиеся ими на города Кизляр, Дербент, Владикавказ, Моздок, попытки пробраться в Кабарду, Кумыкию, Табасарань, Азербайджан, Грузию и др.¹

Борьба против колониального режима, встретившая на первом этапе сочувствие и активное участие горцев, превратилась на втором этапе (40-е и 50-е годы) в затяжную, изнурительную войну, связанную с неудачными попытками вовлечения в нее осетин, кабардинцев и других народов.

Роковым обстоятельством для народов, которые Шамиль пытался объединить против России, было то, что его власть и введенный им режим, основанный на строгом выполнении законов шариата, не могли освободить горцев от феодальной эксплуатации и дать им землю. Миоридизм был тормозом, задерживавшим прогрессивное движение горцев. Ни о каком равенстве при господстве шариата не могло быть и речи. Проведенная на первом этапе борьба против феодальных правителей Аварии и других владетелей закончилась тем, что Шамиль, его миориды и зажиточные уздени, насаждая шариат и тем самым утверждая феодальные порядки, сами постепенно превратились в феодальных властителей.

Шамиль был глубоко убежден в непреложности предписаний шариата, вне которого, по его мнению, не могло быть счастья на земле и спасения в будущей жизни. Широко используя антиколониальные и антифеодальные настроения крестьянских масс, Шамиль и его мюриды выдавали борьбу против России за предписанную религией войну с неверными, видя в ней средство хотя бы насильственным путем заставить людей жить в строгом соответствии с предписаниями шариата. Этому соответствовало создание теократической монархии с наследственной властью Шамиля в качестве эмира правоверных, преследование за нарушение шариата, требование покинуть веками насиженные места, если им угрожают русские, и даже разорение аулов, оказывающих противодействие внедрению шариата и политике переселения. Все это, разумеется, не могло удовлетворить крестьян и вызвало открытое их недовольство. Не помогла и агитация со стороны духовенства, проповедовавшего, что Шамиль вдохновленно действует по воле аллаха, великого пророка и турецкого султана.

Горские общества, в жизни которых большую роль играли древние обычай — адаты, основанные в известной мере на демократических началах, враждебно относились к шариату, провозглашавшему неравенство людей и право сильного повелевать и осуществлять свою власть над остальными.

Шариат, как и всякое религиозное законодательство, носит ярко выраженный классовый характер; он защищает и оправдывает власть феодала и правителя (имама), требует от верующих покорности и терпения, угрожая им всевозможными карами в земной и загробной жизни.

Опираясь на шариат, используя его воинственность и нетерпимость по отношению к «неверным», Шамиль и его наибы уговорами и насилием принуждали горские массы служить их военным планам. С явной угрозой, например, обратились в 1844 г. наибы Даниель-Султана (елисуйский султан) Абдурахман и Нур-Магомет к горцам Анкратльского общества:

«Вам известно, что мы по сие время защищали и оправдали вас перед имамом Шамилем в неблагоприятных поступках ваших, но с настоящего же времени будем одного мнения с теми, которые всегда говорили,

что ваши общества заслуживают подвергать их разорению, если вы не будете иметь полную покорность назначенному к вам начальнику Молла-Шагбану, и потребуемое от вас повиновение состоит в том, чтобы вы сбрались на место, называемое Маал-Тараси, и ожидали там прибытия Даниель-Султана.

Клянемся богом всевышним, если вы окажете в исполнении сего приказания малейшее неповиновение, то в таком случае придвинут к вам страшные войска, от которых вы не можете ожидать никакой пощады, и пошлют тех людей, которые давно ищут случая грабить имущества и разорить дома ваши; тогда не получите никакого помилования и раскаяние с вашей стороны не может иметь для вас никакого последствия.

Притом уведомляем вас, что эти проклятые [т. е. русские — *H. C.*] возвратились из наших мест с большим уроном даже и из Казикумыха»¹.

Воззвания Шамиля и его наибов к отдельным горским обществам и селениям с требованием покорности и всевозможными угрозами начали появляться еще в 40-х годах XIX в.; они убедительно показывают, что на втором этапе борьбы трудно было удерживать в повиновении горцев, ничего от Шамиля не получивших, особенно когда на основе шариата с них стали взыскивать налоги и ввели обременительные повинности.

В рапорте командующего войсками в Северном и Нагорном Дагестане от 22 марта 1843 г. сообщается, что согласно собранным капитаном Неверовским сведениям, относящимся к организации внутреннего управления имаматом, наибы, не получая содержания, живут за счет собираемого с населения налога, от которого зажиточные горцы страдают больше других.

Особенно тяжелым для горцев было образование постоянных охранных частей-муртазигетов, которые не только должны были наблюдать за выполнением крестьянами правил шариата, но и служить боевой силой Шамиля. Каждые десять семей обязаны были снаряdzić одного всадника. Эти муртазигеты не получали жалованья и жили за счет населения, которое обязано было

¹ «Шамиль — ставленник сultанской Турции и английских колонизаторов». Сборник документальных материалов, Тбилиси 1953, стр. 234. В дальнейшем: «Сборник документальных материалов»,

не только их кормить, но и обрабатывать их поля и сбирать для них урожай. Кроме того, все население было обложено согласно шариату налогом. Все это, как говорится в рапорте, произвело «большое колебание в умах горцев».

«Карагцы, видя [свои] земли потерянными, хотели отложиться. Хидатлинцы по случаю сбора для муртазигетов взволновались, и Кубит-Магомет, собрав всех кадиев и старшин, едва успел их успокоить и удержать в повиновении к Шамилю Хидатль».

Далее автор делает такой вывод: до образования «казны шариата» (превращение всех земель в шариатские, т. е. в государственные, и обложение налогами горцев, пользующихся землею) «горцы были довольны своим положением, но в настоящее время беспрестанные денежные сборы, содержание муртазигетов, непомерные их требования, несправедливый суд и притеснения наиков — поколебали доверенность последователей шариата к Шамилю»¹.

При таких условиях, когда стремления горцев к изменению социальных условий отодвигались на задний план и подменялись идеологией мюридизма с призывами к борьбе за веру, за фанатичное выполнение религиозных предписаний шариата, препятствовавших росту классового сознания крестьянства и их борьбе со своими угнетателями, трудно было избежать кризиса, охватившего движение.

Реакционная идеология мюридизма, насаждавшая чуждые быту и условиям жизни горцев Кавказа шариатские законы, написанные на непонятном им арабском языке, объявленном государственным языком имамата Шамиля, фактически препятствовала развитию грамоты на местных языках, поскольку в религиозных школах вводился только арабский язык. Тем самым наносился серьезный удар развитию культуры отдельных народов Кавказа, в частности, развитию местных языков.

Длительное упорство и настойчивость, проявленные Шамилем в борьбе с царскими войсками, определялись не только условиями партизанской горной войны, но и поддержкой, главным образом идеологической, оказываемой мюридизму извне. Стремление иностранных госу-

¹ «Сборник документальных материалов», стр. 219.

дарств ослабить Россию путем отторжения от нее Кавказа — такова была причина, вызывавшая эту поддержку. Конечно, идея борьбы мусульман против неверных, т. е. русских, занимала очень большое место в агитации турецких и даже английских агентов. Общеизвестен факт переписки Шамиля и его наибов как с турецким султаном, так и его представителями в пограничных областях Турции, а в годы Крымской войны (1853—1856 гг.) — и с турецкими и английскими генералами и агентами.

В 1846 г. Шамиль сделал попытку прорваться в Кабарду, обладание которой позволило бы ему объединить горцев Дагестана и Западного Кавказа для борьбы с Россией и обеспечить себе выход на черноморское побережье.

Поскольку добиться выступления кабардинцев Шамилю не удалось, он решил вторгнуться в пределы Кабарды, чтобы сыграть роль ее «освободителя». Для похода Шамиль собрал значительные силы, состоящие из конницы, пехоты и артиллерии (8 орудий). При нем находилось 60 выюков его личного имущества и казны, что указывало на то, что его поход был рассчитан на длительное время. В случае удачи в Кабарде он предполагал двинуться дальше на запад, за Кубань, где его якобы ожидали абадзеши и все племена, населяющие черноморское побережье. Стало известно о письмах, полученных старшинами этих племен, в которых Шамиль предупреждал, чтобы они не переходили на сторону России и обещал прибыть к ним или прислать доверенных лиц с вооруженной силой. При Шамиле было 10 наибов, в том числе Хаджи-Мурат. Любопытно, что Шамиль был твердо уверен в том, что кабардинцы последуют за ним без всякого принуждения с его стороны. «Я никого не буду принуждать; они сами последуют тому, что будет угодно Аллаху», — заявил Шамиль.

Но его ожидало горькое разочарование. На левом берегу Терека к нему явилось лишь несколько князей и узденей Большой Кабарды, которым он подарил оправленные в серебро кинжалы и шашки. Но кроме феодального рода Анзоровых, в сущности, к нему никто не присоединился, хотя сильное колебание было заметно и у старшего князя Большой Кабарды Атажукина и некоторых влиятельных лиц и представителей духовенства. Не помогло Шамилю и назначение Магомет-Мирзы Анзо-

рова (главы рода) наибом Гохинского округа в Малой Чечне на место смешенного наиба Атабая.

Надо отметить, что к неудаче Шамиля в Кабарде царские войска были непричастны. 5-й пехотный корпус, находившийся на Северном Кавказе, получил приказ о перемещении в Новороссийский край и уже находился в пути, о чем, конечно, знали и в Кабарде. Начальник «центра», генерал Голицын, укрылся в Нальчике и отсиделся там до ухода Шамиля. Только небольшой отряд полковника Левковича встретил Шамиля у Татартупа, но был отброшен его частями к станице Урупской.

Таким образом, само население Кабарды показало свое враждебное отношение к Шамилю, что и обусловило крушение его планов. То же самое произошло и в Осетии¹. Вот как говорят о поведении осетин современники:

«За все время пребывания Шамиля в Кабарде осетины, несмотря ни на какие обещания и убеждения агитаторов и людей неблагонамеренных, оставались верными своему долгу; ни одного аула этого общества нельзя было упрекнуть в двусмысленном поведении. Что же касается назрановского племени, то оно доказало на деле свою непоколебимую преданность русскому правительству: милиция выставлялась им по первому требованию; в караулы и на посты назрановцы выходили охотно; они же служили проводниками, нарочными и курьерами как в отряде генерала Фрейтага, так и в назрановском»².

Шамиль вынужден был покинуть Кабарду. Уходя из нее, он обратился с воззванием к кабардинцам, абазекам и другим племенам. В этом воззвании он писал: «Я отступаю не потому, чтобы в борьбе с русскими я терял больше, чем они; нет, не потому, но для тысячи других причин, которые все идут в нашу пользу; для общего нашего блага я возвращаюсь назад, и берегитесь иначе думать об этом. Не покоряйтесь, пока не будете лишены всех средств; верьте мне, если вы истинные мусульмане; верьте, что не сам от себя действую, но я имею другие державы, которые меня поддерживают. Я клянусь верховным существом; если вы будете сомневаться,

¹ См. М. С. Тогоев, К истории дореформенной Северной Осетии, стр. 75—80.

² «Кавказский сборник», т. XVII, стр. 195—196. (Обзор событий на Кавказе в 1846 г.).

ваться в сказанном мною, — а это сомнение противно нашей святой вере, — вы погубите себя без пощады и навлечете на себя гнев божий»¹.

Надо сказать, что вторжение Шамиля в Кабарду сильно напугало царских генералов. Главнокомандующий князь Воронцов писал в Петербург военному министру, что «нашествие Шамиля на Кабарду... могло иметь весьма важные последствия на положение наше на Кавказе... Предприятие это, уже давно задуманное Шамилем, должно было дать решительный оборот делам его, прекратить общее стремление закубанских народов к примирению с нами, восстановить против нас давно покоренные, но воинственные племена центра Кавказской линии и Владикавказского округа; прервать или по крайней мере затруднить сообщения Тифлиса с Кавказской областью, укрепить дух непокорности и сопротивления в Чечне и утвердить еще более враждебное нам его владычество в Дагестане»².

Разумеется, нельзя утверждать, что в Кабарде вовсе не было сторонников Шамиля. Некоторые князья и узденцы упорно ждали его и почему-то надеялись, что он еще раз придет в Кабарду после окончания поста в месяц рамазан. Под влиянием подобных слухов кабардинцы распродавали имущество, рогатый скот, овец, пчельники, сады, все, что только можно было обратить в деньги, чтобы легче было уйти в горы. В Кабарде даже появились отряды горцев, иногда доходившие до 400 человек, которые нападали на казачьи станицы, отгоняли скот. Однако вскоре стало известно, что Шамиль двинулся не в Кабарду, а на Цудакар и Акушу, где имел столкновение с русскими войсками.

О том, что ему теперь приходилось вновь подчинять когда-то примкнувшие к нему территории, лучше всего свидетельствует воззвание к жителям Казикумухских селений, которые еще в 1847 г. были на его стороне.

«От властелина правоверных Шамиля — повеление казикумухцам.

Кланяясь всем вам, я предварю, что настало время, в которое вы должны чувства души вашей обратить к богу, жертвовать жизнью и восстать против врагов

¹ «Сборник документальных материалов», стр. 279.

² «Кавказский сборник», т. XVII, стр. 178.

божьих, если вы веруете в бога и его пророка; иначе оставьте край ислама и перейдите в земли неверных, ибо земной шар обширен. Знайте, что я не буду щадить кровь и состояние ваше и направлю на вас моих наибов, потому что вы есть помощники, путеводители и крылья неверных, и охранители путей, и враги правоверных. Открывая вам сие, предоставляю на волю каждого быть правоверным или неверным. Да оповестит ведающий о сем неведающего!»¹

Это, как и многие другие такого же характера воззвания, обращения и приказы Шамиля и его наибов к племенам и отдельным селениям горцев в 40—50-х годах, нередко сопровождавшиеся карательными экспедициями и переселением некоторых аулов в глубину гор во избежание возможного перехода на сторону русских — все это говорило о решительном переломе, наступившем в отношении горцев к Шамилю, о внутреннем кризисе всего движения.

Деспотический режим феодальной теократии, насаждаемый Шамилем и его наибами, спиравшимися на вооруженную силу и использовавшими идеологию мюризма, режим, при котором подавлялось всякое проявление классового самосознания народов и при помощи религиозного законодательства шариата насаждались нормы феодального права, не мог не вызвать стихийного недовольства масс. Разделенные этническими, племенными и национальными перегородками, многочисленными патриархально-общинными традициями, горцы продолжали жить в условиях той же раздробленности, которая мешала им сплотиться на борьбу как против колониального режима, так и за свои наущные права.

Вот почему, когда в 1854 г. Шамиль еще раз попытался оказать воздействие на Кабарду и Осетию, он столкнулся с еще более организованным отпором, чем тот, который был дан ему в 1846 г., и кроме отдельных лиц из числа феодалов, никого не сумел привлечь на свою сторону. Известно, что в войне 1853—1856 гг. кабардинцы, осетины, дагестанцы вместе с русскими вели борьбу против турок, вторгшихся на Кавказ.

В сущности к началу Крымской войны 1853—1856 гг. обстановка в имamate Шамиля коренным образом изме-

¹ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссию, т. X, Тифлис 1885, стр. 468. (Перевод с арабского, 1847 г.)

нилась: наибы, под прикрытием шариата обогащавшиеся за счет народа, превратились в крупных владельцев земли, скота и денег, т. е. в типичных феодалов.

В 1844 г. был убит в своем ауле известный наиб Шуашиб-мулла. Шамиль приказал конфисковать его имущество. Оно состояло из 4 тыс. баранов, 500 голов рогатого скота, 60 буйволов, нескольких десятков винтовок и прочего оружия и 30 тыс. серебряных рублей¹. А ведь это был далеко не самый богатый человек в имамате Шамиля! Жажда наживы, охватившая наибов и мюридов, неизбежно вызывала усиление эксплуатации и ограбления народа, произвол и насилия по отношению к простым горцам. Озабоченный сокращением количества населения, Шамиль приказал наибам строго наблюдать за тем, чтобы все девушки выходили замуж. Наибы широко использовали этот приказ для извлечения материальной выгоды и открыли торговлю невестами, особенно малолетними, что вызвало возмущение населения и сильно уронило авторитет Шамиля.

Во время Крымской войны Шамиль не сумел или не смог использовать благоприятную обстановку для укрепления своих позиций, хотя он установил контакт с турецкими генералами и их английскими военными советниками и делал попытки прорваться на соединение с войсками противников России.

В 1853 г. им был предпринят рейд на Джарскую область с тем, чтобы создать угрозу Кахетии и Северному Азербайджану. В следующем, 1854 г., когда турецкие войска начали наступление со стороны Карса на Закавказье, Шамиль, имея около 15 тыс. войска, вторгся в Телавский уезд Кахетии, в долину р. Алазани, причем отдельные отряды дошли до селения Цинандали, создав угрозу Тифлису.

15 ноября Шамиль писал турецкому командующему Ибрагиму-паše о своем вторжении в Кахетию, где он рассчитывал соединиться с турецкими войсками. Грузины, писал Шамиль, «сражались с нами и обратились в бегство по воле всемогущего аллаха, дающего победу. Они были убиты, взяты в плен. Их села и крепости были сожжены». Однако дальнейшее сопротивление грузин не

¹ См. А. Зиссерман, История 80-го пехотного Кабардинского полка, т. II, стр. 384.

позволило осуществить соединение шамилевских и турецких войск. Сообщая, что он намеревался захватить дорогу в Черкесию, Шамиль заканчивает свое письмо выражением надежды на то, что аллах дарует ему встречу с турецким пашой¹.

Сын Шамиля Джемаль-Эддин писал, что султан обещал присвоить его отцу по взятии Тифлиса титул короля Закавказского, а Гази-Мухаммеду — другому сыну и официальному наследнику Шамиля — прислал знамя и медаль².

Турецкому командующему Омар-паše, высадившемуся на кавказском побережье в 1854 г., Шамиль представил свой поход в Грузию, сопровождавшийся разорением мирных грузинских племен как большую победу. Что касается самого Омар-паши, то и он встретил упорное сопротивление грузинского ополчения и не сумел не только выполнить план захвата Грузии, но даже заставить русские войска снять осаду Карса.

В это же время завязалась переписка между английским генералом Вильямсом, сидевшим в Карсе и являвшимся душой обороны этой турецкой крепости, и Шамилем. Поводом для этой переписки явился захват Шамилем при вторжении в Грузию княжеских семей Чавчавадзе и Орбелиани.

Свой ответ на просьбу генерала Вильямса об их освобождении Шамиль заканчивает такими словами: «Велико желание наше и усердны молитвы к всевышнему о доставлении нам удовольствия познакомиться с вами, к чему доныне не представилось случая. Может быть всещедрый бог удостоит нас такой милости»³.

Падение Карса и плenение всего его гарнизона вместе с генералом Вильямсом не позволило осуществиться этому желанию Шамиля. Вскоре и Омар-паша вынужден был уйти из Закавказья, где теперь его армии грозил полный разгром. Подводя итоги этой войны, Ф. Энгельс писал после падения Карса: «Этим заканчивается третья удачная кампания русских в Азии: Карс и его округ завоеваны; Мингрелия освобождена от неприятеля; по-

¹ См. «Сборник документальных материалов», стр. 423—424.

² См. Н. Н. Муравьев, Война за Кавказом в 1855 году, т. II, СПБ. 1877. Приложение, стр. 372.

³ См. Н. Н. Муравьев, Война за Кавказом в 1855 году, т. I, СПБ. 1877. Приложение, стр. 325.

следний еще оставшийся боеспособным отряд турецких войск — армия Омера-паши — значительно обессилен численно и морально. Это немаловажные результаты в стране, подобной юго-западному Кавказу, где все операции неизбежно замедляются характером местности и недостатком дорог. И если сопоставить эти успехи и завоевания с тем фактом, что союзники заняли южную часть Севастополя, Керчь, Кинбурн, Евпаторию и несколько фортов в Черкесии, то станет ясно, что достижения союзников далеко не так огромны, чтобы оправдать бахвальство английской печати»¹.

Только заблуждением относительно экономических, политических и военных возможностей султанской Турции и непониманием той пагубной роли, которую эта страна могла бы сыграть в истории народов Кавказа, оказавшихся в ее руках, можно объяснить стремление Шамиля получить турецкое покровительство, о чём он упорно твердил в письмах турецкому султану и его визирам, полагая, видимо, что вслед за этим последует и обещанная помощь.

В письме к султану в 1843 г. Шамиль от имени важнейших лиц своего народа, к которым он причислял каидев, улемов и наибов, писал: «Теперь неверные стали сильнее против нас и наше положение сделалось стеснительное, а поэтому мы все вместе просим тебя доставить нам помошь и принять нас под тень своего крыла. Мы по нашему убеждению считаем себя слабыми твоими подданными. Если справедливы предания и изречения пророков, то нет нам другого пристанища и убежища как у тебя... Если добра не сотворишь, то нет сомнения в неизбежной гибели этого народа: какой ответ ты дашь благословенному пророку на том свете, когда он станетзыскывать с тебя за удержание помоши своей от нас, заслуживавших таковую по вере»².

Спустя 10 лет, в 1853 г., в новом послании к турецкому султану Шамиль вновь просит у султана защиты и покровительства: «Мы, ваши подданные, получив от вашего величества осчастливившую нас бумагу, которая показалась нам неожиданно сошедшей с неба благодатью, приняли смелость обратиться со всеподданничес-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 591.

² «Сборник документальных материалов», стр. 227—228.

скою просьбой к порогу великого халифата, царю нашего мира, в той надежде, что мы беззащитные, не будем отталкиваемы от всемилостивейшего нашего султана и будем приняты в числе прочих его подданных под его могучее покровительство»¹.

Осторожность султана, определявшаяся прежде всего международной обстановкой и военной слабостью Турции, лучше всего показала полнейшую необоснованность в политическом отношении ориентации на Турцию, к чему, как известно, крайне недоверчиво относились и горские народные массы.

Во внутренней жизни мюридизм затушевывал классовые противоречия. Борьбу за социальное освобождение горцев, за их национальные права и экономические интересы, мюридизм подменял борьбою за торжество ислама, за полное подчинение жизни религиозным законам, фактически несовместимым с требованиями реальной жизни. Презрение к этим реальным жизненным требованиям, игнорирование материальных, экономических потребностей трудящихся в теократическом государстве Шамиля, превратившемся в наследственную монархию, — все это неизбежно привело к изоляции Шамиля и его наиков от народных масс.

С другой стороны, насаждение религиозной нетерпимости к иноверцам, упразднение местных обычаяй — адатов и насильтвенное введение шариата с его законами, чуждыми горцам Кавказа, мешали включению других народов Кавказа в борьбу, поднятую в Чечне и Дагестане.

Враждебная интересам трудящихся идеология воинствующего мюридизма не могла объединить и организовать народные массы, не могла обеспечить им победу. Только экономические преобразования, которые могли бы непосредственно улучшить положение угнетенных горцев, были способны вдохнуть силу в отсталые и забитые эксплуатируемые массы горцев, дать им действительный стимул к антиколониальной и антифеодальной борьбе.

Слепое увлечение идеологией мюридизма помешало Шамилю, этому бесспорно выдающемуся руководителю движения горцев и талантливому военачальнику сделать

¹ «Сборник документальных материалов», стр. 367.

правильный выбор между господствующими классами, против которых он выступал на первом этапе движения, и простыми горцами-крестьянами.

На втором этапе движения, начавшемся в середине 40-х годов, Шамиль уже окончательно отошел от интересов народных элементов и стал опираться исключительно на зажиточных узденей и мусульманское духовенство, облегчая им путь к превращению в типичных феодалов. Однако это была крайне неустойчивая опора: подкупленные различными послами царских чиновников, они легко покидали Шамиля и переходили на сторону царизма.

Теократический режим, созданный в Чечне и Дагестане, переживал период длительного и мучительного разложения, в течение которого простые горцы терпели громадные лишения и страдания. Изверившиеся в мюридизме народные массы уже готовы были ускорить гибель тягостного для них режима.

Окончание Крымской войны, показавшей всю гнилость и бессилие крепостной России, и условия Парижского мира 1856 г. не могли изменить к лучшему положение Шамиля. Горцы целыми аулами покидали его, прекращая вооруженную борьбу с русскими войсками. После отпадения в 1856—1857 гг. Большой Чечни Шамиль обосновался в долине Аргуна, но в следующем году ему пришлось очистить и Малую Чечню, и Аргунскую долину; чеченцы были переселены на плоскость. В 1859 г. около 140 тыс. русских войск, имевших примерно 150 орудий, с разных сторон были двинуты в нагорный район между Аргуном и Салетавлей, в долину р. Айдинского Койсу.

Восстания против Шамиля в Северном Дагестане — Аварии, Койсубулу и Андии — вынудили Шамиля уйти в Южный Дагестан. Оставленный своими наибами и мюридами, он с группой преданных людей в количестве 400 человек укрылся в ауле Гуниб. Там 25 августа 1859 г. он сдался в плен русским войскам.

Одновременно с борьбой в Чечне и Дагестане развернулось антиколониальное движение адыго-черкесских племен Западного Кавказа: шапсугов, натухайцев, убыхов и др. Во главе этого движения встал в 1848 г. Мухаммед-Амин, один из наибов Шамиля. Он стремился примирить враждующие между собою племена,

подчинить их своей власти и поднять на борьбу против русских. Сам крупный феодал, женатый на сестре темиргоеевского князя Болоткова, имевший до 1000 человек крепостных и рабов, он опирался на феодальную верхушку племен, поддерживая феодальные тенденции зажиточных фокотлей (свободных крестьян) и старшин, и всячески противодействовал сближению черкесов с русскими. Турецкая агентура и английская дипломатия поощряли эту деятельность Мухаммеда-Амина, что и служило одной из причин непопулярности его среди широких народных масс.

Жители уходили из-под власти Мухаммеда-Амина на русскую сторону. В обзоре военных событий за 1851 г. можно встретить такой факт:

«Никого не предупредив о своем намерении, забрав на арбы свой домашний скарб и свои семейства, в темную ночь, когда еще не было поводов следить за ними, секретными дорогами добрались они до наших аванпостов, переправились через Кубань и на седьмой день были в Екатеринодаре, где тотчас же получили доступ к начальнику черноморской кордонной линии». Для поселения этих людей были отведены места, где им не приходилось опасаться преследований со стороны прежних владельцев¹.

Но такие переселения еще не были массовыми. Движение, возглавленное Мухаммедом-Амином носило характер вооруженной партизанской борьбы, проводившейся сравнительно мелкими партиями на широком фронте всей береговой полосы. Здесь гораздо сильнее сказывалась активность турецкой агентуры и зависимость самого Мухаммеда-Амина от Турции. Он открыто выдавал себя за послушного представителя (наместника) падишаха, верховного повелителя всех правоверных мусульман. Однако народ не верил в это представительство и считал, что Мухаммед-Амин присвоил себе звание сultанского наместника, «исходя из своих властолюбивых целей». Горцы открыто роптали на Мухаммеда-Амина за то, что он стесняет их свободу, запрещает вести торговлю с русскими и покупать у них соль, в которой они крайне нуждались; они также протестовали против его обремене-

¹ См. «Кавказский сборник», т. XX, Тифлис, 1899. Обзор событий на Кавказе в 1851 г., стр. 50—51.

нительных налогов. На одном собрании в долине р. Худако 80-летний старшина Хамыз заявил Мухаммеду-Амину: «Ты пришел сюда волновать народ, уговаривать его не передаваться на сторону русских, но народ лучше тебя знает, что для него выгоднее — постоянные тревоги и разорения или мирная жизнь под защитой русской артиллерии. Иди же своей дорогой и оставь нас в покое»¹.

Обстановка на Северном Кавказе и в районе Черного моря к середине XIX в была такова, что исключала возможность создания «независимой Черкесии». Вопрос был не только в политической раздробленности и этнической пестроте племен и примитивности их хозяйства или в междоусобной борьбе внутри феодализирующегося адыгейского и черкесского общества. При той активности, какую проявляли в отношении Кавказа Турция и Англия, западнокавказские племена могли или присоединиться к России, получив при этом надежную защиту и перспективу экономического и культурного развития, или превратиться в колониальное владение Турции, а может быть и Англии. Последняя не случайно засыпала на черноморское побережье своих агентов, снабжавших горцев оружием, а в годы Крымской войны даже высадила в Тамани десант в надежде, что Мухаммед-Амин выставит 20 тыс. обещанного ополчения. Но он не оправдал возлагавшихся на него надежд; его попытка вторгнуться в Карабай и Кабарду провалилась. Все это свидетельствует о том, что популярность его была уже очень невелика и главной причиной этого была его связь с турками. Мухаммед-Амин заявлял, что именно через него Шамиль поддерживает связь с турецким султаном, и, в частности, при его содействии сын Шамиля получил знамя и медали². Известно, что в начале 1854 г. Мухаммед-Амин ездил в Константинополь, где добивался, чтобы султан назначил наместником его, а не хозяйничавшего на побережье его соперника Сефера-пашу. Побывал он и в Варне, в главной квартире союзников, прося о помощи. Наконец, когда турки высадились на кавказском побережье, он в 1855 г. прибыл в Сухуми, где имел встречу

¹ «Кавказский сборник», т. XX. Из донесения начальника Черноморской береговой линии от 10 июля 1851 г., стр. 62.

² См. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиою, т. XII, Тифлис 1904, стр. 1405.

с Омар-пашой, который утвердил его наместником Черкесии. В 1856 г. он опять был в Турции и возвратился на английском пароходе «Кенгуру», доставившем черкесам оружие и боеприпасы.

Английский агент Олифант, подвизавшийся на Кавказе, даже отметил в своей книге, что черкесы после первого знакомства в Анапе с турецкими чиновниками, «стравившимися поработить их власти своего правительства, остали к союзникам, смотрели на них с недоверием и обнаруживали единственное желание свое, дабы их оставили одних»¹.

Среди различных горских племен черноморского побережья вовсе не было единодушия ни в отношении турецкой помощи, ни тем более в отношении покровительства со стороны Англии и Франции, о чем так усиленно хлопотали их агенты, проживавшие на побережье.

Известно, что когда турки перед высадкой в 1854 г. на кавказском побережье обратились к Мухаммеду-Амину с просьбой двинуть в Сухуми на помощь десанту свои отряды, абадзехи и другие племена, ссылаясь на свою бедность, отказались выполнить просьбу турок о выделении продовольствия для их отрядов, предназначеннных действовать в горах. Здесь уже проявилось явное недоверие к туркам, вскоре распространившееся и на их европейских союзников.

В июле того же 1854 г. начальник центра Кавказской линии сообщал, что, по сведениям, полученным от лазутчиков, многие абадзехские старшины, как и старшины других непокорных России племен, «нерадушно принимали английского, французского и турецкого чиновников, приезжавших к ним на совещание, под разными предлогами уклонялись от всех их требований для содействия им в теперешней войне противу русских...»²

Когда в начале мая 1855 г. высажился выше Новороссийска десант англо-французских войск, Мухаммеду-Амину было предложено собрать все горские племена. Но, несмотря на все его приказы и просьбы выставить 12 тыс. человек, горцы ничего не дали, заявив, что они не имеют на это приказа ни от турецкого султана, кото-

¹ Н. Н. Муравьев, Война за Кавказом в 1855 году, т. II, стр. 269.

² «Сборник документальных материалов», стр. 411.

рому присягнули, ни от командующего турецкими войсками в Анапе Мустафа-паши. Они говорили, что если Мустафа-паша прибудет к ним, то они исполнят его распоряжение, но подчиняться англичанам и французам не будут; в этом случае они предпочтут оставаться с русскими¹.

Вообще горцы Западного Кавказа после пленения Шамиля и прекращения борьбы в Чечне и Дагестане ослабили свое сопротивление русским войскам. Сам Мухаммед-Амин в ноябре 1859 г. сдался в плен, приведя с собою около 2 тыс. абадзехов. Однако давление, оказываемое на горцев извне, заставило их продолжать борьбу еще в течение 4 лет. В мае — июне 1861 г. один из начальников, действовавших против черкесов, сообщал: «В последнее время из Константинополя прибыло к народам Адыге особое посольство, состоящее из 3-х лиц: кап. турецкой службы Смель (родом убых), Эфендия Гасана (родом шапсуг) и одного англичанина.

Лица эти, соединившись с Карабатырем Заноко (сын Сефера-пашы. — Н. С.), сделали воззвание к народам племен убыхского, шапсугского, патухайского и абадзехского, в котором объявили, что они имеют полномочия от Англии, Франции и Турции.

По словам вышеупомянутых лиц, правительства этих государств обещают всем черкесам свое покровительство от притеснений России и силой оружия заставить ее признать независимость Черкесии, если только черкесы, с своей стороны, соединят свои усилия и составят общий союз для войны с нами².

Но адыго-черкесские племена не желали объединяться в союз для борьбы за англо-турецкие интересы. Генерал Орбелiani в донесении военному министру от 28 октября 1862 г. писал, что несколько сот семейств абадзехов вышли к русским и отправлены для поселения на Лабе ниже места, отведенного закубанским кабардинцам, и что по сведениям, сообщенным лазутчиками, число выходцев должно вскоре увеличиться в весьма значительных размерах³.

¹ «Сборник документальных материалов», стр. 453.

² Акты, собранные Кавказскою археографической комиссией, т. XII, стр. 908.

³ См. там же, стр. 1019.

В 1864 г. черкесы, бжедухи, шапсуги, натухайцы, убыхи и другие племена окончательно прекратили вооруженную борьбу.

С прекращением войны на Кавказе усилилась агитация турецких агентов за массовое переселение горцев в Турцию. В это переселение оказались вовлечеными и представители народов, вовсе не принимавших участия в движении Шамиля и Мухаммеда-Амина.

Это свидетельствует о том, насколько еще сильно было влияние султанской Турции на Кавказе, а равно и ее вмешательство в кавказские дела. Кавказская политика Турции облегчалась тем, что на Кавказе и в Закавказье в 40—60-х годах происходили стихийные, неорганизованные выступления различных народов. Царское законодательство, носившее чисто крепостнический характер, ограждая интересы феодалов, не обеспечивало насущных нужд малоземельных и безземельных крестьян и тем самым толкало их на борьбу за землю, которую они обрабатывали.

Усиление классовой борьбы крестьян Грузии и Азербайджана, особенно после издания закона в 1849 г. о возложении на крестьян обязанности доказать свои права на свободу от помещиков, широкая волна крестьянских выступлений против помещиков в Араратской долине, выступления ремесленников в городах — все это говорило о стремлении крестьян освободиться от крепостной зависимости и получить землю, захваченную помещиками.

В 1856 г. развернулась борьба крестьян плоскостной Осетии против местных феодалов. В том же году произошло восстание в Мегрелии и всыхнула борьба крестьян Малой Кабарды, а также бжедухов против своих феодалов. Следует отметить, что на помощь феодалам неизменно приходил царизм, который не считался с тем, что широкие народные массы Кабарды, Адыгеи и др., стремясь к России, искали у нее защиты от произвола феодалов, в частности и Мухаммеда-Амина. Когда бжедухи свергли в 1851 г. власть Мухаммеда-Амина и просили принять их в подданство, генерал Воронцов потребовал, чтобы они присягнули вместе со своими князьями. Когда шапсугские и натухайские фокотли освободили от крепостной зависимости более 8 тыс. семей, то царские власти встали на защиту феодалов, которые фактически

держали в своих руках всю лучшую землю и обогащались благодаря торговле.

И не случайно главнокомандующий кавказской армией, генерал Орбелиани, характеризуя обстановку на Кавказе в 1861 г., писал военному министру о срочной необходимости наделения горцев землей. «Это будет, конечно, самою действительной мерою для предупреждения новых восстаний».

Однако этот путь, который, особенно после реформы 1861 г. в России, частично начал применяться на Кубани в отношении черкесских племен, чрезвычайно напугал феодалов, которые не хотели лишиться своих прав на крестьян и других привилегий. Они начали агитацию за массовое переселение горцев-мусульман в Турцию. Эта агитация была поддержанна как феодалами — сторонниками протурецкой ориентации, так и старшинами, стремившимися сохранить за собой право на крепостническую эксплуатацию подневольных горцев.

Этой агитации поддались и фокотли. Надо сказать, что царское правительство не противодействовало переселению горцев и даже выдавало ссуды для его осуществления, преследуя при этом свои цели. По планам противников России массовое переселение горцев в Турцию должно было обезлюдить Кавказ и способствовать созданию из переселенцев воинских частей для использования их против России на том же Кавказе. Что касается царских властей, то они рассчитывали при помощи переселения избавиться от «беспокойных» людей, которые требуют себе землю, и вместе с тем приобрести земельный фонд для обеспечения им царских чиновников и сильно разросшихся казачьих станиц, служивших военной опорой царизма на Кавказе.

По данным, собранным и опубликованным знатоком истории Кавказа академиком А. П. Берже, всего за время 1858—1865 гг. выселилось в Турцию более 493 тыс. человек¹. Обстоятельно ознакомившись со всем доступным ему материалом о переселении горцев, А. П. Берже пришел к выводу, что горцы (черкесы) согласились бы все перейти на Кубань, где их хотело расселить царское правительство, если бы их не сбивали с толку европейские

¹ См. А. П. Берже, Выселение горцев с Кавказа, «Русская старина», т. XXXIII, СПБ. 1882 г., стр. 161—176, 337—363.

и турецкие дипломаты и агенты. Он приводит в качестве примера текст возвзания, с которым турецкий комиссар Мухаммед Насарет обратился к черкесам 1 июня 1863 г.:

«Берите ваши семейства... и все необходимые вещи, потому что наше правительство заботится о постройке для вас домов и весь народ наш принимает в этом деятельное участие. Если тяжебные дела задержат вас до весны, то по окончании их поспешите переселиться с таким же рвением, как предшественники ваши»¹.

Следует иметь в виду, что горцы в большинстве случаев переселялись в Турцию не по своему желанию. Они шли, подчиняясь воле своих влиятельных сородичей, в силу тяготевшей над ними вековой традиции и обычного права, узаконявших крепостнические отношения и внушиавших простым горцам убеждение в их полной зависимости от своих старшин и феодалов.

Отвратительную роль в деле переселения сыграл, например, владетельный осетин Муса Кундухов (он же Муса-паша), авантюрист и предатель, имевший чин генерала царской армии.

Вместе со своими родственниками он возглавил в 60-х годах переселение горцев-осетин в Турцию, убедив царские власти в том, что он уводит с Кавказа наиболее «копасных» людей, и получив за эту «помощь» от правительства 45 тыс. рублей. Когда он узнал из письма начальника Терской области, что «правительство готово даже воспретить явное переселение, если только оно коснется тех племен, которые без затруднения могут быть наделены землею», то ответил ему (19 марта 1865 г.), что был сильно напуган этими строками. Феодал Кундухов больше всего боялся остаться в Турции без подневольных ему горцев. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он воевал против России, командуя турецкой дивизией на Кавказском фронте.

Преступным было и поведение некоторых кабардинских князей. Из одного секретного документа — письма бывшего начальника Нальчикского округа на имя начальника Терской области от 17 декабря 1892 г. — видно, что еще до описанного выше переселения в Турцию осетин Мусой Кундуховым туда выселилась часть кабардин-

¹ См. А. П. Берже, Выселение горцев с Кавказа, «Русская страна», т. XXXIII, СПб. 1882 г., стр. 176.

цев во главе с князем Шемако Жамбировым. Позже, перед освобождением крестьян в Кабарде (1866—1867 гг.), кабардинские князья и уздени вновь подстрекали народ к переселению в Турцию. Дело дошло до явного возмущения, которое заставило власти в административном порядке выслать этих князей-подстрекателей во внутренние губернии России.

Переселению в Турцию в большой степени способствовало мусульманское духовенство, призывающее горцев к войне против «неверных» и уходу из их земли. В качестве примера можно привести воззвание одного из бывших наивов Шамиля, распространявшееся в Чечне в марте 1861 г.:

«От раба божия Атабая к правоверным его братьям гохинцам и другим чеченцам.

Правоверные, господь сотворил вас для того, чтобы вы защищали веру вашу и сражались за оную с неверными. До настоящего времени как предки ваши, так и вы сами были подобны расовирепевшим львам в войнах ваших за веру, которые не переставали вести с врагами оной. Вы заставили людей говорить о себе и о предках ваших и передавать повести о ваших подвигах наследственno. Вы были постоянно в главе защищающих газаватом веру свою.

Но что же стало с вами, что вы прекратили газават, отказались от употребления оружия в войне за веру и сделали для себя обычаем служить неверным, возить для них провиант? Разве вы не стыдитесь за себя перед богом, который повелевает вам воевать за веру в него и не оставаться в земле врагов его?

Удивительно, как вы могли поддаться обольщению приятных слов неверных, грызущих со злости на вас свои пальцы!

Ненависть их к вам видна и не может быть скрыта в сердцах их. Господь в книге своей сказал: правоверные, если вы будете служить и повиноваться неверным, то со временем постигнет вас несчастье. Не пренебрегайте же газаватом за веру! Бог предписывает вам вести войну, уходя из земли неверных. Пророк сказал: кто убежит из земли неверных, сохранив веру свою и сделает хоть один только шаг, тот наследует рай.

Кто будет читать эту бумагу и переносить ее из аула в аул, тот получит награду от бога и благодар-

ность от всех рабов его. Рай под тенью меча (слова пророка)»¹.

Когда русские власти увидели, что переселение горцев приняло массовый характер, они забили тревогу и энергично начали искать виновных.

На запрос представителя русского посольства в Константинополе о причинах массового переселения горцев помощник начальника штаба кавказских войск генерал Карцов писал 12 декабря 1863 г.: «Турецкое правительство само возбуждало всегда между горцами симпатии к Турции и вражду против русских. Переселение есть результат этих возбуждений и разубедить горцев не ехать в Стамбул и Трапезонд кавказское начальство бессильно»².

Но Турция была вовсе не подготовлена к обеспечению такого огромного количества переселенцев, которые, попав в Турцию, оказались в крайне тяжелых условиях.

Царский консул Мошнин доносил из Трапезунда, что из прошедших через Трапезунд и его окрестности 247 000 переселенцев к 10 июня 1864 г. умерло 19 тыс. К данному времени осталось там 63 290 человек; средняя смертность достигает 180—250 человек в день. Горцев отправляют в глубь пашалька, но большую частью в Самсун. В Керасунде их около 1500 человек, в Самсуне и окрестностях — более 110 тыс., в Синопе и Инеболи — около 10 тыс. Среди переселенцев свирепствует сильный тиф. Из горцев турки начали формировать добровольческие отряды для турецкой армии; по его сведениям, мужчины идут охотно в эти отряды и продают своих жен и детей, чтобы развязать себе руки³. Работоторговцы, пользуясь безвыходным положением горцев, покупали за дешевую плату женщин и детей, которых выгодно сбывали в турецких городах. В общем надо считать, что до 50% всех переселенцев погибло от различных эпидемий и в пути; из уцелевших до 15% (из числа женщин и детей) были проданы в качестве рабов.

Очутившись в Турции в очень тяжелом положении, горцы начали открыто выражать свое недовольство и

¹ Центральный Государственный архив Северо-Осетинской АССР (в дальнейшем: ЦГА СО АССР), ф. Канцелярии начальника Терской области, секретный стол 1861 г., ОСФ, св. 8, л. 217, л. 2.

² См. А. П. Берже, Выселение горцев с Кавказа, «Русская старина», т. XXXIII, 1882 г., стр. 358.

³ См. там же, стр. 353.

оказывать сопротивление турецким властям, обращавшимся с ними как с военнопленными.

Русский консул сообщал из Эрзерума о применении турками вооруженной силы против горцев. В 1865 г. из Эрзерума для разоружения горцев был двинут отряд турецких войск в составе трех батальонов пехоты и четырех орудий под начальством Абдурахмана-паши. Если эта операция прошла спокойно в самом Эрзеруме, то по пути в г. Муш отряд встретил партию карабулаков, которая была разоружена лишь после оказанного ею вооруженного сопротивления, в результате которого было убито 15 горцев. Вслед за этим были разоружены и горцы в г. Муш¹.

Встретив в Турции враждебное к себе отношение, обманутые в своих надеждах горцы начали хлопотать о возвращении на свою родину, на Кавказ, но встретили противодействие со стороны царских колониальных властей. Из огромной массы желавших вернуться в 60-х и в начале 70-х годов сумели возвратиться в родные места лишь 5857 чеченцев (мужчин и женщин). Значительно большее количество переселенцев возвратилось после войны 1877—1878 гг.

О стремлении горцев вернуться обратно на Кавказ дают представление официальные документы того времени.

Военный губернатор Эривани генерал Астафьев доносил 26 октября 1863 г. упоминавшемуся выше генералу Карцову:

«В бытность мою две недели тому назад в Александрополе явилось к границе 198 душ обоего пола чеченцев и просили дозволения возвратиться к нам, на прежнее местожительство.

Узнав о крайне бедственном положении этих переселенцев, о которых турецкое правительство вовсе не заботится, я дозволил прислать ко мне депутатов для личных объяснений.

Депутаты эти объяснили мне, что они никогда бы не переселились из России, если бы не были обмануты влиятельными людьми, что им не оказывали никакого содействия в Турции, так что они впали в крайнюю нищету, что им отвели для поселения самые нездоровые места и

¹ ЦГА СО АССР, ф. 80, д. 45, 1865, лл. 131—135.

что они желают лучше быть сосланными в Сибирь или умереть на нашей границе, нежели возвратиться в Турцию».

Эти чеченцы, сообщает генерал Астафьев, готовы даже принять православную веру; вслед за первой партией прибыло еще 1106 человек, за которыми следуют и все остальные переселенцы, причем из последней партии чеченцев 300 человек тоже изъявили желание креститься¹.

Нужно было быть действительно закоренелым и безжалостным колонизатором, чтобы не откликнуться на эти просьбы горцев, на их готовность пойти на такой крайний для мусульманина шаг, как отказ от мусульманской религии, свидетельствовавший о том, что горцы дошли до предела отчаяния. Трудно понять, какими государственными соображениями руководствовались царские чиновники, отказываясь принять обратно несчастных переселенцев, обивавших пороги кавказского высшего начальства и царского посольства в Константинополе.

В письме, поданном в 1865 г. наместнику на Кавказе великому князю Михаилу Николаевичу, переселенцы писали: «Мы находимся в весьма печальном положении и просим вас: будьте милосердны, разрешите нам возвратиться к вам». Они писали, что стали жертвой бессвестного обмана: «Мы узнали, что Кундухов ухитрился обмануть нас, говоря, что переселение делается по общему согласию двух государей,— а здесь ничего нет. Нам уже отвели место в Турции. Кундухов желал, чтобы он один жил, а мы все умерли; он желает даже переселить сюда и остальных горцев... Мы гораздо охотнее пойдем в Сибирь, чем будем жить в здешней Сибири... Мы можем избавить многих горцев от гибели своим возвращением... Из нас и так погибла одна треть. Турки говорят, что нам укажут место для жительства, а на указанном ими месте можно только умереть, а не жить»².

Царский посол в Турции генерал Игнатьев писал 21 декабря 1872 г. товарищу министра иностранных дел: «Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству копию с прошения, поданного мне черкесской

¹ ЦГА СО АССР, ф. 80, д. 45, 1865 г., лл. 49—52.

² ЦГА СО АССР, ф. Канцелярии начальника Терской области, д. 262, 1865 г., лл. 81—82.

депутацией, прибывшей из Малой Азии в Константинополь. Из содержания документа этого ваше превосходительство благоволите усмотреть, что 8500 черкесских семейств, переселившихся разновременно с Кавказа в Турцию, жалуясь на бедственное и беспомощное положение, в котором они находятся, и на невыносимые притеснения, ходатайствуют о их возвращении в Россию»¹.

По-видимому, посол предполагал оставить это ходатайство без последствий, поскольку он дальше ссылался на запрещение министерства иностранных дел и кавказского начальства допускать массовое возвращение горцев, ушедших с Кавказа².

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, д. 6989, 1873 г., л. 2.

² Окончание этого документа в архиве не сохранилось, поэтому о нем можно говорить только предположительно.

ГЛАВА IX

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Затрудня и вовсе воспрещая возвращение переселенцев на Кавказ, царское правительство спешило захватить земли в свои руки. Оно объявляло землю общинной и, рассматривая ее в этом случае как государственную, распоряжалось ею по своему усмотрению. Но в то же время, чтобы как-то успокоить массы горцев, царизм укреплял в них надежду на получение земли и старался прекратить поземельные споры между феодалами и крестьянами. Проводя на Кавказе земельную реформу и освобождая крестьян от крепостной зависимости, царское правительство наделяло их землею в самых минимальных размерах, чтобы только обеспечить введение на Кавказе государственных податей и повинностей.

В 1865 г. в Большой Кабарде свободным крестьянам, объединенным в 32 аула, было отведено на правах общинного владения примерно 312 тыс. десятин земли, в том числе и непригодной для ведения хозяйства, а 9 аулам Малой Кабарды — примерно 83 тыс. десятин. В то же время около 200 князей и узденей получили в два раза больше земли, притом наиболее плодородной, с наделом каждому от 200 до 1000 и даже более десятин.

В 1866 г. каждый крестьянский двор был обложен государственным поземельным сбором в размере 5 рублей.

В 1867 г. реформа в Кабарде была закончена. Освобожденные от крепостной зависимости крестьяне в

количество 21 221 человека¹ должны были вносить за себя определенный выкуп, устанавливаемый соглашением между крестьянином и его владельцем. Но землю кабардинские крестьяне в собственность не получили. Они надеялись аульной землей на правах общинного пользования.

В 1889 г. в общинное пользование, по постановлению правительства перешло еще 315 тыс. десятин так называемой запасной земли (с лесом)². Эта земля распределялась по количеству скота в каждом крестьянском дворе, что привело к усилению классовой дифференциации в кабардинском ауле. Крестьяне, не имевшие скота (а таких было много), земли не получали. Этот принцип соблюдался при распределении не только пастбищной, но и пахотной земли.

Проведение земельной реформы у адыго-черкесов происходило в условиях, отличавшихся от тех, которые существовали в Кабарде. Еще в 1862 г. в связи с восстанием Мухаммеда-Амина часть адыго-черкесских племен, остававшихся на своих местах, была переселена в особый район на левом берегу Кубани, более отдаленный от прибрежной полосы. Освободившиеся земли были разданы русским поселенцам — казакам, количество которых превышало 100 тыс. человек.

Численность горцев как выселенных, так и оставшихся на прежнем месте достигала 80 тыс. человек, из них 4 тыс. приходилось на феодальную верхушку (включая духовенство). Вся предоставленная им территория была разделена на 5 округов, из которых только в одном Эльборусском округе, населенном преимущественно карачаевцами, жители не подверглись переселению и сохраняли свои земли.

В отношении прав на новую землю горцы были разделены на 3 категории. В первые две категории вошла феодальная и чиновная знать — князья, старшины и лица, имевшие заслуги перед царскими властями. Выделенная им земля переходила в их частную собственность. Третью категорию составлял простой народ —

¹ См. «Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в 1867 году». Подготовил проф. Г. А. Кокиев. Нальчик 1947, стр. 189 и ведомость (вклейка).

² В. Н. Кудашев, Исторические сведения о кабардинском народе, стр. 222.

крестьяне, свободные и крепостные. Они наделялись землей по аулам на правах общинного пользования. Размеры надела колебались от 9 до 12 десятин на душу (на мужчину).

Привилегированная верхушка, отнесенная к первой и второй категориям, по-разному наделялась землей. Тем, кто имел офицерское звание, предоставлялось от 200 до 400 и более десятин земли. Старшие члены феодальных фамилий получали от 100 до 300 десятин, а всем другим членам семьи полагалось по 30 десятин сверх обычного душевого надела. Всего для местной знати и для раздачи царским чиновникам и помещикам было выделено 464 тыс. десятин земли. В последующем эта цифра возросла до 990 тыс. десятин.

Как и в Кабарде, земельная реформа у адыгейцев и черкесов была в основном закончена в 1867 г. Было «освобождено» до 14,5 тыс. крепостных крестьян. За свое «освобождение» крестьяне вынуждены были вносить владельцам выкуп от 20 до 200 руб., в зависимости от возраста. Не имевшие денег для уплаты оставались работать у своих владельцев на срок до 7 лет.

В Кумыкии в результате земельной реформы, проведенной там также в 1867 г., из 400 тыс. десятин земли, находившейся в руках феодалов, после упорного их сопротивления половина была изъята для наделения 6,8 тыс. крестьянских дворов. Крестьяне получали землю на правах общинного владения без выкупа. Оставшаяся в руках феодалов лучшая земля была признана их частной собственностью. Из общего земельного фонда 20 тыс. десятин захватила казна для раздачи русским поселенцам и царским чиновникам.

Если на изъятой у феодалов земле находились плантации марены (красящее растение), то эти плантации в течение 15 лет (до 1881 г.) сохранялись за их владельцами и арендаторами, которые обязаны были вносить по 2 рубля с саженца посева при каждом выкалывании корней марены.

Примерно в это же время происходила ликвидация крепостнических отношений в Осетии (1863—1867 гг.), Дагестане (1866—1867 гг.), где одновременно произошла и ликвидация всех ханств и отдельных владений, и в Закавказье (1864—1871 гг.).

Разумеется, земельная реформа на Кавказе, ликвидировавшая одновременно и домашнее рабство, не проходила гладко. Она вызвала острую социальную борьбу: низы выступали против феодалов, захватывавших лучшие земли и опиравшихся на поддержку царской администрации. Но даже и эта куцая реформа, не делавшая крестьян действительно свободными, поскольку она сохраняла многие формы феодальной эксплуатации, все же создавала предпосылки для проникновения в кавказские аулы элементов новых капиталистических отношений.

В результате земельной реформы на Кавказе начался процесс концентрации земли в руках крупных землевладельцев. В Кабарде, например, некоторые из этих землевладельцев сумели закрепить за собою по 1,5 тысячи и более десятин земли (князья Атажукины, К. Анзоров, И. Куденетов, Тамбиеv и др.). Они, как и другие кавказские владельцы, получили миллионы рублей в качестве выкупа от освобожденных крестьян.

Что касается крестьянской земли, то она стала предметом интенсивного захвата как со стороны помещиков, так и кулачества. Общий фонд аульной земли после реформы начал уменьшаться; количество же земли на душу населения сократилось чуть ли не вдвое, а в некоторых районах Кабарды дошло даже до 0,5 десятины. В результате крестьянская беднота, составлявшая почти половину всего крестьянства, вынуждена была на кабальных условиях арендовать землю у своих прежних владельцев.

Хотя в сельском хозяйстве Кавказа теперь начал применяться наемный труд (сезонники), все же капиталистические отношения развивались слабо; преобладала отработочная система аренды, в виде испольщины и др. Сама горская знать, захватившая крестьянскую землю, не умела вести хозяйство на новых, капиталистических началах. Лишившись крепостных крестьян, помещики начали распродавать свои земли. В условиях растущих в 60—80-х годах XIX в. товарно-денежных отношений и большого спроса на землю со стороны русских переселенцев, казачества и кулачества, цены на землю сильно поднялись, что привело к довольно быстрому образованию зажиточного слоя горского аула и в то же время горской безземельной бедноты.

Достаточно сказать, что до 25% кабардинцев оказались безлошадными, а в предгорных районах не имело

лошадей около 40% крестьян. Еще хуже обстояло дело с владением овцами: примерно 50% кабардинских крестьян не имели их вовсе.

Отсюда видно, что и в Кабарде, и в других районах Северного Кавказа основные средства производства концентрировались в хозяйствах крупных помещиков и кулачества как местного, так и пришлого (переселенцы), что и способствовало разложению натурального хозяйства, обеднению крестьянства, а вместе с тем и обострению классовых противоречий.

Большим злом для местных крестьян были недоимки, которые начались с того, что больше половины крестьян не смогли внести положенный выкуп, к которому ежегодно прибавлялись новые и новые долги, составлявшие к концу века огромную сумму.

Крупным событием в экономической жизни народов Северного Кавказа была постройка железной дороги, связавшей Россию через Ростов с Владикавказом (1877 г.). Стала увеличиваться площадь посевов, изменилась и структура посевных площадей: пшеница и кукуруза стали преобладать над просом — этой традиционной культурой адыгейцев, черкесов и кабардинцев; в зажиточных хозяйствах быстро росло поголовье скота, особенно лошадей и овец; увличилась товарность скотоводства. Заметную роль в хозяйстве стало играть коневодство: кабардинскими лошадьми снабжалась царская армия.

Все же коневодство, как и скотоводство вообще, при его экстенсивном характере, необеспеченности зимой кормами и защитой от холодов, не могло быть особенно продуктивным. Ведущую отраслью хозяйства, как уже отмечалось, с начала XIX в. было земледелие.

В преформенный период истории Северного Кавказа его народности и племена продолжали оставаться на различных ступенях экономического и общественного развития. Характерным для всего Северного Кавказа было полное отсутствие крупной промышленности и больших экономически развитых городов. Даже в такой сравнительно большой для Кавказа стране, как Кабарда, не было ни одного города!¹ Типичными были мелкие

¹ Нальчик, в настоящее время столица Кабардино-Балкарской АССР, был преобразован из слободы в город 1 декабря 1921 г.

кустарные промыслы, главным образом связанные с обработкой продуктов коневодства и овцеводства. В Кабарде, Адыгее и Черкесии тысячи семей были заняты выделыванием бурок; в большом количестве производились седла, шорные изделия, обувь, домашнее сукно. Однако по мере наводнения кавказского рынка фабрично-заводской продукцией, поступавшей из России, кустарное производство на Кавказе хирело и приходило в упадок. Об этом упадке в пореформенную эпоху вековых кавказских кустарных промыслов писал В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России»: «Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кожи и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посыпавших на Кавказ свои изделия. Падала обработка рогов в бокалы вследствие упадка феодального строя в Грузии и ее исторических пирров, — падал шапочный промысел вследствие замены азиатского костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина, которое впервые стало поступать в продажу (развивая бочарное производство) и завоевывало в свою очередь русский рынок»¹.

Наиболее продуктивным оказался лесной промысел, особенно в горных районах. Хотя оплачивались перевозки леса крайне плохо, но острые нужды заставляли горцев браться и за этот разорительный для их хозяйства промысел. Развивавшийся во второй половине XIX в. российский капитализм использовал Кавказ в качестве рынка сбыта для своих промышленных изделий и в качестве источника местного сырья. Одновременно шло приспособление экономики отдельных районов и областей к новым условиям, связанным с развитием товарно-денежного хозяйства. Включение Кавказа в общероссийские рыночные связи приводило к развитию торговли, ярмарок, различного предпринимательства и в то же время способствовало ликвидации замкнутости и изоляции отдельных территорий, их взаимному общению. Рушились устои патриархально-феодального уклада жизни горцев.

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, стр. 513.

Этому процессу сопротивлялись феодально-реакционные силы горского общества, не желавшие расставаться с традиционными отношениями, веками освящавшими их господство над трудящимися массами горцев. Известная часть этих реакционных сил в тщетных попытках борьбы с новыми, прогрессивными формами общественной жизни искала помощи у Турции. Это создавало особенно благоприятную почву для деятельности всевозможных религиозно-политических и сектантских организаций.

— В 60—80-х годах XIX в. на Кавказе особенно заметную роль начали играть секты, которые возглавляли шейхи Батыл-хаджи, Кунта-хаджи, Хаджи-Али-баба и др. Прикрываясь религиозными формами подвижничества и послушания, все эти секты по существу преследовали цель ограбления и эксплуатации забитых и темных людей; их руководители, как правило, были постоянной турецкой агентурой. Они упорно боролись против всяких элементов прогресса и цепко держались за старые формы быта и общественной жизни на Кавказе.

Характерной чертой этих новых сект, и прежде всего секты Кунта-хаджи, развернувшей свою деятельность еще в 1861—1863 гг., была попытка копировать систему мюридизма, созданную Шамилем. Они занимались не только религиозной или — под флагом религии — политической пропагандой, но и пытались регламентировать общественную жизнь горцев. В отличие от мюридизма, все же придерживавшегося ортодоксального ислама, секта Кунта-хаджи практиковала «зикр» — пляску во время моления, назначение которой было привести мюрида в состояние экстаза.

Обычно для приобретения популярности, — пишет один наблюдатель, — шейх разъезжает по селениям и устраивает джазв (моление). После каждого джазва происходит посвящение новых мюридов как мужчин, так и женщин. Мюриды щедро одаряют своего шейха, ничего не жалея для него. «И не удивительно, что шейхи с каждым днем богатеют, а мюриды беднеют»¹.

Под влиянием шейхов мюриды превращаются в ярых фанатиков и грубых невежд. Так, например, мюриды не

¹ *Махмудбеков, Мюридическая секта на Кавказе. См. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 24, Тифлис 1898, стр. 30.*

дали открыть школу в селении Зардобе, хотя там были лица, принимавшие на себя постройку школьного здания. А когда в селении Кельва школа была открыта (1889 г.), шейх «перестал ездить туда говоря, что в Кельве пахнет русским духом, и он не может ниспослать на мюридов благодать божию»¹.

Приверженцы секты Батыл-хаджи отличались особой нетерпимостью. Будучи носителями наиболее фанатичных исламских идей, они наводили страх на верующих.

И все же мусульманские секты, действовавшие в интересах феодально-националистических элементов Кавказа, уже не могли поднять трудящиеся горские массы на сколько-нибудь серьезную вооруженную борьбу против России.

Тем не менее, усиливавшийся колониальный гнет царизма, вмешательство царской администрации в повседневную жизнь горцев, процесс их обезземеливания — все это создавало благоприятную почву для всевозможных религиозных проповедников. Они выступали против сближения народов Кавказа с русским народом, внутри которого уже создавалась передовая, массовая революционная сила — пролетариат и призывали народы Кавказа к объединению на почве мусульманской религии.

Несмотря на то, что Россией еще правила помещики, возглавляемые самодержавным царем, что Россию в это время влекли на Кавказ чисто колониальные интересы, т. е. стремление превратить его в обширный рынок для сбыта товаров, в источник сельскохозяйственного и технического сырья, в объект кулацкой колонизации, сближение с Россией приводило к экономическому и политическому развитию кавказских народов. К концу XIX в., когда Кавказ был уже прочно связан с российским рынком морскими и железнодорожными путями и на Кавказ были завезены машины и различное техническое оборудование, там начала возникать своя добывающая промышленность, создавался свой рабочий класс.

Не случайно В. И. Ленин причислял Северный Кавказ к таким территориям России, где за земледелие в пореформенный период брался свободный крестьянин и где

¹ Махмудбеков, Мюридическая секта на Кавказе. См. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 24, стр. 31.

развитие производительных сил и рост капитализма шли несравненно быстрее, «чем в обремененном пережитками крепостничества центре»¹.

Одновременно на Кавказе формировалась национальная буржуазия, а также и интеллигенция, выдвинувшая из своей среды передовых людей — просветителей и борцов за национальные интересы своих народов.

Большое значение в понимании огромной прогрессивной роли России в судьбах народов Кавказа сыграли выдающиеся просветители, писатели и общественные деятели Кавказа: Мирза Фатали Ахундов в Азербайджане, Хачатур Абовян и Микаэл Налбандян в Армении, Илья Чавчавадзе в Грузии, Коста Хетагуров в Осетии, Шора Ногмов и Бекмурза Пачев в Кабарде, а также и другие прогрессивные деятели Кавказа.

Они верили, что сближение с великим русским народом способно пробудить народы Кавказа к новой жизни, приобщить их к той освободительной борьбе, которую ведут лучшие люди России.

Они всегда выступали против колониальной политики царизма, являясь горячими защитниками интересов своих народов, их национальной культуры и языка; они вместе с тем были подлинными демократами, убежденными проповедниками решительных демократических преобразований в общественной жизни. Они сознавали, что ни мюридизм, ни любая другая религиозная система или идея не может принести независимости народам Кавказа. В своих произведениях и политических выступлениях они призывали к укреплению дружбы с русским народом и боролись против фанатизма и религиозной ограниченности, против сохранения феодальных порядков и связанных с ними темноты и отсталости народных масс.

Их выступления сыграли очень большую роль для разоблачения перед народом воинствующего феодально-монархического национализма, который одурманивал, разъедал сознание горцев и вел их на поводу у врагов России. Нельзя не признать огромного значения дореволюционной прогрессивной литературы народов Кавказа, показывавшей действительное лицо царского колониального режима и вместе с тем подчеркивавшей большую

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 217.

прогрессивную роль сближения народов Кавказа с передовой русской культурой, с революционным русским пролетариатом.

В 70-х годах XIX в. вновь обострился «восточный вопрос» в международных отношениях. Новый взрыв национально-освободительной борьбы на Балканах и в различных частях Османской империи, в том числе и в армянских вилайетах, усиленное продвижение царской России в Средней Азии неизбежно привели к новому столкновению интересов Англии и России на Востоке. Поскольку вопрос о Турции и ее владениях, как уже отмечалось, составлял основное содержание «восточного вопроса», Турция была неизбежно втянута в англо-русский конфликт и приняла в нем активное участие. Вновь возродились мечты турецких феодалов о Кавказе, вновь религиозные проповедники устремились на Кавказ с антирусской пропагандой. Чем больше обострялись русско-турецкие отношения, грозившие перейти в войну, тем энергичнее раздавались голоса, призывающие кавказских мусульман к восстанию против России.

В Дагестан, Чечню и другие места опять стали доставляться письма и воззвания из Константинополя, в частности от сына Шамиля Гази-Мухаммеда¹. В них говорилось горцам о слабости царизма и о необходимости решительно действовать совместно с турками, готовыми к войне.

К тому же призывали и англичане. Английская газета «Стандарт» в номере от 5 (17) декабря 1877 г. писала:

«Высадка 6000 турок в Сухум-Кале подняла [бы] такое возмущение на Кавказе, что вся сила России оказалась недостаточною для его усмирения. Высадка 50 тыс. британских войск в союзе с турецкими, вполне снабженных деньгами и оружием для раздачи жителям, поднимет такую бурю, которая сметет Россию не только в Армении, но из всего Закавказья. Наступление из Индии может быть еще более решительным. Армия, наступающая из Герата против России, поднимет ханства и в первый раз в истории соединит все мусульманские племена Средней Азии в одно общее движение; совершенно справедливо сказать, что мы имеем гораздо больше шансов

¹ Шамиль умер в 1871 г. в г. Медине. См. «Хроника Мухаммеда Тахира ал-Караджи о дагестанских битвах в период Шамиля», М. — Л. 1941, стр. 309.

выгнать Россию из Средней Азии и Кавказа, нежели она, чтобы выгнать нас из Индии»¹.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и частичные неудачи царских войск в июне под Карсом послужили непосредственным толчком к восстанию, охватившему в апреле—октябре 1877 г. часть Терской и Дагестанской областей и Абхазию. Главным очагом восстания была Чечня, откуда рассылались призывы к старшинам, наимбам и муллам Дагестана, Осетии, Кабарды и к народам, живущим на влоскости. Однако все эти народы решительно отказались принять участие в восстании и еще с самого начала войны создали из добровольцев войковые части: дагестанские конные иррегулярные полки, Терскую (вместе с кабардинцами) конную иррегулярную бригаду, Владикавказский осетинский полк, армянские, азербайджанские и грузинские ополченские бригады и др. Эти местные добровольческие войковые части успешно действовали на Кавказском фронте.

Восстание 1877 г. в основе своей было направлено против царских властей, но оно носило феодально-клерикальный характер и благодаря этому не могло оказать действительной помощи народным массам. Руководители восстания тянули народ назад, они стремились к возрождению былых ханств и крепостнической кабалы. И вовсе не случайно во главе восстания стояли представители высшего мусульманского духовенства, уцелевшие сподвижники Шамиля, вступившие в союз с остатками местной родовой феодальной знати. Столетний старец Абдурахман-хаджи, возглавлявший борьбу в ауле Согротль Гунибского района, как представитель высшего духовенства, провозгласил «джихад» (газават) — священную войну мусульман. Имамом Чечни объявил себя Алибек-хаджи, побывавший перед этим в Константинополе у сына Шамиля — Гази-Мухаммеда и довольно тесно связанный с Турцией.

Особенно активно действовали потомки горской феодальной верхушки. Так, в Казикумухе руководящую роль играли Фатали-бек и Абдул-Меджид-бек, потомки бывшего ханского рода, а Джадар-хан объявил себя ханом Казикумуха. В Кайтаге возглавил борьбу сын бывшего

¹ Цит. по статье А. И. Иванова «Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-х — 70-х годах XIX в.», «Исторические записки» № 12, 1941 г., стр. 188.

правителя Мехти-бека, немедленно провозгласивший себя уцмием. Во главе восставших в Кюринском округе встал Магомет-Али-бек, имевший чин штабс-капитана царской армии; он объявил себя кюринским ханом. Кази-Ахмед объявил себя самурским ханом и т. д.

Развернувшаяся в ходе восстания жестокая борьба между претендентами на власть в бывших ханствах, за возрождение существовавших там порядков, в сущности, занимала феодалов и имамов гораздо больше, чем интересы горцев, вовлеченных в восстание. Убедившись, что вожаки восстания возлагают все свои надежды на внешнюю помощь, до получения которой не начинают больших наступательных действий, в результате чего потеряли инициативу, простые горцы, поднявшиеся для борьбы против колониального режима, были разочарованы и стали отходить от восстания. Они начали присоединяться к тем аулам, которые не только не отклинулись на призывы к священной войне, но даже противодействовали приказам и конфискациям продуктов, проводимым новыми ханами и беками.

Когда же положение на Кавказском фронте изменилось и было приостановлено отступление русских войск, снявших осаду Карса, всякая надежда на турецкую помощь отпала. Ничего не дала и короткая вспышка, произшедшая в конце августа 1877 г. в Дагестане, где восстание приняло узко локальный характер и так же, как в Чечне, было чисто националистическим, т. е. не было направлено против феодальной эксплуатации. В середине октября 1877 г. царскими войсками было подавлено восстание в Чечне и в самом начале ноября — в Дагестане, где после взятия аулов Цудахор и Согротль сдались почти все вожди восстания.

Последовавшие за этим карательные меры колониальных властей не могли, конечно, внести спокойствие и тем более улучшить положение горцев. Наоборот, они только возбуждали и усиливали нелюбовь горцев к царизму, а заодно и ко всему русскому. В это время на Кавказе вновь вспыхнула агитация за выселение в Турцию, нашедшая на этот раз опору в новом религиозно-политическом течении, известном под именем панисламизма. Поддерживаемый и пропагандируемый феодально-клерикальными кругами стран Востока, панисламизм, в толковании этих кругов, должен был способствовать

объединению всех мусульманских народов вокруг султанской Турции, вокруг турецкого султана, носившего титул «халифа», т. е. главы всех мусульман.

В. И. Ленин, указывая на необходимость борьбы с панисламизмом и подобными течениями, видел основное их назначение в попытке «соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиций ханов, помещиков, мулл и т. п...»¹

Таким образом, панисламизм вовсе не помогал освободительному движению широких народных масс. До тех пор, пока горцы Кавказа, как и все другие угнетенные царизмом народы, не осознали, что у них, как и у русского народа, общий враг — царское самодержавие, против которого необходимо вести общую борьбу под руководством рабочего класса, их восстания не могли принести им победы. Эти восстания могли только использоватьсь господствующими классами, нашедшими общий язык с самодержавием, для укрепления их позиций и создания новых форм угнетения народных масс, отвечавших задачам новой исторической эпохи — империализма.

Поводом для агитации за выселение в Турцию и на этот раз явился земельный вопрос. В чьих интересах и кем проводилась эта агитация среди кабардинцев, показывает упоминавшееся уже письмо бывшего начальника Нальчикского округа к начальнику Терской области от 17 декабря 1892 г. Автор письма пишет:

«В бытность мою начальником Нальчикского округа, в 1887 году прошел слух о выселении в Турцию кабардинцев во время рассмотрения вопроса о 315 тыс. десятин запасных пастбищ, и кабардинцы решили, в случае неблагоприятного для них решения, просить о разрешении выселения, что многие и заявили мне почти официально. Об этом своевременно было доложено предместнику вашего превосходительства и когда вопрос о запасных землях был решен высочайшим повелением от 21 мая 1889 г., слухи замолкли. Мысль о выселении всегда поддерживалась и поддерживается обедневшими князьями и узденями, в большинстве распродавшими и заложившими свои высочайше пожалованные земли.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 127.

По окончании холерной эпидемии осенью сего года в населении округа стал циркулировать слух, что болезнь ниспослана в виде наказания за невыселение в Турцию, и что все умершие на русской земле лишены возможности попасть в рай. По секретным сведениям, собранным мною в частных разговорах, слух этот распространялся князьями Бекмурзою Исмаилом, а также Магометом Атажукиным (братьем князя Кургоко Атажукина, уехавшего в Турцию в отпуск вместе с самовольно скрывшимся из России князем Жамботом Наурузовым). А так как князья Бекмурза и Исмаил Атажукины продали свои земли в Кубанской области, а Магомет Атажукин в Нальчикском округе, то слухи о подстрекательстве их к выселению получили реальное основание, ввиду чего я и счел необходимым довести о том до сведения вашего превосходительства рапортом за № 74.

К изложенному считаю нужным добавить, что большинство населения в достаточной степени обеспеченное общественною землею и пользующееся благосостоянием, еряд ли решится ходатайствовать о выселении, но нельзя сказать того об именующих себя князьями и узденями (более половины которых продали свои высочайше пожалованные земли и заложили почти все), людях, не получивших образования, привыкших к праздности и легкой наживе, неспособных к физическому труду и считающих постыдным работать наравне с простым народом, презрительно именуемым ими за это холопами¹.

В 1899 г. при министерстве внутренних дел было образовано «Особое совещание» для обсуждения мер, которые необходимо принять против агитации за переселение в Турцию, а также и для выработки более строгих правил выдачи разрешений на переселение навсегда в Турцию.

В новых условиях, когда для развития добывающей промышленности и разработки природных богатств (нефть, марганец, свинец, цинк и др.) требовались рабочие руки, когда рабочая сила требовалась и в сельском хозяйстве, особенно при развитии хлопководства и виноградарства, агитация религиозных проповедников за переселение в Турцию не встречала одобрения ни со стороны местных господствующих классов, ни со стороны

¹ ЦГА СО АССР, ф. Канцелярия начальника Терской области, 1892—1893 гг., д. 209, лл. 3—4.

шарских властей. Последние, наконец, поняли, что совершили большую ошибку, допустив переселение горцев в Турцию. Еще в 1867 г. переселение было запрещено, благодаря чему не состоялось вовсе переселение абхазцев, абадзехов и др.

Однако это вовсе не означало, что положение народных масс изменилось. По-прежнему значительная часть земли была сосредоточена в руках господствующих классов и в земледелии продолжали играть большую роль всевозможные феодальные пережитки; малоземелье и разорение горцев-крестьян увеличивалось. К этому надо еще добавить, что народные массы Кавказа не имели главных условий для своего культурного развития; у них даже не было школы на родном языке, а у многих небольших народов не было и своей письменности. При таких условиях пропаганда панисламизма и веры в лучшую жизнь в стране турецкого султана, где господствовавшие классы цеплялись за все старое, где крепко сохранялись феодальные порядки и засилье религии, встречала сочувствие и последователей далеко не только среди одних феодалов.

В. И. Ленин отмечал, что капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран, без втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. Для русского капитализма Северный Кавказ и представлял собою такую страну, которая интенсивно втягивалась в русло капиталистического развития. Отмечая все бедствия, вызванные этим процессом, отнюдь не замалчивая его отрицательных сторон, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал и прогрессивную роль, выполненную русским капитализмом.

«Признание прогрессивности этой роли, — пишет В. И. Ленин, — вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима»¹.

Дорогой ценой оплачивали народы Кавказа свои первые шаги по пути капиталистического развития.

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, стр. 515.

Расслоение деревни, обнищание и обезземеливание основной массы производителей-крестьян, упадок и разорение местных промыслов и в то же время рост городов — будущих центров капиталистической экономики, — таковы были последствия этого нового процесса экономического развития.

Военно-феодальная экономика, являвшаяся основой колониальной захватнической политики царизма на Кавказе, приводила к сближению царизма с местными феодальными правителями: ханами, султанами, князьями, беками и старшинами. Щедро награждая их землею, чинами и орденами, царизм стремился превратить их в опору самодержавия. С простыми горцами царизм разговаривал языком насилия.

Насаждая политику недоверия между кавказскими народами, создавая национальные конфликты, разжигая внутри-феодальную, религиозную и национальную вражду, царизм тем самым поддерживал отсталость и темноту горцев, стремясь изолировать их от революционной борьбы и общероссийского революционного движения.

В то же время, во второй половине XIX в. совершенно ясно определилось стремление передовых слоев русского и кавказских народов к дружественному сближению. Как те, так и другие осуждали колониальную политику царизма на Кавказе, передовые русские люди неизменно и постоянно выражали свое горячее сочувствие горцам Кавказа, отмечали их героизм, их высокие нравственные качества, тягу к знаниям, способность легко и свободно воспринимать достижения передовой, прогрессивной культуры.

Это укреплявшееся из года в год, вопреки политике царизма, взаимопонимание создавало необходимые предпосылки для совместной борьбы против самодержавия как общего врага всех народов России, в том числе и русского народа. Так готовились условия для включения молодого рабочего класса народов Кавказа в могучие ряды российского пролетариата, уже поднимавшегося к сознательной, организованной борьбе с царским самодержавием и капитализмом.

Возросло и окрепло, как классовая сила, к концу XIX в. и крестьянство Кавказа. В разрозненных, слабо организованных, нередко руководимых феодалами и про-

ходившими под религиозными лозунгами восстаниях, кавказское трудящееся крестьянство получало первый опыт революционной борьбы с царизмом и училось осознавать свои классовые интересы, противоположные целям и стремлениям их родовых старшин и феодалов. Это было верным залогом дальнейшего роста его классовой сознательности и неизбежного сближения крестьянства с рабочим классом, как с верным союзником и надежным руководителем в предстоящих революционных боях нового, XX века.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Кавказ в XVI в. и присоединение Кабарды к России	8
Глава II. Ирано-турецкое соперничество в Закавказье в XVII в. и политика России	42
Глава III. Защита Россией кабардинского народа от крымско-турецкой агрессии в первой половине XVIII в.	56
Глава IV. Северный Кавказ в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг.	84
Глава V. Политика России на Кавказе во второй половине XVIII в.	107
Глава VI. Северный Кавказ во время восстания шейха Малсара и русско-турецкой войны 1787—1791 гг.	135
Глава VII. Колониальная политика России на Кавказе в первой половине XIX в.	151
Глава VIII. Народные движения на Кавказе в середине XIX в.	180
Глава IX. Северный Кавказ в преформенный период	227

**Смирнов Николай Александрович
ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ В XVI—XIX ВЕКАХ**

Редактор *Л. Лазаревич*

Оформление художника *А. Соколова*

Технический редактор *Р. Москвина*

Корректоры *З. Лабова* и *Д. Пречистенская*

Сдано в набор 25 мая 1958 г. Подписано в печать 11 октября 1958 г.
Формат бумаги 84 × 108 $\frac{1}{4}$ н. Бумажных листов 3,81. Печатных листов 12,5.
Учетно-издательских листов 12,71. Тираж, 3 тыс. экз. А-07638. Цена 9 р. 65 к.

Издательство социально-экономической литературы
Москва. В-71. Ленинский проспект, 15

Управление полиграфической промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград. Гатчинская, 26.
Заказ № 1963

Отпечатано в типографии № 8
УГПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Прачечный, пер. 6.